

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

ПОД ЗНАМЕНОМ МАРКСИЗМА

ФИЛОСОФСКИЙ И
ОБЩЕСТВЕННО - ЭКОНОМИЧЕСКИЙ
ЖУРНАЛ

3

Издательство ЦК ВКП(б) „ПРАВДА“

СО Д Е Р Ж А Н И Е

Передовая — Социализм и кадры	1
Богданов Б. — Критика Лениным метафизики и эклектики оппортунизма во время профсоюзной дискуссии	12
Мегрелидзе К. — Н. Я. Марр и философия марксизма	35
Максимов А. — К. А. Тимирязев (к пятнадцатилетию со дня смерти)	53
Приветственное письмо К. А. Тимирязева Московскому совету	60
Тимирязев А. — Страницы из биографии К. А. Тимирязева	61
Переписка К. А. Тимирязева и А. М. Горького	74
Фризен Г. — Генетика и фашизм	86
Покровский Г. и Некрасов А. — О втором начале термодинамики	96
Молодший В. — О происхождении и значении аксиом геометрии	101

КОНСУЛЬТАЦИЯ

Берестнев В. — Логика фракционной борьбы (от оппозиции к контрреволюции)	120
--	-----

С НАУЧНОГО ФРОНТА

Муравьев Г. — Иван Владимирович Мичурин	150
Вендровский В. — Работа Института экспериментальной биологии	155

БИБЛИОГРАФИЯ

Познер В. — Джозеф Пристли. Избранные сочинения	160
Волков Н. — «История техники», 2-й сборник	163
Златов М. — Проф. Мейстер «Критич. очерк основных понятий генетики».	169

СООБЩЕНИЯ И ЗАМЕТКИ

Письмо в редакцию	175
От Коммунистической академии	176

ПОД ЗНАМЕНЕМ МАРКСИЗМА

ФИЛОСОФСКИЙ
И ОБЩЕСТВЕННО-
ЭКОНОМИЧЕСКИЙ
ЖУРНАЛ

1935 г.

Май—июнь

№ 3

СОДЕРЖАНИЕ

Передовая — Социализм и кадры (1). Богданов Б. — Критика ~~Методы~~ метафизики и эклектики оппортунизма во время профсоюзной дискуссии (12). Мергелидзе К. — Н. Я. Марр и философия марксизма (35). Максимов А. — К. А. Тимирязев (к 15-летию со дня смерти) (53). Приветственное письмо К. А. Тимирязева Московскому совету (60). Тимирязев А. — Страницы из биографии К. А. Тимирязева (61). Переписка К. А. Тимирязева и А. М. Горького (74). Фризен Г. — Генетика и фашизм (86). Покровский Г. и Некрасов А. — О втором начале термодинамики (96). Молодший В. — О происхождении и значении аксеном геометрии (101). КОНСУЛЬТАЦИЯ: Берестиев В. — Логика фракционной борьбы (От оппозиции к контрреволюции) (120). С НАУЧНОГО ФРОНТА: Муравьев Г. — Иван Владимирович Мичурин (150). Вендровский В. — Работа Ин-та Экспериментальной биологии (155). БИБЛИОГРАФИЯ: Познер В. — Джозеф Приетли. Избр. соч. Союзгиз, 1934 г. (160). Волков П. — К марксистской истории техники (Сб. «История техники», вып. II, ОНТИ, 1934 г. (163). Злотов М. — Проф. Г. К. Мейстер — «Критический очерк основных понятий генетики», Сельхозгиз, 1934 г. (169). СООБЩЕНИЯ И ЗАМЕТКИ: Письмо в редакцию (175). От Коммунистической академии (176).

Социализм и кадры

Речь товарища Сталина в Кремлевском дворце на выпуске академиков Красной армии (4 мая 1935 г.) представляет собою ярчайший документ, отражающий эпоху упорной борьбы трудящихся Советского союза под руководством партии Ленина—Сталина за построение бесклассового, социалистического общества. Будучи посвящена вопросу о заботливом выращивании большевистских кадров социалистических строителей, эта речь товарища Сталина определяет главное звено работы всех наших организаций и указывает путь дальнейшего продвижения вперед в борьбе за светлую, социалистическую жизнь.

Речь товарища Сталина имеет огромное мировое значение уже по одному тому, что она показывает всему миру, на какую высоту поднимает человека социалистический строй. Мировое значение речи товарища Сталина состоит также и в том, что она подытоживает первый в истории опыт победоносного построения социализма в одной, и притом в прошлом, отсталой стране. Технически отсталая, полунищая, разоренная страна превращена в невиданно короткий срок в страну цветущую, передовую, индустриальную, социалистическую.

Эта всемирноисторическая победа достигнута благодаря ленинско-сталинскому руководству и героическим усилиям революционного рабочего класса. Тот факт, что социализм построен в нашей, бывшей технически отсталой стране и притом в кратчайший срок, показывает, какую величайшую

роль играют рабочий класс и его партия в переходный период — от капитализма к социализму. Пример построения социализма в СССР показывает, что преобразующая роль революционной практики рабочего класса, диктатуры пролетариата имеет решающее значение не только в социалистической перестройке производственных отношений, но и в создании новых, более высоких производительных сил на протяжении переходного периода.

Меньшевики и другие представители антисоветских, контрреволюционных групп (Суханов, Троцкий, Зиновьев, Каменев и др.) с злорадством издевались над ленинско-сталинской теорией построения социализма в одной стране. По-меньшевистски понимая, т. е. отрицая преобразующую роль революционной практики диктатуры пролетариата, они пророчили неминуемую гибель диктатуре пролетариата и всячески обосновывали неизбежность реставрации капитализма. Меньшевик-интервент Суханов пропагандировал ту мысль, что Россия не достигла такой высоты развития производительных сил и культуры, при которой возможен социализм. Контрреволюционные троцкисты и зиновьевцы активно защищали эту меньшевистскую теорию производительных сил. В полном согласии с интервентом Сухановым они стремились навязать рабочему классу контрреволюционный взгляд, будто в нашей стране из-за ее технической отсталости нельзя построить социализм.

Ленин и Сталин в свое время разоблачили теоретическую лживость и контрреволюционный смысл этой меньшевистской теории.

Ленин в своей статье «О нашей революции» (1923 г.), направленной против меньшевистского толкования характера нашей Октябрьской революции, писал: «Россия не достигла такой высоты развития производительных сил, при которой возможен социализм». С этим положением все герои II интернационала и в том числе, конечно, Суханов, носят, поистине, как с писаной торбой. Это беспорное положение они пережевывают на тысячу ладов, и им кажется, что оно является решающим для оценки нашей революции»¹⁾.

Вся эта контрреволюционная свора: меньшевиков, троцкистов, зиновьевцев — воплями о технической отсталости России прикрывала свое неверие в силы рабочего класса, свой отказ признать решающую роль рабочего класса и советского строя в создании новых, более высоких производительных сил и социалистических производственных отношений.

Разоблачая меньшевистские установки, Ленин в той же статье писал: «Если для создания социализма требуется определенный уровень культуры (хотя никто не может сказать, каков этот определенный «уровень культуры»), то почему нам нельзя начать сначала с завоевания революционным путем предпосылок для этого определенного уровня, а потом уже, на основе рабоче-крестьянской власти и советского строя, двинуться догонять другие народы»²⁾.

¹⁾ Ленин. Т. XXVII, стр. 399.

²⁾ Там же, стр. 400.

Конечно, было бы грубейшей ошибкой толковать это положение Ленина как отрицание необходимости известных объективных экономических предпосылок для завоевания политической власти и строительства социализма. Именно Ленин в своих замечаниях на «Экономику переходного периода» Бухарина выступил против такого извращения Бухариным теории марксизма и подчеркнул, что «без известной высоты капитализма у нас бы ничего не вышло»¹⁾.

Но, отмечая наличие некоторых экономических предпосылок для того, чтобы начать строительство социализма в нашей стране, Ленин в то же время подчеркивал, что решающим в деле дальнейшего развития производительных сил являются сам революционный класс и советский общественный строй. В этих положениях Ленина сформулировано глубочайшее понимание диалектики общественного развития.

Ленин никогда не отрывал развитие субъективного фактора революции от объективных ее предпосылок; но вместе с тем развитие объективных предпосылок революции Ленин рассматривал в неразрывной связи с развитием революционного рабочего класса. Для установления диктатуры пролетариата и строительства социализма необходим некоторый минимум развития производительных сил (минимум — различный при различных конкретно-исторических условиях). Но ведь наличие революционного рабочего класса в нашей стране уже свидетельствует о том, что необходимый уровень развития производительных сил существует. Нельзя забывать имеющего глубокий революционный смысл положения Маркса, что «организация революционных элементов в класс предполагает существование всех тех производительных сил, которые могли зародиться в недрах старого общества»²⁾.

Раз в стране сложился революционный рабочий класс и его руководящая — большевистская партия, раз этот класс завоевал и отстоял в гражданской войне свою политическую власть, то дальнейшее движение к социализму зависит от правильной политики и революционной практики рабочего класса. При этом для правильного понимания преобразующей роли революционной практики пролетариата нельзя упускать из виду другое важнейшее положение марксизма, что «наибольшую производительную силу представляет сам революционный класс»³⁾.

Враги социализма: меньшевики, троцкисты, белогвардейское охвостье зиновьевщины — всячески замалчивают эти положения марксизма, они стремятся вытравить из марксизма его революционную сущность. Сообразно с этим они всячески стараются принизить, свести нанет преобразующую роль революционной практики рабочего класса в переходный период. Они рассматривают социализм как пассивный продукт развития техники. В действительности же социализм создается на протяжении переходного периода

¹⁾ Ленинский сборник XI, стр. 397.

²⁾ «Ницшега философии», стр. 158. 1931. Разрядка наша.—Ред.

³⁾ Там же.

путем упорной классовой борьбы и активной сознательной деятельности пролетариата, руководимого коммунистической партией. СССР является примером того, какую огромную роль может сыграть революционный рабочий класс в развитии производительных сил в условиях диктатуры пролетариата. Уже за первую пятилетку рабочий класс СССР создал почти новые, неизмеримо более высокие производительные силы. А в результате выполнения плана второй пятилетки продукция новых или заново реконструированных предприятий будет составлять 80% всей валовой продукции промышленности. Такова преобразующая роль революционной практики рабочего класса. В свете этих исторических данных становится понятной и осязательной вся глубина положения Маркса, что важнейшей производительной силой является сам революционный рабочий класс. Вот почему «из всех ценных капиталов, имеющих в мире, самым ценным и самым решающим капиталом являются люди, кадры» (Сталин).

Лидеры правого оппортунизма (Бухарин и др.) не понимали значения рабочего класса как важнейшей производительной силы, не понимали преобразующей роли его революционной практики и борьбы. Бухарин в своей механистической теории изображает рабочих в производстве «как живые машины», как простую техническую категорию; тем самым Бухарин выбросил из определения рабочей силы ее классовое, революционное содержание. Ленин решительно выступил против такой характеристики рабочего класса. В своих замечаниях на «Экономику переходного периода» Бухарина, в том месте, где Бухарин истолковывает «личные» элементы производительных сил (т. е. рабочих) как техническую категорию, Ленин замечает: «личное» (не точный термин) не есть «техническое» (стр. 371). А несколько ниже Ленин отмечает, что автором «забыто» положение Маркса о том, что наиболее крупной производительной силой является сам революционный класс¹⁾.

Не понимая преобразующей роли революционной практики рабочего класса, правые оппортунисты выступили против большевистских темпов индустриализации, отодвигали на задний план задачу создания собственной индустриально-технической базы. Товарищ Сталин, высмеивая эту право-оппортунистическую установку, говорил: «При таком «плане» мы не имели бы ни металлургии, ни машиностроения, ни тракторов и автомобилей, ни авиации и танков. Мы оказались бы безоружными перед внешним врагом. Мы подорвали бы основы социализма в нашей стране. Мы оказались бы в плену у буржуазии внутренней и внешней» (Сталин).

Рабочий класс, руководимый коммунистической партией, является главной движущей силой пролетарской революции и социалистического строительства, важнейшей производительной и преобразующей силой.

Рабочий класс нашей социалистической страны создает новую технику и овладевает этой техникой. Создание новой техники и овладение техникой — это, по существу, различные стороны, различные звенья

¹⁾ Ленинский сборник XI, стр. 374.

одного и того же процесса развития производительных сил. Однако было бы неправильно сказать, что эти различные стороны и звенья процесса имеют неизменное соотношение и одинаковое значение на всех этапах развития. В действительности, на разных этапах развития социалистических производительных сил выступает на первое место в качестве главного звена то одна, то другая сторона.

Например со вступлением в период реконструкции с особой остротой возник вопрос о технике, о создании собственной индустриально-технической базы.

«Вы знаете, — говорит товарищ Сталин, — что мы получили в наследство от старого времени отсталую технически и полунищую, разоренную страну. Разоренная четырьмя годами империалистической войны, повторно разоренная тремя годами гражданской войны, страна с полуграмотным населением, с низкой техникой, с отдельными оазисами промышленности, тонувшими среди моря мельчайших крестьянских хозяйств, — вот какую страну получили мы в наследство от прошлого. Задача состояла в том, чтобы эту страну перевести с рельс средневековья и темноты на рельсы современной индустрии и механизированного сельского хозяйства. Задача, как видите, серьезная и трудная. Вопрос стоял так: либо мы эту задачу разрешим в кратчайший срок и укрепим в нашей стране социализм, либо мы ее не разрешим, и тогда наша страна — слабая технически и темная в культурном отношении — растеряет свою независимость и превратится в объект игры империалистических держав».

Тогда задача состояла в том, чтобы создать первоклассную индустрию, технически реорганизовать промышленность, сельское хозяйство, транспорт, технически оснастить нашу Красную армию, создать собственную индустриальную, машиностроительную базу. Механизация тогда явилась той решающей силой, без которой невозможно было выдержать ни темпов, ни масштабов социалистического строительства.

Уже в результате выполнения плана первой пятилетки в нашей стране создана собственная тяжелая индустрия с ее ведущим звеном — передовым машиностроением, завершено построение фундамента социалистической экономики.

Страна из отсталой превращена в передовую индустриальную социалистическую страну. На этой базе оказалось возможным поставить и осуществить во второй пятилетке задачу завершения технической реконструкции всех отраслей народного хозяйства.

Но наше высокоразвитое индустриальное производство требует и высокоразвитой рабочей силы. Нельзя говорить об использовании и развитии техники вне процесса овладения этой техникой. «Нельзя технику отрывать от людей, приводящих технику в движение».

«Техника без людей, овладевших техникой, мертва. Техника во главе с людьми, овладевшими техникой, может и должна дать чудеса» (Сталин). Вот почему индустриализация в СССР требует не только создания технической базы, но и создания кадров, владеющих техникой, требует даль-

нейшего развития рабочей силы, повышения ее производственной квалификации.

Задача овладения техникой стала с особой силой как главная задача во второй пятилетке, после того как новейшая техника в основном уже была создана и когда дальнейшее развитие социалистических производительных сил стало зависеть главным образом от освоения новой техники, от умелого и максимального использования ее мощности. Это вовсе не значит, что теперь приостанавливается новое строительство, — сейчас строятся сотни новых промышленных предприятий. Но центр тяжести в борьбе за дальнейшее развитие социалистической промышленности на данном этапе переносится на кадры, овладевшие техникой. Товарищ Сталин в своей беседе с металлургами (26 декабря 1934 г.) разъяснил, какое огромное значение приобретает овладение техникой в настоящий период.

«Многие неправильно поняли, — говорил товарищ Сталин, — лозунг партии: «Техника в период реконструкции решает все». Многие поняли этот лозунг механически, т. е. поняли в том смысле, что ежели нагромоздить побольше машин, то этим будто бы будет сделано все, что требуется этим лозунгом. Это неверно. Нельзя технику отрывать от людей, приводящих технику в движение. Техника без людей мертва. Лозунг «Техника в период реконструкции решает все» имеет в виду не голую технику, а технику во главе с людьми, овладевшими техникой. Только такое понимание этого лозунга является правильным. И поскольку мы уже научились ценить технику, пора заявить прямо, что главное теперь в людях, овладевших техникой. Но из этого следует, что если раньше однобоко делали ударение на технику, на машины, то теперь ударение надо делать на людях, овладевших техникой»¹).

Решающее значение людей, овладевших техникой, товарищ Сталин с еще большей остротой подчеркнул в своей речи в Кремлевском дворце на выпуске академиков Красной армии 4 мая 1935 г. В этой речи товарищ Сталин обосновал необходимость замены старого лозунга «Техника решает все», соответствовавшего пройденному периоду, новым лозунгом «Кадры решают все». В этой речи товарищ Сталин дал классический образец применения ленинско-сталинского учения о «звене» к развитию производительных сил в СССР:

«Дело идет о том, чтобы выделить из ряда задач, стоящих перед партией, ту именно очередную задачу, разрешение которой является центральным пунктом и проведение которой обеспечивает успешное разрешение остальных очередных задач»²).

Лозунг «Техника в период реконструкции решает все» был выдвинут в тот период, когда в нашей стране еще не была создана собственная индустриально-техническая база. В тот период ударение делалось на технику потому, что тогда развитие производительных сил социа-

¹) «Правда» 29/XII 1934 г.

²) Сталин «Вопросы ленинизма», стр. 53—59. 10-е изд.

листической промышленности и сельского хозяйства упиралось непосредственно в создание новой техники. Тогда это было главным, основным звеном, ибо от этого тогда зависело дальнейшее продвижение вперед. «Наша страна, — говорит товарищ Сталин, — переживала тогда период жесточайшего голода в области техники. Не хватало машин для индустрии. Не было машин для сельского хозяйства. Не было машин для транспорта. Не было той элементарной технической базы, без чего не мыслимо индустриальное преобразование страны. Были только отдельные предпосылки для создания такой базы. Надо было создать первоклассную индустрию. Надо было направить эту индустрию на то, чтобы она была способна реорганизовать технически не только промышленность, но и сельское хозяйство, но и наш железнодорожный транспорт»¹).

В этих положениях товарища Сталина дан исчерпывающий ответ, почему на тогдашнем этапе был выдвинут лозунг «Техника в период реконструкции решает все».

Теперь этот этап можно считать в основном уже пройденным. Теперь, продолжает товарищ Сталин, «мы имеем уже мощную и первоклассную промышленность, мощное и механизированное сельское хозяйство, развертывающийся и идущий в гору транспорт, организованную и прекрасно оснащенную Красную армию. Это значит, что мы изжили уже в основном период голода в области техники.

Но, изжив период голода в области техники, мы вступили в новый период, в период, я бы сказал, голода в области людей, в области кадров, в области работников, умеющих оседлать технику и двинуть ее вперед. Дело в том, что у нас есть фабрики, заводы, колхозы, совхозы, армия, есть техника для всего этого дела, но не хватает людей, имеющих достаточный опыт, необходимый для того, чтобы выжать из техники максимум того, что можно из нее выжать. Раньше мы говорили, что «техника решает все». Этот лозунг помог нам в том отношении, что мы ликвидировали голод в области техники и создали широчайшую техническую базу во всех отраслях деятельности для вооружения наших людей первоклассной техникой. Это очень хорошо. Но этого далеко и далеко недостаточно. Чтобы привести технику в движение и использовать ее до дна, нужны люди, овладевшие техникой, нужны кадры, способные освоить и использовать эту технику по всем правилам искусства. Техника без людей, овладевших техникой, — мертва. Техника во главе с людьми, овладевшими техникой, может и должна дать чудеса. Если бы на наших первоклассных заводах и фабриках, в наших совхозах и колхозах, в нашей Красной армии имелось достаточное количество кадров, способных оседлать эту технику, страна наша получила бы эффекта втрое и вчетверо больше, чем она имеет теперь. Вот почему упор должен быть сделан теперь на людях, на кадрах, на работниках, овладевших техникой. Вот почему старый лозунг — «техника решает все», являющийся от-

¹) Сталин. Речь в Кремлевском дворце на выпуске академиков Красной армии. «Правда» 6/V 1935 г.

ражением уже пройденного периода, когда у нас был голод в области техники, — должен быть теперь заменен новым лозунгом, лозунгом о том, что «кадры решают все»¹⁾.

Теперь, когда в нашей стране создана индустриальная, машиностроительная база, когда наши машиностроительные заводы выпускают ежегодно сотни тысяч машин и станков, мы в основном уже изжили голод в области техники. Наша страна сейчас обладает новейшей техникой во всех областях народного хозяйства. Уже в 1934 г. наше машиностроение в 16 раз превышало довоенное. Теперь в нашей стране имеется около 40 000 предприятий крупной промышленности и около 280 000 предприятий мелкой промышленности. Технически перевооружены и механизированы на 60—80% такие трудоемкие отрасли промышленности, как угольная, рудная промышленность, черная металлургия. Под социалистическое земледелие теперь тоже подведена мощная техническая база. Ленин в начале переходного периода мечтал о 100 тыс. тракторов, чтобы трудящийся крестьянин сказал: «Я за коммунию». Эта мечта Ленина выполнена под руководством товарища Сталина уже в первой пятилетке. В настоящее время на совхозных и колхозных полях работают около 300 000 тракторов, 40 000 комбайнов, 35 000 автомашин и множество других сельскохозяйственных машин.

Новая техника создана. Теперь на базе достигнутой индустриализации, на базе новейшей техники открываются новые богатейшие перспективы и новые возможности дальнейшего повышения производительности и качества труда, материального и культурного уровня рабочих и колхозников. Дальнейшее продвижение вперед зависит от того, как используются эти возможности, как используется созданная новая техника; для того чтобы использовать полную мощность новой техники и двинуть развитие техники дальше, необходимы кадры людей, в совершенстве овладевших техникой и умеющих производительно работать. Вот почему при нынешних условиях «кадры решают все».

Кадры не создаются «самотеком». Лозунг товарища Сталина «Кадры решают все» требует от организаций и их руководителей заботливого и внимательного выращивания кадров. «Лозунг «Кадры решают все» — требует, чтобы наши руководители проявляли самое заботливое отношение к нашим работникам, к «малым» и «большим», в какой бы области они ни работали, выращивали их заботливо, помогали им, когда они нуждаются в поддержке, поощряли их, когда они показывают первые успехи, выдвигали их вперед и т. д.» (Сталин). Наша партия и советская власть под руководством товарища Сталина уже вырастили и воспитали тысячи новых руководителей промышленности, сотни тысяч молодых квалифицированных рабочих, поднявшихся на уровень новой техники. Одни школы фабзавуча за 1930—1933 гг. выпустили около 800 тыс. квалифицированных рабочих; а из вузов и техникумов за этот же период времени выпущено более 180 тыс. молодых инженеров и техников.

¹⁾ Сталин. Речь в Кремлевском дворце на выпуске академиков Красной армии. «Правда» 6/V 1935 г.

Теперь идет речь о создании кадров, исчисляемых миллионами, о том, чтобы новой техникой овладели широкие массы рабочих и колхозников, чтобы эти широкие массы строителей социализма освоили новую технику по всем правилам искусства и выжали из нее максимум того, что можно выжать. Речь идет о таких кадрах, которые могли бы не только овладеть данной техникой, но и двинуть вперед ее развитие.

«Из месяца в месяц, из года в год мы должны поднимать свою технику и свою промышленность на все большую и большую высоту. Если не иметь все время перед собой этой перспективы, то можно остановиться на одном хорошем моторе, или на одном хорошем Формоле, или на одном хорошем тракторе, или на одном хорошем блюминге, или на одной хорошей плавке и застрячь на нем. А техника, товарищи, все время движется и движется вперед, и тот, кто сколько-нибудь замешкался по дороге движения вперед, тот отстает»¹⁾. А постоянно двигать технику и производительность труда вперед могут только высококвалифицированные кадры, в совершенстве овладевшие техникой.

Массовая техническая учеба является одним из рычагов освоения новой техники. «Но школа — это только подготовительная ступень. Настоящая закалка кадров получается на живой работе, вне школы, на борьбе с трудностями, на преодолении трудностей» (Сталин). При выращивании большевистских кадров имеют огромное значение политиковоспитательная работа и вовлечение в активную борьбу за социалистическое строительство. Ведь наша борьба за новую технику и ее освоение является составной частью борьбы за уничтожение классов, за светлую, социалистическую жизнь. Эту высокую цель мы не должны упускать из виду. Овладение техникой социалистического производства неразрывно связано с выработкой классовой, социалистической сознательности, с преодолением пережитков старого общества. Выращивание новых кадров предполагает искоренение элементов бюрократизма и бездушного отношения к людям, иногда еще встречающихся в отдельных звеньях нашего аппарата.

Самая постановка вопроса о заботливом выращивании кадров возможна только в нашей, социалистической стране. Наша советская социалистическая система имеет особые преимущества: она таит в себе колоссальные возможности для роста и всестороннего развития людей. В то время как при капитализме развитие машинного производства вытесняет рабочих с производства, выбрасывает их на улицу и деквалифицирует, — у нас при социалистическом строе развитие техники означает вовлечение рабочих в крупное машинное производство, повышение их производственно-технической квалификации и культурного уровня.

У нас в СССР бурное развитие техники и социалистической экономики открывает новую эпоху в развертывании культурной революции, новые широчайшие возможности в деле дальнейшего выращивания большевистских кадров социалистических строителей.

¹⁾ Орджоникидзе. Речь на совете при Наркомтяжпроме 12 мая 1935 г.

Капиталистический способ производства, превратившийся в реакционную, задерживающую развитие силу, хищнически использует и разрушает важнейшую производительную силу — рабочий класс: он не в состоянии обеспечить не только повышение, но и сохранение исторически приобретенного уровня культурного и производственно-технического развития рабочего класса; десятки миллионов рабочих выталкиваются с производства в ряды безработных, деквалифицируются; физические силы рабочих истощаются; царит огромная безработица среди интеллигенции. Например в фашистской Германии, по данным фашистского министра «просвещения», из 370 тыс. лиц, получивших университетское образование, свыше 200 тыс. остаются без работы.

«При господстве частной собственности, — писал Маркс, — эти производительные силы получают лишь одностороннее развитие, становясь для большинства разрушительными силами, и множество подобных производительных сил вовсе не может найти себе применения при частной собственности»¹⁾.

Только в Советском союзе, при социалистических производственных отношениях, возможно всестороннее развитие рабочего класса, трудящихся масс крестьянства — строителей социалистического общества. Широко развернута техническая учеба, работа по повышению квалификации, сеть фабрично-заводского ученичества, рабочих техникумов, школ крестьянской молодежи, курсов колхозных бригадиров и трактористов, средних и высших учебных заведений, всестороннее развитие, коммунистическое воспитание трудящихся масс, неуклонно повышающиеся материальное благосостояние и культурный уровень их — все это мыслимо только в условиях победы пролетариата над буржуазией, в условиях диктатуры пролетариата и социалистического строительства. Только в нашей, социалистической стране возможна такая исключительная забота о человеке — строителе и борце за социалистическое общество. Только в социалистической стране трудящиеся могут раскрыть и проявить все свои способности и таланты. В социалистическом обществе из всех капиталов «самым ценным и самым решающим капиталом являются люди, кадры» (Сталин).

Указание товарища Сталина о заботливом выращивании кадров целиком относится и к теоретическому фронту, в частности к кадрам, овладевающим марксистско-ленинской философией. После исторической беседы товарища Сталина с работниками философского фронта (декабрь 1930 г.), определившей линию работы и борьбы на философском фронте против меньшевистствующего идеализма и механицизма, значительно расширились философские кадры, состав их обновился. К научной и педагогической работе по марксистской философии пришли новые кадры молодых работников, окончившие ИКП, аспирантуру вузов. Однако эти кадры нуждаются в дальнейшей теоретической подготовке. В работе наших научных работников и преподавателей еще не изжиты полностью схематизм, абстракт-

¹⁾ К. Маркс и Ф. Энгельс «Немецкая идеология», стр. 51. Изд. 1934. Рязрядка наша. — Ред.

ность, неумение увязать теоретические проблемы с задачами социалистического строительства. Все это ставит перед философскими кадрами задачи дальнейшего повышения теоретического уровня, глубокого изучения конкретных исторических событий и вопросов социалистического строительства, на основе которых только и возможно правильное уяснение научных выводов и обобщений. Лозунг товарища Сталина о заботливом выращивании кадров, овладевших техникой своего дела, применительно к задачам философского фронта является лозунгом борьбы за высокий теоретический уровень, принципиальную политическую выдержанность и конкретность как в научно-исследовательской, так и в педагогической работе.

Критика Лениным метафизики и эклектики оппортунизма во время профсоюзной дискуссии

Б. Богданов

I

Единство теории и практики составляет существеннейшую характерную черту марксизма-ленинизма. «Наше учение — не догма, а руководство к действию», — неустанно напоминал и подчеркивал В. И. Ленин вслед за основоположниками марксизма. Марксизм — революционное учение международного пролетариата — возник не как плод кабинетного творчества, а как результат борьбы со всякого рода буржуазными и мелкобуржуазными теориями и теориями («истинный социализм», прудонизм, бакунизм, анархизм, лассальянство, реформизм и т. д. и т. п.), чтобы дать рабочему классу истинный лозунг борьбы за свержение капитализма и построение бесклассового, социалистического общества. Точно так же и ленинизм, как марксизм эпохи империализма и пролетарских революций, вырос и закалился в непримиримой борьбе с народничеством, с меньшевизмом, с оппортунизмом II интернационала и со всякими уклонами как вправо, так и «влево» внутри нашей партии. Борьба на два фронта, борьба за чистоту марксистско-ленинской теории, за большевистские принципы программы, тактики и организации нашей партии есть закон развития нашей партии.

Решающее в марксизме-ленинизме, ее революционную «душу живую», коренное теоретическое основание составляет материалистическая диалектика Маркса, Энгельса, Ленина и Сталина. Свойственное марксизму-ленинизму единство теории и практики в применении к его философскому учению выступает как единство философии и политики. Подобно Марксу и Энгельсу Ленин (а после него — его лучший, гениальный ученик товарищ Сталин) развивает и двигает дальше философскую науку марксизма — материалистическую диалектику — не абстрактно, не кабинетным образом, а в тесной связи и на основе практических задач классовой, политической борьбы пролетариата.

Борясь за революционный марксизм, против либерального народничества и «легального марксизма», В. И. Ленин уже в своих первых, ранних работах вскрывает и подвергает уничтожающей критике их философские «основы»: субъективную социологию народников и буржуазный «объективизм» Струве и других «легальных» марксистов. В этой борьбе Ленин не только защищает, но и двигает вперед философию марксизма. Борясь за создание партии нового типа, боевой революционной партии пролетариата против русского и международного ревизионизма (меньшевизма), Ленин разоблачает неокантианство, софистику и эклектику II интернационала как философскую основу ревизионизма. В эпоху реакции борьба против

махизма, получившего большое распространение как проявление идейного разброда среди меньшевиков (Базаров, Юшкевич и др.) и эсеров (Чернов, Валентинов и др.), а также частично проникшего и в ряды большевиков (А. Богданов, Луначарский), заставляет Ленина «разыскать, на чем свихнулись люди, преподносящие под видом марксизма нечто невероятно сбивчивое, путаное и реакционное»¹⁾, результатом чего явился замечательный труд Ленина — «Материализм и эмпириокритицизм», входящий наряду с трудами Маркса и Энгельса в сокровищницу марксизма, в его железный инвентарь.

Настоящая статья пытается показать разработку и мастерское применение Лениным материалистической диалектики и его критику философских основ политического оппортунизма на одном из примеров внутривнутрипартийной борьбы, именно — ленинскую критику эклектики и софистики Троцкого и Бухарина в период дискуссии о профессиональных союзах (1920—1921 г.).

* * *

В конце 1920 и в начале 1921 г., незадолго до X с'езда, в нашей партии происходила острая дискуссия по вопросу о роли и задачах профессиональных союзов, потрясшая всю партию и угрожавшая расколом партии, так как в ходе дискуссии, в противовес «платформе десяти» членов ЦК во главе с Лениным, выявился целый ряд фракционных группировок, выступивших со своими особыми платформами, как-то: троцкисты, «буферная фракция» тов. Бухарина и др., группа «рабочая оппозиция» (Шляпников, Коллонтай, Медведев и др.), «демократические централисты» (Сапронов, Осинский и др.). Дискуссия отняла у партии немало времени и сил на споры по теоретическим вопросам в ущерб непосредственно деловым, насущным задачам того периода, так что Ленин квалифицировал ее как совершенно не позволительную роскошь, поистине удивительную в тогдашних условиях неслыханных трудностей международного и внутреннего характера в положении соввласти²⁾. Эта роскошь была еще более непозволительна потому, что дискуссия имела характер острой фракционной борьбы при наличии «чрезвычайного обилия платформ, оттенков, отточков, почти что отточков»³⁾, что колебало единство партии и тем ставило под угрозу самое существование советской власти. Поэтому В. И. Ленин со всей силой указывал на эту опасность, опасность раскола партии, а значит, и гибели советской власти. «Надо иметь мужество смотреть прямо в лицо горькой истине. Партия больна. Партию треплет лихорадка», — говорил он⁴⁾.

Ставя такой решительный диагноз состоянию партии, Ленин отнюдь не впадал в панику и был твердо уверен, что болезнь захватила только партийные «верхи», притом преимущественно московские, но что вся партия в целом, — весь партийный организм — здорова и настолько зрела, чтобы быстро справиться с болезнью, определить свое мнение и тем прекратить шатание «верхов». И Ленин был прав. Партия быстро мобилизовалась, сплотилась вокруг «платформы десяти» — членов ЦК во главе с Лениным — и на X с'езде положила конец дискуссии, превратив эту платформу (проект постановления) в решение с'езда и приняв кроме того особые резолюции об единстве партии и об анархо-синдикалистском уклоне, осудив этим не только (хотя и главным образом) «рабочую оппозицию», но и все остальные фракционные группировки.

¹⁾ Ленин «Материализм и эмпириокритицизм», предисловие к 1-му изд. (Собр. соч. Т. XIII, стр. 12. 3-е изд.).

²⁾ Ленин. Собр. соч. Т. XXVI, стр. 200 и 208. 3-е изд.

³⁾ Там же, стр. 200.

⁴⁾ Там же, стр. 87.

Нельзя понять ни существа, ни смысла и значения дискуссии о профсоюзах, вреда фракционной борьбы без учета тех условий, среди которых она происходила, того положения, в котором находилась в тот период наша партия и вся страна. Это был один из труднейших периодов в жизни молодой советской республики, один из сложных и трудных этапов переходного периода. Основной, определяющей особенностью этого этапа был переход от войны к миру. Только что была в основном закончена гражданская война: разгромлен и сброшен в море Врангель, заключено перемирие с Польшей, прогнаны последние интервенты. Происходила демобилизация Красной армии, что при тогдашнем состоянии транспорта представляло очень сложную задачу и в свою очередь затрудняло экономическое положение страны. А это последнее было исключительно тяжелым: ужасающая хозяйственная разруха как результат почти семилетней войны — сначала империалистической, затем гражданской, голод, вызванный неурожаем, и топливный кризис, в значительной степени приостановивший транспорт и промышленность.

«Только по окончании войны мы увидели всю ту степень разорения и нищеты, которые надолго осуждают нас на простое только излечение ран»¹⁾, — так характеризовал тогдашнее положение страны В. И. Ленин на X съезде РКП(б). «Здесь в значительной степени кроются источники целого ряда кризисов: и хозяйственного, и социального, и политического»²⁾.

На почве усталости и истощения, вызванных многолетней войной, хозяйственной разрухой и продовольственным кризисом, в народных массах рождались настроения пассивности, поднимала голову мелкобуржуазная и анархическая стихия. Враги советской власти: кадеты, эсеры и меньшевики, при поддержке международной буржуазии пытались использовать экономические трудности для того, чтобы сеять панику, разжигать недовольство в отсталых массах и попытаться свалить диктатуру пролетариата. Эти настроения и явления больше всего сказывались среди крестьянства — этой силы колебания. В результате завоеваний Октября наша деревня осередничалась, центральной фигурой земледелия стал крестьянин-середняк, не эксплуатирующий чужого труда. Средняцкое крестьянское хозяйство, как простое товарное, нуждалось для своего нормального функционирования в свободе хозяйственного оборота путем торговли. Между тем экономическая политика «военного коммунизма», вызванная нуждами обороны Советской республики, лишала крестьянское хозяйство стимулов к расширенному воспроизводству, так как в порядке продовольственной разверстки у него отбирались все излишки. Пока еще продолжалась гражданская война, крестьянство мирилось с этой мерой, понимая ее необходимость. Но когда война окончилась, крестьянство проявило свое недовольство такой формой экономических отношений. Показателем этого явилось в особенности кронштадтское восстание (28/II—18/III 1921 г.). Это свидетельствовало об изменении отношений между рабочим классом и крестьянством. «Отношения эти не те, что мы думали», — говорил В. И. Ленин в своем отчете о политической деятельности ЦК партии на X съезде РКП(б), делая политические выводы из сложившейся обстановки, — «и отношения эти представляют при диктатуре пролетариата опасность, во много раз превышающую всех Деникиных, Колчаков и Юденичей, сложных вместе. На этот счет не должно быть ни у кого заблуждения, ибо оно было бы самым роковым!»³⁾.

¹⁾ Ленин. Собр. соч. Т. XXVI, стр. 204. 3-е изд.

²⁾ Там же, стр. 203.

³⁾ Там же, стр. 210.

Другими словами, труднейшие условия окончания гражданской войны и перехода к хозяйственному строительству со всей остротой поставили перед партией и соввластью вопрос о необходимости укрепления в новых условиях союза рабочего класса с крестьянством как высшего принципа диктатуры пролетариата. Прежняя, военно-политическая форма этого союза, обеспечившая нашу победу в гражданской войне, была уже недостаточна: нужно было установить «смычку» на новой, уже экономической основе, так как крестьянство, избавившись благодаря Октябрьской революции от капиталистов и помещиков и получив от советской власти землю, нуждалось в помощи по восстановлению своего хозяйства. Партия вскоре нашла эту новую форму союза рабочего класса с средним крестьянством в виде «новой экономической политики» (нэп), первым шагом которой было принятие X съездом партии решения о замене продразверстки продналогом, а затем целая сумма вытекающих отсюда мероприятий.

Не только среди крестьянства, но и в самом рабочем классе наблюдались настроения усталости, элементы распада, обусловленные разрухой промышленности.

На долю рабочего класса выпали наибольшие лишения и колоссальные жертвы: он сражался на многочисленных фронтах гражданской войны, он в тягчайших условиях продовольственного, сырьевого и транспортного кризиса налаживал и поддерживал производство. Из-за недостатка сырья и топлива многие предприятия стояли, а продовольственный кризис заставлял многих рабочих заниматься выделыванием зажигалок, самоснабжением или даже бросать производство и уходить в деревню. Это приводило к опасности деформирования основной производительной силы общества, носителя пролетарской диктатуры, — самого рабочего класса, а потому ставило под угрозу самое существование диктатуры пролетариата и строительство социализма. Для собирания и воссоздания этой основной силы пролетарской революции нужно было восстановить промышленность, обеспечить ее сырьем и продовольствием, следовательно, как говорил В. И. Ленин, начать надо было с крестьянства. Таким образом все сводилось к тому же основному вопросу — установлению смычки с крестьянской экономикой, союза рабочего класса с основными массами крестьянства как условия сохранения и укрепления пролетарской диктатуры и обеспечения возможности социалистического строительства.

Вот каковы были особенности положения и основные вопросы, стоявшие перед нашей партией в тот период. Основное заключалось в установлении в новых условиях правильных взаимоотношений между рабочим классом и крестьянством, между партией как авангардом пролетариата и всей массой рабочего класса. Главный вопрос был «о методах подхода к массе, овладения массой, связи с массой. В этом вся суть»¹⁾. Гений В. И. Ленина — великого стратега пролетарской революции — усматривал эту суть с самого начала; именно этой сути не хотели замечать тогдашние оппозиционеры: Троцкий и заодно с ним Бухарин, Шляпников, Сапронов и др. Вопрос о роли и задачах профсоюзов, по которому происходила внутривнутрипартийная дискуссия, был хотя и существенным, но частным моментом более общего и важного, основного вопроса о диктатуре пролетариата: о ее базе и структуре, «приводных ремнях и рычагах», о ее задачах в отношении политики и экономики и т. д.

Именно этот вопрос о судьбе и задачах пролетарской диктатуры в крестьянской стране, в труднейших условиях хозяйственной разрухи, вызванной войной, блокадой и интервенцией, по существу и решала наша партия под видом дискуссии о роли и задачах профессиональных союзов. Только в этом

¹⁾ Ленин. Собр. соч. Т. XXVI, стр. 66. 3-е изд.

разреze и можно правильно и полностью понять смысл и значение этой дискуссии, а также вскрыть антиленинскую сущность троцкизма, всю суть и глубину политических и теоретических ошибок Бухарина и других тогдашних оппозиционеров.

«Нельзя вполне уяснить себе никакой ошибки, в том числе и политической, — писал В. И. Ленин, — если не доискаться теоретических корней ошибки у того, кто ее делает, исходя из определенных, сознательно принимаемых им, положений»¹⁾.

В настоящей статье нас интересует ленинская методология в борьбе против троцкизма и неправильных позиций т. Бухарина. Перейдем к непосредственному рассмотрению этого вопроса.

II

Дискуссия о профсоюзах была вызвана и начата Л. Троцким, который стоял на точке зрения «огосударствления» профсоюзов (т. е. по существу превращения их в часть государственного аппарата) и в качестве наркомпути пытался фактически проводить эту линию в Цектрane, что и привело в результате к конфликту с профсоюзами, к угрозе раскола профсоюзов, к отрицанию руководящей роли партии в системе диктатуры пролетариата вообще и в частности к отрицанию партийного руководства профсоюзами, наконец, к угрозе раскола в партии. Л. Троцкий характеризовал тогдашнее состояние профсоюзов как «тягчайший кризис», делавший их неспособными к выполнению их роли и задач по участию в управлении хозяйством. Не веря в силы рабочего класса, Троцкий предлагал «перетряхнуть» профсоюзы, «протереть с песочком», пересмотреть и обновить состав руководящих профсоюзных работников, уничтожить профсоюзную демократию, усилить меры принуждения и т. д. и т. п.

В действительности же под прикрытием этих рассуждений Л. Троцкий пытался сколотить и организационно закрепить кадры своих сторонников для борьбы против партии, против ленинизма. В своем выступлении на V Всероссийской конференции профсоюзов, происходившей 2—6 ноября 1920 г., Л. Троцкий бросил «крылатое словечко» о «перетряхивании» профсоюзов. Это выступление Троцкого вызвало разногласия в ЦК партии, ставшие предметом рассмотрения на Пленуме ЦК 8—9 ноября 1920 г. Троцкий внес на этот Пленум свой «черновой набросок» тезисов «Профсоюзы и их дальнейшая роль» (который в дальнейшем превратился в брошюру-платформу «Роль и задачи профсоюзов»). Вся позиция Троцкого была насквозь пронизана политикой «перетряхивания». Пленум ЦК постановил не выносить разногласий на широкое обсуждение, а разобрать и ликвидировать их внутри ЦК, для чего выделил особую «профессионалистскую» комиссию, включив в нее и Троцкого. Но Троцкий отказался работать в этой комиссии, что означало уже фракционный шаг борьбы против решения ЦК и вынесение этой борьбы за пределы ЦК. Так началась дискуссия о профсоюзах и фракционная борьба Троцкого против партии; в дальнейшем ходе дискуссия привела к образованию еще нескольких фракционных группировок, из которых главными были «буферная фракция» Бухарина, Преображенского и Серебрякова (в дальнейшем по существу сомкнувшаяся с позицией Троцкого) и «рабочая оппозиция» (Шляпников и др.).

Следующим важным этапом в развитии дискуссии послужил раскол Цектрана, совершившийся в декабре. Руководство Цектрана, состоявшее в большинстве из сторонников Троцкого, вызвало конфликт с водниками, допустив в своей работе неуместные и вредные крайности бюрократизма по

¹⁾ Ленин. Собр. соч. Т. XXVI, стр. 131.

отношению к рабочей массе железнодорожников и водников, продолжая работать методами «военного коммунизма» и бюрократического администрирования, вопреки прямой директиве IX съезда партии и Пленума ЦК от 8 ноября, требовавшим перехода к нормальным методам работы на основе рабочей демократии.

«Если на V Всероссийской конференции профсоюзов (2—6 ноября 1920 г.), — писал Ленин, — только еще начиналась создаваться атмосфера, угрожающая расколами, то в начале декабря 1920 г. раскол Цектрана стал фактом»¹⁾.

Конфликт Цектрана с водниками поступил на рассмотрение профессиональной комиссии ЦК и затем Пленума ЦК РКП(б) 7 декабря 1920 г., на котором 8 голосами против 7 была принята «буферная», половинчатая резолюция тов. Бухарина. Эта «буферная» резолюция не могла ликвидировать конфликта; представители водников вышли из Цектрана. Так произошел раскол в Цектроне и раскол между его руководством и профсоюзной массой. А это было фактом уже большого и притом опасного, вредного политического значения. Антимарксистская, антиленинская линия Троцкого по отношению к профсоюзам в этом конфликте с Цектрном выступила, как писал Ленин, «уже не как логические расчленения, посылки, теоретические рассуждения, а в действии. Получилась в ЦК каша и кутерьма; это в первый раз в истории нашей партии во время революции, и это опасно. Гвоздем было то, что получилось раздвоение, получилась «буферная» группа Бухарина, Преображенского и Серебрякова, которая больше всех навредила и напутала»²⁾.

Указанная здесь Лениным опасность состояла в том, что Бухарин вместо того, чтобы занять решительную линию против троцкизма и ударить по нему, очутился сам со своей группой на поводу у Троцкого и таким образом в партии обозначились фракционные группировки и наметилась угроза раскола партии. Действительно, В. И. Ленин со всей силой обрушился на эту опасность, чтобы предупредить раскол партии.

Троцкий, Рязанов, Шляпников и др. обвиняли Ленина в том, что он старался сорвать дискуссию, что он «запутывал» партию якобы несуществующей опасностью. Ленин на это отвечал, что зачисляет это себе в комплимент, что стремление не допустить дискуссии считает своей заслугой, ибо она (дискуссия) была вредна, так как отвлекала партию от непосредственной деловой работы в очень трудный момент³⁾.

Однако, благодаря разжиганию фракционной борьбы со стороны Троцкого и ошибок «буферной фракции» тов. Бухарина и др., по существу поддерживавшей Троцкого, разногласия обострялись и выходили уже за пределы ЦК.

Поэтому предупредить широкую дискуссию не удалось, и ЦК 24 декабря разрешил свободу дискуссии. «Разногласия внутри ЦК заставили обратиться к партии»⁴⁾. А уже 25 декабря Л. Троцкий опубликовал свою фракционную брошюру-платформу «Роль и задачи профсоюзов». Началось «общепартийное говорение», стали одна за другой появляться разные платформы и тезисы.

«Производства нет, а производством худых тезисов занялись», — так характеризовал Ленин создавшееся положение⁵⁾.

Дискуссия разгорелась всю 30 декабря 1920 г. на соединенном заседании фракции РКП(б) VIII съезда советов, ВЦСПС и МГСПС.

¹⁾ Ленин. Собр. соч. Т. XXVI, стр. 120. 3-е изд.

²⁾ Там же, стр. 75. 3-е изд. Разрядка мол.— Б. Б.

³⁾ Там же, стр. 234, 76 и др.

⁴⁾ Там же, стр. 144.

⁵⁾ Там же, стр. 102.

На этом заседании главными оппозиционерами против Ленина выступили Л. Троцкий и тов. Бухарин. Бухарин пытался «буферить», но односторонне, выступая только против Ленина, но ни слова не говорил против Троцкого. Он огласил часть своих тезисов, которые были опубликованы позднее в «Правде» 16 января 1921 г. На этом же заседании Шляпников огласил платформу «рабочей оппозиции». Кроме бухаринской «буферной» платформы в «Правде» за 16 января 1921 г. была опубликована еще платформа «группы демократического централизма» (Сапронов и др.), а 19 января — платформа «игнатовцев» (позднее примкнувших к «рабочей оппозиции»). Это обилие различных платформ выражало идейный разброд среди оппозиции. В то же время происходила консолидация партии вокруг «платформы десяти», т. е. проекта постановления X съезда партии о профсоюзах, опубликованного в «Правде» 14 января 1921 г. от имени группы членов ЦК во главе с Лениным и Сталиным. В дискуссию включились крупнейшие парторганизации промышленных центров, и первой выступила на стороне Ленина и большинства ЦК против Троцкого и Бухарина питерская парторганизация, опубликовавшая «Обращение к партии». Это знаменовало «переход от борьбы фракций, образуемых сверху, к вмешательству организаций снизу. Большой шаг вперед к оздоровлению»¹⁾. Прогноз Ленина и в данном случае блестяще подтвердился. Выборы на X съезд партии, производившиеся с разрешения ЦК по платформам, дали подавляющее большинство сторонникам ленинской «платформы десяти». К X съезду партии из 8 платформ уцелели только 3 основных: «платформа десяти», объединенная платформа Троцкого и Бухарина и платформа «рабочей оппозиции». X съезд положил конец дискуссии. «Платформа десяти» получила 336 голосов, платформа Троцкого и Бухарина — 50 и платформа «рабочей оппозиции» — всего 18 голосов. С незначительными поправками внесенный группой членов ЦК проект постановления («платформа десяти») превратился в постановление X съезда партии «О роли и задачах профсоюзов».

Таков ход развития дискуссии о профсоюзах.

Обратимся теперь к ближайшему рассмотрению политической и теоретической сторон платформы Л. Троцкого и тов. Бухарина.

III

Не случайно, что в одной из работ, посвященных анализу и критике троцкизма и позиций тов. Бухарина в профсоюзной дискуссии²⁾, В. И. Ленин дал предметный урок, блестящий образец развития материалистической диалектики как теории познания и логики марксизма, дал классическое определение диалектической логики в отличие от логики формальной. Ленин учил, что в то время как формальная логика ограничивается внешними связями, формальными определениями и их эклектическим соединением, — логика диалектическая требует действительного, конкретного, всестороннего знания предмета, изучения всех его сторон, связей и отношений («опосредствований»). Таково первое правило диалектической логики, — указывает В. И. Ленин, — и хотя оно никогда не осуществимо полностью вследствие диалектики относительной и абсолютной истины, но оно предохраняет от ошибок и от омертвления, абсолютизирования действительности и ее отражения в нашем сознании. Кроме этого правила В. И. Ленин указывает еще и ряд других, а именно:

«Во 2-х, диалектическая логика требует, чтобы брать предмет в его развитии, «самодвижении» (как говорит иногда Гегель), изменении... В 3-х,

¹⁾ Ленин. Собр. соч. Т. XXVI, стр. 91.

²⁾ «Еще раз о профсоюзах, о текущем моменте и об ошибках Троцкого и Бухарина». Избран. сочин. Т. XXVI, 3-е изд.

вся человеческая практика должна войти в полное «определение» предмета и как критерий истины и как практический определитель связи предмета с тем, что нужно человеку. В 4-х, диалектическая логика учит, что «абстрактной истины нет, истина всегда конкретна», как любил говорить вслед за Гегелем покойный Плеханов¹⁾.

Таковы основные требования диалектической логики, учит В. И. Ленин, и он в ходе дискуссии о профсоюзах дает блестящий предметный урок ее применения и развития в борьбе против троцкистской метафизики и эклектики тов. Бухарина и др., резко принципиально противопоставляя логику марксистскую, или диалектическую, логике «формальной или схоластичной».

В. И. Ленин указывал на необходимость конкретного изучения сущности разногласий, их развертывания и видоизменения в развитии на разных этапах борьбы. «Надо, — писал В. И. Ленин, — чтобы все члены партии с полным хладнокровием и величайшей тщательностью приняли и изучать: 1) сущность разногласий и 2) развитие партийной борьбы. Необходимо и то и другое, ибо сущность разногласий развертывается, разъясняется, конкретизируется (а сплошь да рядом и видоизменяется) в ходе борьбы»²⁾.

Все эти требования материалистической диалектики как теории познания и логики марксизма В. И. Ленин блестяще применил и развил как при анализе ошибок оппозиции во время дискуссии о профсоюзах, так и во всех своих работах и деятельности по руководству партией и советским государством. То же делает вслед за В. И. Лениным его лучший ученик и соратник, наш учитель и вожди — товарищ Сталин.

Борясь против троцкизма и политически ошибочной линии тов. Бухарина, В. И. Ленин вскрывает их теоретические основы, демонстрируя тем самым диалектическое единство политической и теоретической классовой борьбы пролетариата. Ленин показывает, что в основе троцкизма и политических ошибок тов. Бухарина лежит «интеллигентская словесность», «мертвая схоластика», абстрактность, схематизм, односторонность, т. е., короче говоря, метафизика (формальная логика) и эклектика; именно эти черты и характеризуют всю методологию Л. Троцкого и тов. Бухарина. Вместе с тем В. И. Ленин показывает, как теоретические ошибки, если на них настаивают, а не исправляют, перерастают в политические, как из маленьких вначале разногласий вырастает раскол. Такова логика фракционной борьбы. Ленин писал: «Есть объективная логика фракционной борьбы, которая даже лучших людей, если они настаивают на занятой ими неправильной позиции, неизбежно приводит к положению, ничем фактически не отличающемуся от беспринципной демагогии. Этому учит вся история фракционных войн (пример: объединение «впередовцев» и меньшевиков против большевиков)»³⁾.

Эту логику фракционной борьбы всегда полностью и во всей неприглядной наготе вскрывал В. И. Ленин как в данном случае, в дискуссии о профсоюзах, так и во всех аналогичных случаях, о чем свидетельствует вся история нашей партии, история борьбы В. И. Ленина против всех и всяческих уклонов и оппозиций, откуда бы они ни исходили и каким бы флагом ни прикрывались.

Вслед за Лениным такую же работу продолжает его лучший ученик и последователь, вождь партии товарищ Сталин, под руководством которого наша партия разгромила как троцкизм и троцкистско-зиновьевско-каменев-

1) Ленин. Собр. соч. Т. XXVI, стр. 134—135.

2) Ленин. Собр. соч. Т. XXVI, стр. 87.

3) Там же, стр. 93.

ский оппозиционный блок, скатившийся затем в болото контрреволюции и белогвардейщины, так и правый оппортунизм и всякого рода право-«левацких» уродов. Идейный и организационный разгром всякого рода уклонов, оппозиций и фракционных группировок является необходимым и важнейшим условием единства партии как основной руководящей силы пролетарской диктатуры и орудия победоносного социалистического строительства.

Так было и в профсоюзной дискуссии: из маленького, на первый взгляд, как будто чисто отвлеченного разногласия выросло такое положение, которое В. И. Ленин характеризовал как кризис партии.

«Всегда ошибка начинается с маленького и становится большой, — говорил тогда Ленин. — Всегда разногласия начинаются с маленького. Всякому случалось получить ранку, но если эта ранка начинает гнить, то может получиться смертельная болезнь... В ноябре говорят о перетряхивании, а в декабре — уже большая ошибка»¹⁾.

В ноябре (на конференции профсоюзов) Л. Троцкий бросил свое крылатое словечко о «перетряхивании» профсоюзов, а в декабре (в своей брошюре-платформе) уже выдвинул фракционное требование, что «предстоящему партс'езду придется выбирать (разрядка Троцкого) между двумя тенденциями в области профессионального движения»²⁾, т. е. по существу между ленинизмом и троцкизмом.

Своими «положениями» о наличии особого «тягчайшего кризиса» профсоюзов и о необходимости «перетряхивания», настаивая на этом, Л. Троцкий вызвал дискуссию и в то же время, всячески раздувая разногласия и пытаясь дать им «принципиальное обоснование», он, тем не менее, уклонялся от делового обсуждения и разрешения вопроса в комиссии ЦК, в которую был включен, и тем сознательно срывал ее работу. Этот фракционный образ действий В. И. Ленин тогда же квалифицировал как бюрократический, несоветский, несоциалистический, втрое не неправильный и политически вредный прием³⁾. Между тем только деловое обсуждение вопроса в комиссии ЦК могло бы ликвидировать разногласия и избавить партию от недопустимой роскоши в течение нескольких месяцев дискутировать по поводу набивших у всех оскомину плохих и вредных платформ и тезисов, отнимая у партии массу времени, сил и средств в ущерб деловой работе.

Насколько это было вредно и как возмущался, какое значение придавал этому Ленин, видно из следующих его слов на собрании в Большом театре 30 декабря 1920 г.:

«Подытоживая все, что имеется по этому вопросу, я должен сказать, что вынесение этих разногласий на широкую партийную дискуссию и на партс'езд есть величайшая ошибка. Политически это ошибка. В комиссии и только в комиссии мы бы имели деловое обсуждение и двигались бы вперед, а сейчас мы идем назад, и несколько недель пойдем назад к абстрактным теоретическим положениям вместо делового подхода к задаче. Что касается меня, то мне это надоело смертельно, и я с величайшим удовольствием от этого удалился бы независимо от болезни, я готов бы спастись куда угодно»⁴⁾.

Вместо конкретного, делового подхода к вопросу о роли и задачах профсоюзов, с учетом политических и экономических условий момента, весь подход Л. Троцкого был абстрактный, метафизический, надуманный: вместо живого дела он этим тянул партию назад, «к мертвой схоластике»⁵⁾.

¹⁾ Ленин. Собр. соч. Т. XXVI, стр. 99. Варианты этой же мысли и, в частности, сравнение с ранкой, но в более развернутом виде смотри там же, стр. 67 и 119.

²⁾ Цитировано по Ленину. Собр. соч. Т. XXVI, стр. 114 и др.

³⁾ Там же, стр. 76.

⁴⁾ Там же, стр. 81.

⁵⁾ Там же, стр. 129.

«Когда я беру вопрос о производственной роли профсоюзов, — говорил В. И. Ленин, — я вижу ту коренную неправильность у Троцкого, что он все время говорит об этом «в принципе», об «общем принципе». У него во всех тезисах речь идет с точки зрения «общего принципа». Постановка уже в этом коренным образом неправильна»¹⁾).

Вследствие такого абстрактного, метафизического и, по существу, идеалистического подхода к вопросу не мудрено, что в брошюре-платформе Л. Троцкого «О роли и задачах профсоюзов» и во всей его позиции было сконцентрировано такое большое количество теоретических и политических ошибок, которые наслаивались друг на друга.

Рассуждая «вообще» о новых задачах профсоюзов, о «производственной демократии», «производственной атмосфере», в действительности Л. Троцкий не имел за душой никакой положительной программы, а то положительное, что скрывалось за «интеллигентской словесностью» о «сращивании» и о «производственной атмосфере» (по существу, — производственной пропаганде), уже практически осуществлялось профсоюзами на основе программы партии и решений IX съезда РКП(б). Это было прекрасно выражено как обобщение практического опыта в тезисах тов. Я. Рудзутака, принятых V Всероссийской конференцией профсоюзов. В. И. Ленин чрезвычайно высоко оценивал эти тезисы тов. Я. Рудзутака и считал большой ошибкой членов ЦК Троцкого, Бухарина и др., что они своевременно не обратили внимания на эти тезисы и не оценили их должным образом. Сопоставляя тезисы тов. Я. Рудзутака и брошюру-платформу Троцкого, В. И. Ленин указывал в первых совершенно конкретные мероприятия, обеспечивавшие за профсоюзами возможность выполнения своей производственной роли, а именно: натуральные премии, дисциплинарные товарищеские суды и пр., — а у Троцкого лишь «пустую интеллигентскую болтовню»²⁾.

«Есть у Троцкого новые задачи? Нет. А что есть нового, то хуже. В том-то и дело», — говорит В. И. Ленин³⁾. «Все разногласия у Троцкого выдуманные, никаких «новых задач и методов» ни у него, ни у «цектранистов» нет, все деловое и существенное профсоюзами сказано, принято, решено и притом еще до постановки вопроса в ЦЕКА»⁴⁾.

В самом деле. Возьмем, например, вопрос о «сращивании» профсоюзов с хозяйственными органами. Троцкий много шумел по этому поводу; в своей фракционной брошюре-платформе он демагогически утверждал, что «по мере того как задачи хозяйства выдвигаются на передний план, многие профессионалисты все резче и непримиримее выступают против перспектив «сращивания» и вытекающих из него практических выводов», что «отбиваясь от новых задач и методов, многие профессионалисты развивают в своей среде дух корпоративной замкнутости, неприязни к новым работникам, привлекаемым в данную область хозяйства, и таким образом фактически поддерживают пережитки цеховщины среди профессионально-организованных рабочих»⁵⁾.

Поэтому Троцкий предлагал вводить в состав совнархозов от 1/3 до 1/2 и от 1/2 до 2/3 представителей профсоюзов, а тов. Бухарин, поддерживая это, договорился до «обязательных кандидатур» представителей профсоюзов

¹⁾ Там же, стр. 65. Разрядка моя. — Б. Б.

²⁾ Ленин. Собр. соч. Т. XXVI, стр. 90.

³⁾ Там же, стр. 101.

⁴⁾ Там же, стр. 90.

⁵⁾ Цитировано по Ленину. Собр. соч. Т. XXVI, стр. 97. Разрядка моя. — Б. Б.

в хозорганах, что представляло уже уклон к синдикализму (об этом подробнее ниже).

Уже в одном только этом «тезисе» мистера Троцкого В. И. Ленин усматривал поразительное богатство «перлов» и особенно отмечал, во-первых, его фракционность, во-вторых, насквозь бюрократический подход, квалифицировал его как бюрократическое прожектерство и беспринципное политиканство.

Как реагировал В. И. Ленин на это бюрократическое прожектерство Троцкого? Об этом у нас есть собственное свидетельство Ленина, в высшей степени замечательное и показательное для характеристики его метода впритиривовес методу Л. Троцкого и тов. Бухарина.

«Прочитав это, — писал В. И. Ленин, — я попросил т. Милютина (заместитель председателя Высшего совета народного хозяйства) прислать мне имеющиеся печатные отчеты по вопросу о сращивании. Думаю про себя: начну-ка я хоть по-маленечку изучать наш практический опыт, ибо нестерпимо скучно заниматься «общепартийным говорением» (выражение Бухарина,... которое, пожалуй, станет «крылатым словечком» не менее, чем знаменитое «перетряхивание») — впустую, без материала, без фактов, высасывая из пальца разногласия, дефиниции, «производственные демократии»¹⁾.

Изучение уже имевшегося практического опыта, по данным отчета ВСНХ VIII всероссийскому съезду советов, показало, что «уже теперь участие рабочих, в среднем, составляет 61,6%, т. е. ближе к 2/3, чем к половине! Бюрократически-прожектерский характер того, что написал об этом в тезисах Троцкий, уже доказан: Говорить, спорить, писать платформы «от 1/3 до 1/2» или «1/2 до 2/3», все это — самое пустопорожнее «общепартийное говорение», отвлечение сил, средств, внимания, времени от производственной работы, одно политиканство без серьезного содержания»²⁾.

Поэтому В. И. Ленин советовал своим противникам насчет сращивания лучше помолчать, ибо сращиванием (сращиванием не в троцкистско-синдикалистском, а в ленинском смысле делового привлечения членов профсоюзов к участию в управлении хозяйством) мы уже вплотную занялись практически, и следует лишь изучать и исправлять имеющийся практический опыт в этом деле, «а без этого условия споры о сращивании неизбежно вырождаются в водолейство, в пустое отвлечение сил партии от хозяйственной работы»³⁾.

«Деловито изучить наш собственный практический опыт мы еще не сумели. Мы сумели сочинить принципиальное разногласие о сращивании и при этом сделать ошибку, на это мы мастера, а изучить наш собственный опыт и проверить его — на это нас нет»⁴⁾.

Возьмем, далее, пресловутый лозунг «производственной демократии», «производственной атмосферы», с которым чрезвычайно носились Л. Троцкий и тов. Бухарин.

В. И. Ленин указывал, что тут как лозунг, так и самый термин, — это неуклюжий интеллигентски-искусственный «выкрутас», теоретически неверный, путанный и пустой⁵⁾. «И чем больше я в эту «производственную демократию» вдумываюсь, — говорил Ленин, — тем яснее я вижу теоретическую фальшь, вижу непродуманность. Ничего, кроме каши, тут нет»... «И Троц-

¹⁾ Ленин. Собр. соч. Т. XXVI, стр. 129

²⁾ Там же, стр. 130.

³⁾ Там же, стр. 129.

⁴⁾ Там же, стр. 71.

⁵⁾ Там же, стр. 69, 89, 124 и др.

кий, и Бухарин ясно теоретически оба не продумали этого термина и запутались»¹⁾). Это интеллигентская словесность, которой рабочий не понимает, указывал В. И. Ленин; «производственные атмосферы» и «демократии» есть сор, засоряющий глаза рабочих массе, затрудняющий их понимание»²⁾).

Ленин весьма тонко, остроумно и вместе с тем совершенно заслуженно иронизировал над тем, что сам тов. Бухарин в своих тезисах, обращенных к рабочей массе, вынужден был особо об'яснять значение мудреного термина «производственная демократия».

«По-моему, — говорил Ленин, — с точки зрения демократизма, это не демократично; для масс надо писать без таких новых терминов, кои требуют особого об'яснения; с точки зрения «производственной», это вредно, ибо заставляет тратить время попусту на об'яснение ненужного термина»³⁾).

Ленин иронизировал также и над «маленькой слабостью» тов. Бухарина — его почти что сладострастной приверженностью к разным мудреным «выкрутасам». «Если словечко с выкрутасом, то тут он уже не может не быть за», — справедливо подметил Ленин и на этом примере считал нужным еще раз дать ему на партсобрании совет: «Тов. Н. И. Бухарин, поменьше словесных выкрутасов, — польза будет для вас, для теории, для республики»⁴⁾).

Известно, что эта «маленькая слабость» органически присуща тов. Бухарину как его чрезвычайно характерная черта, и Ленин неоднократно отмечал это в ряде других случаев. Например в замечаниях на книгу тов. Бухарина «Экономика переходного периода» В. И. Ленин отмечал «полную путаницу, проистекающую от чрезмерной любви автора упражняться в игре понятиями, выдавая это за «социологию»⁵⁾), богдановскую *Begriffsscholastik* как главного врага автора⁶⁾), высмеивая ученую, «ложноклассическую» манеру тов. Бухарина: «Уф! Почему не попроще...? О, академизм! О, ложноклассицизм! О, Тредьяковский!»⁷⁾); В. И. Ленин резюмировал свое отношение к этой манере тов. Бухарина в иронической *Recensio academica*, заключающей его замечания на названную книгу.

Но обратимся к рассмотрению того, в чем же не терминологически, а по существу теоретическая неправильность и путаница пресловутого лозунга «производственной демократии», выдвигавшегося Троцким и тов. Бухариным. Путаница заключается здесь в эклектическом соединении совершенно различных категорий: экономической и политической — производства и демократии. Ленин подчеркивает, что демократия есть категория, относящаяся исключительно к области политической; демократия как и вообще всякая политическая надстройка определяется производственными отношениями и в конечном счете служит производству; поэтому выделение какой-то особой «производственной демократии» ничего не говорит, это путаница и пустышка⁸⁾). Это — с теоретической точки зрения. Но и в практически-политическом отношении лозунг «производственной демократии» приводит к еще большей путанице в понимании соотношения демократии и диктатуры пролетариата. Менее чем за год до дискуссии о профсоюзах IX с'езд партии (29/III—5/IV 1920 г.) в резолюциях об очередных задачах хозяйственного строительства и о профсоюзах и их организации принял решения об усиле-

¹⁾ Ленин. Собр. соч. Т. XXVI, стр. 69.

²⁾ Там же, стр. 127.

³⁾ Там же, стр. 124.

⁴⁾ Там же, стр. 69.

⁵⁾ Ленинский сб. XI, стр. 355. 2-е изд. 1931

⁶⁾ Там же, стр. 361.

⁷⁾ Там же, стр. 385.

⁸⁾ Ленин. Собр. соч. Т. XXVI, стр. 69 и 124.

нии единоначалия в управлении производством. А тут выдвигается лозунг, идущий вразрез с этим курсом и потому вселяющий путаницу. «Производственная демократия порождает ряд мыслей, в корне фальшивых, — говорил Ленин. — Сапог не изнашивали, когда единоличие проповедывали. Нельзя вносить кашу, создавая опасность, что люди запутаются: когда демократия, когда единоличие, когда диктатура. Ни в коем случае не надо отрекаться и от диктатуры», — добавлял и подчеркивал В. И. Ленин¹).

А то положительное, что хотели сказать Л. Троцкий и тов. Бухарин под путаницей, ошибочными терминами «производственной атмосферы» и «производственной демократии», уже целиком входило в понятие, задачи и рамки производственной пропаганды, для чего уже было создано специальное учреждение — Всероссийское бюро производственной пропаганды. И с этой стороны лозунг «производственной демократии» являлся совершенно лишним. Кроме того, сама производственная пропаганда была бы лишь благим пожеланием, не имеющим практического значения, без ее организационно-материального обеспечения в виде натуральных премий и дисциплинарных судов, что и было предусмотрено в тезисах тов. Я. Рудзутака, принятых V Всероссийской конференцией профсоюзов (2—6/XI 1920 г.). Между тем именно об этих-то практических мероприятиях у Троцкого и тов. Бухарина и не было ни слова, поэтому их лозунг «производственной демократии», «производственной атмосферы» оказывался совершенно пустым, висющим в воздухе. «Дисциплинарные суды мы все забыли, — говорил Ленин, — а производственная демократия без премий натурой, без дисциплинарных судов — одна болтовня»²).

Но если бы дело заключалось только в этой «маленькой слабости» — склонности Л. Троцкого и тов. Бухарина к «крылатым словечкам» и «интеллигентским выкрутасам», то это было бы еще полбеды. Но дело было гораздо хуже: суть борьбы лежала значительно глубже, не только в плоскости теоретических споров о формулировках, а в политической линии. «Суть спора именно в политике (т. е. в политике партии по отношению к профсоюзам), — писал В. И. Ленин, —... что в корне неправ в этом споре Троцкий со своей политикой «перетряхивания»³), ибо это была «политика» бюрократического дерганья профсоюзов, грозившая расколом и потому совершенно недопустимая. Весь подход, все направление и позиция Л. Троцкого были вконец неверны, ибо «тут политически ясно, что такой подход вызовет раскол и свалит диктатуру пролетариата»⁴). Ленин в своем докладе на II Всероссийском съезде горнорабочих 25 января 1921 г. указывал, что Шляпников в вопросе о профсоюзах «ушел от программы» партии в сторону, а Л. Троцкий со своей «политикой перетряхивания» «скакнул» через п. 5 партийной программы и впал в ряд ошибок, связанных с самой сутью вопроса о диктатуре пролетариата⁵). «Действительное расхождение, — говорил В. И. Ленин, — повторяю, совсем не в том, в чем видит его Троцкий, а в вопросе о том, как овладеть массой, в вопросе о подходе к ней, о связи с ней»⁶). В дискуссии о профсоюзах борьба шла «из-за расхождения по вопросу о методах подхода к массе, овладения массой, связи с массой. В этом вся суть»⁷).

✓ Л. Троцкий не понимал и не учитывал изменившихся классовых взаимо-

¹) Ленин. Собр. соч. Т. XXVI, стр. 69. Разрядка моя. — Б. Б.

²) Там же, стр. 80.

³) Там же, стр. 119.

⁴) Там же, стр. 98.

⁵) Там же, стр. 106.

⁶) Там же, стр. 66. Разрядка моя. — Б. Б.

⁷) Там же. Разрядка моя. — Б. Б.

отношений в тот трудный период перехода от войны к миру, требовавших нового подхода к массам как рабочего класса, так и в особенности крестьянства: он продолжал и доводил до крайности работу методами военного коммунизма, применяя исключительно администраторский, бюрократический подход, механически перенося в рабочий класс методы армейской работы, подчеркивая при этом не лучшие, а худшие стороны опыта военной работы.

Товарищ Сталин в статье «Наши разногласия», опубликованной 19 января 1921 г. в «Правде», писал о сущности разногласий во время дискуссии о профсоюзах:

«Наши разногласия лежат в области вопросов о способах укрепления трудовой дисциплины в рабочем классе, о методах подхода к рабочим массам, вовлекаемым в дело возрождения промышленности, о путях превращения нынешних слабых профсоюзов в союзы мощные, действительно производственные, способные возродить нашу промышленность»¹⁾.

Имея в виду наличие двух методов: военного — метода принуждения — и профсоюзного — метода убеждения, — товарищ Сталин указывал, что «смешивать эти два метода так же непозволительно, как непозволительно сваливать в одну кучу армию и рабочий класс»²⁾. Между тем именно такое непозволительное смешение и делал Л. Троцкий, заявляя, что противопоставление военного и профсоюзного методов представляет собой проявление каутскиански-меньшевистски-эсеровских предрассудков, капитуляцию перед каутскианством. «Ошибка Троцкого, — продолжал товарищ Сталин, — состоит в том, что он недооценивает разницы между армией и рабочим классом, ставит на одну доску военные организации и профсоюзы, пытается, должно быть по инерции, перенести военные методы из армии в профсоюзы, в рабочий класс... Это непонимание легло в основу вышедших недавно полемических брошюр Троцкого о профсоюзах. В этом непонимании источник ошибок Троцкого»³⁾.

Этим Троцкий нарушал правильные взаимоотношения между партией, как авангардом пролетариата, и массами рабочего класса, между пролетариатом, как гегемоном, и крестьянством, т. е. раскалывал партию и рабочий класс, союз пролетариата и крестьянства, как «высший принцип диктатуры пролетариата», подрывая самую основу и руководящую силу советской власти. Вот чем неправильна и губительна была троцкистская «политика перетряхивания» профсоюзов. Эту-то опасность видели и указывали с самого начала и В. И. Ленин и товарищ Сталин.

Таким образом, в основе разногласий о профсоюзах лежал, как сущность более глубокого порядка, другой важнейший вопрос — о правильных отношениях стоящего у власти пролетариата, составляющего в крестьянской стране меньшинство населения, к крестьянству, об установлении с средним крестьянством, разоренным и уставшим от войны, новых форм экономической связи в изменившихся условиях. Не только раскол, а и простая трещина по этой линии угрожала бы диктатуре пролетариата гибелью. Ленин говорил: «Только профсоюзы могут объединить экономически миллионы разнородных хозяйств, если сама шестимиллионная масса верит своей партии, идет за своей партией, так, как шла до сих пор. Вот та механика, которой мы держимся. Это политический вопрос, как эта механика работает»⁴⁾.

Эту же суть вопроса подчеркивал тогда же и товарищ Сталин. Указывая, что 80% населения РСФСР составляли крестьяне, товарищ Сталин

¹⁾ Сталин «Об оппозиции», стр. 7—8.

²⁾ Там же, стр. 8.

³⁾ Там же, стр. 9.

⁴⁾ Ленин, Собр. соч. Т. XXVI, стр. 107.

писал в упомянутой выше статье: «Для того, чтобы править такой страной, необходимо иметь на стороне советской власти прочное доверие рабочего класса, ибо только через рабочий класс и силами рабочего класса можно руководить такой страной»¹⁾.

Вот эту то «механику», на которой держится пролетарская диктатура в крестьянской стране, и отвергал Троцкий, ее он разрушал своей политикой «перетряхивания», бюрократического дерганья профсоюзов. В этом и состоял политический вред, а не только теоретическая беспринципность.

Не понимая этого политического существа вопроса, Троцкий и вместе с ним тов. Бухарин обвиняли Ленина в «заstraивании», в «подмене» вопроса: мы, мол, подходим к вопросу хозяйственно, а Ленин — политически. Ленин квалифицировал этот упрек как «ни с чем несообразный, в устах марксиста совсем недопустимый», содержащий «вопиющую теоретическую неверность» и свидетельствующий о забвении азбуки марксизма — первенства политики над экономикой²⁾. В этой связи В. И. Ленин с исключительной силой и в классически-четкой форме изложил учение марксизма о соотношении политики и экономики и одновременно на этом примере вскрыл эклектицизм Троцкого и в особенности тов. Бухарина.

«Политика есть концентрированное выражение экономики... Политика не может не иметь первенства над экономикой»³⁾ — эту азбуку марксизма должен был напомнить Ленин тов. Бухарину, «ибо вопрос стоит (и, по-марксистски, может стоять) лишь так: без правильного политического подхода к делу, данный класс не удержит своего господства, а следовательно не сможет решить и своей производственной задачи»⁴⁾.

Политический же подход к профсоюзам означал, что раскол партии с профсоюзами погубил бы советскую власть.

Бухарин метафизически разорвал и противопоставил политический и «хозяйственный» подход к профсоюзам, а затем стал их эклектически соединять: «нельзя отбросить ни этот политический, ни этот хозяйственный момент», — говорит тов. Бухарин и сам подчеркивает, что как раз в этом и состоит теоретическая сущность идеологии «буферной фракции»⁵⁾.

«Теоретическая сущность той ошибки, которую здесь делает тов. Бухарин, — писал Ленин, — состоит в том, что он диалектическое соотношение между политикой и экономикой (которому учит нас марксизм) подменяет эклектицизмом. «И то, и другое», «с одной стороны, с другой стороны» — вот теоретическая позиция Бухарина. Это и есть эклектицизм. Диалектика требует всестороннего учета соотношений в их конкретном развитии, а не выдергивания кусочка одного, кусочка другого»⁶⁾.

Ленин обнаружил метафизику и эклектицизм у Бухарина не только на примере понимания соотношения политики и экономики, но также и на ряде других примеров, ибо эклектицизмом была пронизана вся «буферная» позиция тов. Бухарина. Так же метафизически и эклектически тов. Бухарин подходил и к оценке роли и значения профсоюзов, эклектически беря и соединяя как ленинское положение: «профсоюзы — школа коммунизма», так и троцкистское: «профсоюзы — аппарат управления производством», находя, что верны оба эти положения, как и их соединение.

На дискуссии в Большом театре 30 декабря 1920 г. он иллюстрировал

¹⁾ Сталин «Об оппозиции», стр. 13.

²⁾ Ленин. Собр. соч. Т. XXVI, стр. 126.

³⁾ Там же.

⁴⁾ Там же.

⁵⁾ Цитировано по Ленину. Собр. соч. Т. XXVI, стр. 132.

⁶⁾ Там же.

это на примере стакана, являющегося, с одной стороны, стеклянным цилиндром, с другой — инструментом для питья. Ленин воспользовался этим же примером для того, чтобы наглядно показать эклектицизм тов. Бухарина и преподать наглядный урок диалектической логики в отличие от формальной.

В своих тезисах «буферной фракции» тов. Бухарин писал: «С одной стороны, они (профсоюзы) — «школа коммунизма»... с другой стороны, они — и притом в возрастающей степени — составная часть хозяйственного аппарата и аппарата государственной власти вообще»¹). По мнению тов. Бухарина, у Троцкого ошибка в том, что он «недостаточно защищает момент школы», а у Ленина — недостаток насчет «момента» аппарата.

Ленин характеризовал это рассуждение тов. Бухарина как «мертвый и бессодержательный эклектицизм»²), так как у тов. Бухарина не было и тени конкретного анализа существа вопроса, никакого обоснования, почему надо брать только такие-то две стороны, а не третью, четвертую и т. д. «Поэтому, — заключал В. И. Ленин, — и тезисы бухаринской группы — сплошь эклектическая пустышка. Бухарин в корне неверно, эклектически, ставит весь вопрос о соотношении «школы» и «аппарата»³). Не школа и управление, а школа управления, говорит Ленин и показывает конкретно, на цифровых данных, что это значит: на шестимиллионную армию пролетариата (в то время) только около 1,5% рабочих — представители профсоюзов — непосредственно управляют производством, а остальная подавляющая масса — 98,5% учатся и еще долго должны учиться в самых разнообразных формах коммунистической практике, т. е. сознательному и активному участию в налаживании народного хозяйства Советской республики. «Профсоюзы являются школой административно-технического управления производством, — писал В. И. Ленин. — Не «с одной стороны — школа, с другой — нечто иное», а со всех сторон, при данном споре, при данной постановке вопроса Троцким, профсоюзы суть школа, школа объединения, школа солидарности, школа защиты своих интересов, школа хозяйничания, школа управления. Вместо того, чтобы понять и исправить эту коренную ошибку Троцкого, тов. Бухарин дал смешную поправочку: «с одной стороны, с другой стороны»⁴).

Тот же эклектицизм мы видим у тов. Бухарина и на примере его печально-знаменитого «буфера». Тов. Бухарин в то время даже гордился своей «буферной» позицией, метафорически обосновывая ее тем, что если поезду грозит крушение, то буфер — очень хорошая и необходимая вещь. Ленин показал, что тов. Бухарин и его группа не поняли задачи буфера, не продумали, какие обязанности это налагает, подошли и к этому вопросу эклектически. Может быть буфер и «буфер», учит Ленин. Настоящий, диалектический буфер должен был бы с бешеной энергией выступить против широкой дискуссии («общепартийного говорения»), за деловое обсуждение и разрешение разногласий в комиссии ЦК. Но тов. Бухарин поступал как раз наоборот: он выступал только против Ленина, но ни слова против Троцкого, с которым, наконец, и составил объединенную «буферную» платформу, «буферил» односторонне, проявляя слепоту на один глаз, прикрывая ошибку Троцкого. Такая фракционная деятельность тов. Бухарина в выполнении им роли буфера настолько возмутила В. И. Ленина, что он затруднялся подыскать подходящее «парламентское» выражение для обозна-

¹) Ленин. Собр. соч. Т. XXVI, стр. 133.

²) Там же, стр. 135.

³) Там же, стр. 136.

⁴) Там же.

чения такого поведения и сравнивал его с разжиганием пожара посредством разбрызгивания «буферного керосина». «Если «буфер» диалектичен,—писал В. И. Ленин,— он всей своей силой нападает на каждую ошибку, которую он усматривает у обеих сторон или у всех сторон. Вот этого-то Бухарин и не делает. Он брошюру Троцкого даже и не пытается разобрать с точки зрения политики перетряхивания. Он просто о ней молчит. Неудивительно, что такое выполнение буфером его роли вызывает у всех смех»¹⁾. И здесь тов. Бухарин подменил диалектику эклектицизмом.

Ленин вскрывает метафизичность и эклектицизм также и у Л. Троцкого, разбирая и опровергая рассуждения последнего об ударности и уравнительности, о пропаганде и администрировании, о рабочей демократии и революционной целесообразности и др.

Вопрос об ударности и уравнительности был в тот период весьма актуальным вопросом экономической политики, которым немало занимались наша партия и советское правительство. В период гражданской войны крайне тяжелое хозяйственное положение страны и военная опасность обуславливали необходимость выделения некоторых производств, ведомств и групп работников в качестве «ударных», т. е. фактически привилегированных в отношении их снабжения, таковы, например, были, кроме Красной армии, транспорт, угольная промышленность и вообще предприятия по заготовке топлива, предприятия оборонного значения и др. Это было совершенно необходимо в целях как обороны страны, так и поднятия хозяйства и целиком себя оправдало. Но с осени 1920 г., в связи с окончанием гражданской войны и переходом к хозяйственному строительству, стал вопрос о необходимости перехода к «уравнительности». IX конференция РКП(б), состоявшаяся 22—25 сентября 1920 г., в резолюции «Об очередных задачах партийного строительства», утвержденной ЦК, указала на необходимость «направить внимание всей партии на борьбу за проведение в жизнь большего равенства, во-первых, внутри партии, во-вторых, внутри пролетариата, а затем и внутри всей трудящейся массы; наконец, в-третьих, между различными ведомствами и различными группами работников, особенно «спецов» и ответственных работников по отношению к массе»²⁾.

Сочетание таких взаимоисключающих друг друга понятий, как ударность и уравнительность, было вопросом трудным и теоретически и, особенно, практически. Ударность значит предпочтение, и нужно было очень вдумчиво отнестись к вопросу о том, кого или что предпочесть, в чем и насколько, и т. д.; это представляло очень своеобразный и трудный вопрос. Однако Л. Троцкий в своих тезисах разрешал его удивительно просто: «В области потребления, т. е. условий личного существования трудящихся, необходимо вести линию уравнительности. В области производства принцип ударности еще надолго останется для нас решающим»³⁾.

Коротко и ясно: в потреблении — уравнительность, в производстве — ударность!.. Но ведь это абстрактная, метафизическая, идеалистическая схема и больше ничего; это мелкобуржуазный утопизм худшего пошиба, не имеющий ничего общего с марксизмом.

«Это совершенная путаница теоретически. Это совершенно неверно», — говорит В. И. Ленин. — «Это абсурд экономический, ибо это разрыв потребления с производством»⁴⁾.

Троцкий вкорме неверно, абстрактно и эклектически ставил вопрос об ударности и уравнительности. Кроме того его постановка вопроса представ-

¹⁾ Ленин. Собр. соч. Т. XXVI, стр. 133.

²⁾ «ВКП(б) в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК», стр. 411, Партиздат. 1933.

³⁾ Цитировано по Ленину. Собр. соч. Т. XXVI, стр. 70.

⁴⁾ Там же, стр. 70 и 143.

ляла собой шаг назад от того, что уже проводилось в этом отношении практически, было проверено и завоевано.

«Ударность есть предпочтение, а предпочтение без потребления ничто, — раз'ясняет Ленин. — Предпочтение в ударности есть предпочтение и в потреблении. Без этого ударность — мечтание, облачение, а мы, все-таки, материалисты. И рабочие — материалисты; если говоришь ударность, тогда дай и хлеба, и одежды, и мяса. Только так мы понимали и понимаем, когда сотни раз обсуждали эти вопросы, по конкретным поводам, в Совете Обороны»¹⁾).

В связи с этим вопросом, критикуя идеализм и эклектицизм Л. Троцкого, В. И. Ленин дал образец мастерского применения основного закона материалистической диалектики — закона единства противоположностей.

По поводу сочетания ударности с уравнительностью, чего требовали IX партконференция и ЦК партии, Ленин говорил:

«Ведь можно сочетать эти противоположные понятия так, что получится какофония, а можно и так, что получится симфония»²⁾). Это было направлено прямо и непосредственно против Троцкого, по поводу его «тезиса» о сочетании ударности и уравнительности; это у него получалась какофония, из чего следует, что Л. Троцкий — не диалектический материалист, а метафизик-идеалист. «Но мы все-таки марксизму немножко учились, — говорит В. И. Ленин, — учились, как и когда можно и должно соединять противоположности, а главное: в нашей революции за три с половиной года мы практически неоднократно соединяли противоположности»³⁾).

Метафизичность и эклектицизм пронизывают также рассуждения Л. Троцкого о рабочей демократии и революционной целесообразности (соответственно — убеждении и принуждении, демократии и диктатуре), о пропаганде и администрировании. На дискуссионном собрании в Большом театре 30 декабря 1920 г. Л. Троцкий обвинил В. И. Ленина и его сторонников в том, что они слишком пропагандистски подходят к каждому практическому деловому вопросу.

Здесь мы опять видим метафизический разрыв и противопоставление пропагандистского и администраторского подхода к вопросам. У самого Л. Троцкого были сильно выражены во всей его работе бюрократическое администрирование, излишества по части приказов, «перетряхивания» и т. п., — словом, принуждения, но не хватало как раз «пропагандистского подхода» — убеждения, раз'яснения массам необходимости данного мероприятия. Как раз это В. И. Ленин и ставил в вину Троцкому: увлечение администрированием и недостаток пропагандистского, т. е. партийного, а не бюрократического подхода в вопросе об отношении к профсоюзам.

«Но в том-то как раз и состоит коренная ошибка Троцкого, что он к тем вопросам, которые им самим в его брошюре-платформе поставлены, подошел (вернее, подлетел), как администратор, тогда как к этим вопросам можно и должно было ему подойти исключительно как пропагандисту»⁴⁾).

Это — весьма глубокое и ценное замечание Ленина. Здесь, в частности, заслуживает особого внимания замечание о том, что Троцкий «подлетел» к вопросу: этот скоропалительный подход, торопливые заключения, логические скачки, перепрыгивания через неизжитые этапы так характерны для методологии Троцкого и всей его политической линии (вспомним: «без царя, а правительство — рабочее», его «тушинские перелеты», «внефракционность» и пр.) и свидетельствуют об его волонтаризме, авантюризме. Эти

¹⁾ Ленин. Собр. соч. Т. XXVI, стр. 70.

²⁾ Там же.

³⁾ Там же, стр. 69.

⁴⁾ Там же, стр. 137.

черты методологии Л. Троцкого нашли яркое выражение в его позиции в профсоюзной дискуссии и полностью раскрыты В. И. Лениным.

«К этому вопросу (о профсоюзах. — Б. Б.), — говорил Ленин, — широчайшему, безбрежному вопросу, нельзя подходить так, наспех, как у нас подошли, и в этом больше всего, — в подходе наспех, в слишком большой торопливости, — я и обвиняю Троцкого»¹⁾. «Из этой торопливости вытекает то, что спорят, идут с платформами, пишут, что виноваты, и выходит, что в корне все испорчено»²⁾. И делали это люди, требовавшие не пропагандистского, а делового, «администраторского» подхода к вопросам, но сами проводившие политику бюрократического дергания профсоюзов; к ним принадлежали Л. Троцкий и тов. Бухарин. Но Ленин блестяще показал, что именно они-то и не обнаружили партийного делового подхода, даже не догадывались, в чем заключается действительно деловой, правильный администраторский подход: это — изучение имеющегося практического опыта, проверка его по методу: семь раз примерь, один раз отрежь. А тут принялись резать, ни разу не примерив, говорил Ленин, и этим много испортили.

Обратимся теперь к вопросу о демократизме и революционной целесообразности: он связан также и с вопросом о пропагандистском или администраторском подходе.

«Рабочая демократия не знает фетишей... Она знает только революционную целесообразность», — так писал Л. Троцкий в своем «черновом наброске тезисов о профсоюзах». Казалось бы, хорошо: Троцкий против фетишизации демократии, за революционную целесообразность. Но, приводя это место из тезисов Троцкого, В. И. Ленин пишет: «С этими тезисами Троцкого вышла неприятная история. То, что в них есть верного, не только не ново, но и обращается против Троцкого. А то, что в них ново, сплошь неверно»³⁾.

Действительно, революционная целесообразность, за которую в данном случае пытался ратовать Троцкий, была целиком против него. С точки зрения формального демократизма Троцкий имел право выступить 25 декабря 1920 г. с фракционной брошюрой-платформой, так как ЦК 24 декабря разрешил свободу дискуссии. Но... «рабочая демократия не знает фетишей, она знает только революционную целесообразность!»... «Революционная целесообразность выше формального демократизма»⁴⁾, — говорит Ленин. С точки зрения революционной целесообразности самый факт фракционного выступления Троцкого, который был тогда видным работником, членом ЦК нашей партии и его Политбюро, был, независимо от содержания, совершенно недопустим. «С точки зрения революционной целесообразности, это было уже громадным преувеличением ошибки, созданием фракции на ошибочной платформе»⁵⁾, — говорит Ленин. Ну, а по содержанию это выступление было чревато весьма опасными и грозными для нашей партии и советской власти последствиями, о чем выше уже говорилось.

«В корне неправ в этом споре Троцкий со своей политикой «перетряхивания»... Ибо политика «перетряхивания», даже если бы она частично оправдывалась «новыми задачами и методами» (тезис 12-й у Троцкого), есть политика в данный момент и в данной обстановке совершенно недопустимая, как грозящая расколом»⁶⁾.

Но никаких новых задач и методов у Троцкого и не было. Зато были

¹⁾ Ленин. Собр. соч. Т. XXVI, стр. 97.

²⁾ Там же, стр. 99.

³⁾ Там же, стр. 116.

⁴⁾ Там же, стр. 98.

⁵⁾ Там же, стр. 89.

⁶⁾ Там же, стр. 119.

бюрократическое дерганье профсоюзов, уже приведшее к расколу Цектрана, и всяческие «интеллигентские выкрутасы».

Нужно отметить также еще более крупные ошибки тов. Бухарина по этому же вопросу: о демократии и революционной целесообразности. Выше мы уже отметили указанную Лениным недемократичность тов. Бухарина по отношению к рабочей массе — употребление мудреных терминов, требующих особого пояснения. Здесь следует отметить также еще одно проявление им недемократичности уже по отношению к партии. Занимая «буферную» позицию, а по существу поддерживая Троцкого, признавая за последним формальное право на фракционное выступление, тов. Бухарин в то же время ополчился против выступления питерской парторганизации с «Обращением к партии», направленным против Троцкого, «вероятно, потому, — иронизировал по этому поводу Ленин, — что Бухарин договорился 30 декабря 1920 г. до «священного лозунга рабочей демократии»¹⁾. А именно тов. Бухарин сказал тогда:

«Мы провозгласили новый священный лозунг — рабочей демократии, который заключается в том, что все вопросы обсуждать не в узких коллегиях, не в маленьких собраниях, не в какой-нибудь своей корпорации, а выносить все вопросы на широкие собрания»²⁾. На этом основании тов. Бухарин утверждал, что вынесение вопроса о профсоюзах на такое большое дискуссионное собрание, каким было соединенное заседание фракции РКП(б) VIII съезда советов, ВЦСПС и МГСПС 30 декабря 1920 г., было большим шагом вперед. По поводу этого бухаринского «нового священного лозунга рабочей демократии» В. И. Ленин отозвался кратко, но очень выразительно и крепко: «Сплошное водительство и «ляпанье», полное непонимание того, что формальный демократизм должен быть подчинен революционной целесообразности»³⁾.

Но неумеренное увлечение тов. Бухарина рабочей демократией зашло гораздо дальше простого «ляпанья», а привело его к самому близкому соседству с Шляпниковым, т. е. с анархо-синдикалистским уклоном «рабочей оппозиции». Ленин указывал, что тов. Бухарин договорился до синдикалистской фразы об «обязательных кандидатурах» представителей профсоюзов в органы управления⁴⁾.

Разве это не доказательство эклектицизма тов. Бухарина не только в теории, но и на практике?

В тесной связи с вопросом о рабочей демократии стоит вопрос о методах убеждения и принуждения по отношению к профсоюзам. Вся политика «перетряхивания» базировалась на методе принуждения. Троцкий механически, эклектически переносил на профсоюзы, на рабочий класс военный опыт, основанный по преимуществу на методе принуждения. В этом сказывалось полное непонимание Троцким конкретных особенностей работы в профсоюзах, являющихся школой коммунизма, где главным должен быть метод убеждения, а не принуждения. Этого важнейшего момента не учитывали ни Троцкий, ни тов. Бухарин, хотя они и клялись рабочей и производственной демократией. Они не понимали и не могли применить диалектического единства убеждения и принуждения; у них получалось формально-логическое: или — или.

Между тем единственно правильной является глубоко диалектическая постановка этого вопроса Лениным: сначала убеждение, затем принуждение; принуждение на базе убеждения. «Мы тогда правильно и успешно применяли

¹⁾ Ленин. Собр. соч. Т. XXVI, стр. 116, смотри также стр. 91.

²⁾ Цитировано по Ленину. Собр. соч. Т. XXVI, стр. 128. Разрядка моя.—Б. Б.

³⁾ Там же. Разрядка моя.—Б. Б.

⁴⁾ Там же, стр. 144. Разрядка моя.—Б. Б.

принуждение, когда умели сначала подвести под него базу убеждения»¹⁾, — говорит Ленин. «Прежде всего мы должны убедить, а потом принудить. Мы должны во что бы то ни стало сначала убедить, потом принудить»²⁾. В противном случае нарушилось бы правильное отношение авангарда с массами. Громадный политический вред троцкистской политики «перетряхивания» как раз в этом и заключался, а главное значение «платформы десяти», т. е. Ленина и большинства ЦК, и сводилось к тому, чтобы восстановить правильное взаимоотношение и взаимодоверие между партией, авангардом рабочего класса, и рабочей массой, а через нее — со всеми трудящимися массами, т. е. прежде всего — со средним крестьянством.

Резюмируя суть политических и теоретических ошибок Л. Троцкого и тов. Бухарина в дискуссии о профсоюзах, В. И. Ленин формулировал их так: «У Троцкого и Бухарина вышла мешанина из политических ошибок в подходе, разрыва передаточной связи, приводных ремней в середине, подлета или налета на «администрирование» впустую, на холостом ходе. «Теоретический» источник ошибки, — раз Бухарин поставил своим «стаканом» вопрос о теоретическом источнике, — ясен. Теоретическая — в данном случае гносеологическая — ошибка Бухарина состоит в подмене диалектики эклектикой. Эклектически ставя вопрос, Бухарин запутался совершенно и договорился до синдикализма. У Троцкого ошибка: односторонность, увлечение, преувеличение, упрямство»³⁾.

Таким образом, основной чертой, характеризующей методологию Л. Троцкого и тов. Бухарина, были эклектика, непонимание и неумение применить «хитрую и революционную диалектику» к сложным конкретным условиям развития нашей партии и страны. Для Троцкого весьма характерны также «односторонность, увлечение, преувеличение, упрямство», т. е. субъективизм, волюнтаризм, авантюризм.

Политически же фракционная суть троцкизма и буферной группы Бухарина состояла в полном непонимании диктатуры пролетариата со стороны ее внутренней структуры, в «разрыве передаточной связи, приводных ремней» пролетарской диктатуры от партии к рабочему классу и через него — ко всей массе трудящихся. В этом суть дела. В. И. Ленин (а за ним товарищ Сталин) в ряде работ с предельной четкостью дал учение о системе пролетарской диктатуры, о ее структуре, «механизме», «приводных ремнях и рычагах». Еще до дискуссии о профсоюзах, весной 1920 г., В. И. Ленин подробно изложил это в «Детской болезни «левизны» в коммунизме», где совершенно ясно указал место профсоюзов в системе пролетарской диктатуры. В. И. Ленин писал:

«Соотношение вождей — партии — класса — масс, а вместе с тем отношение диктатуры пролетариата и его партий к профсоюзам представляется у нас теперь конкретно в следующем виде. Диктатуру пролетариата осуществляет организованный в Советы пролетариат, которым руководит коммунистическая партия большевиков...» «Партия непосредственно опирается в своей работе на профессиональные союзы... Получается в общем и целом формально не коммунистический, гибкий и сравнительно широкий, весьма могучий, пролетарский, аппарат, посредством которого партия связана тесно с классом и с массой и посредством которого, при руководстве партии, осуществляется диктатура класса»⁴⁾.

Вот это-то и отрицали Л. Троцкий и тов. Бухарин, в этом и состояла опасность их фракционной политики в вопросе о профсоюзах.

Борьба Ленина и ленинского ЦК против фракционности, раскрытие и

¹⁾ Ленин. Собр. соч. Т. XXVI, стр. 74.

²⁾ Там же, стр. 235.

³⁾ Там же, стр. 139.

⁴⁾ Ленин. Собр. соч. Т. XXV, стр. 192—193. Разрядка Ленина.

критика Лениным и Сталиным всей суммы политических ошибок и их теоретических корней у Троцкого и тов. Бухарина, а также Шляпникова и др. содействовали правильному направлению дискуссии и ее скорейшему прекращению. Партия благодаря этому быстро откликнулась, разобралась в вопросе и разбила троцкизм и другие фракционные группировки, сплотившись вокруг ленинской «платформы десяти». X съезд партии подвел итоги всему предшествовавшему этапу развития нашей партии и страны по всем вопросам в целом, в том числе и по вопросу о профсоюзах, приняв «платформу десяти» и превратив ее в постановление съезда. X съезд осудил анархо-синдикалистский уклон («рабочая оппозиция»), составлявший тогда главную опасность, и принял предложенную В. И. Лениным особую резолюцию о единстве партии, резолюцию, запрещающую всякого рода фракции и группировки и предлагающую применение в отношении всех нарушителей партийной дисциплины самых строгих мер, вплоть до исключения из партии, не останавливаясь, в случае необходимости, перед исключением из партии и членов ЦК, нарушающих партийное единство. Последнее являлось прямым предостережением в отношении Троцкого, который, будучи тогда в составе ЦК, повел фракционную борьбу против нашей партии.

Борьба Ленина и ленинского ЦК против фракционности в тот период показала всей партии образцы борьбы с оппортунизмом, которые были блестяще применены в последующем успешном строительстве социализма.

Партия вышла из дискуссии о профсоюзах еще более окрепшей и сплоченной, закаленной в борьбе, чтобы вплотную приступить на рельсах новой экономической политики, провозглашенной X съездом партии, к строительству социалистического хозяйства. То, о чем В. И. Ленин говорил тогда в будущем времени, ныне стало уже осязаемым фактом: благодаря единственно правильной, до конца последовательно-революционной и научной теории марксизма-ленинизма, под испытанным руководством ленинского ЦК партии во главе с лучшим соратником Ленина товарищем Сталиным мы «социализм протащили в повседневную жизнь» (Ленин). «Россия неповская стала Россией социалистической».

Борьба Троцкого против Ленина в период дискуссии о профсоюзах была лишь одним из этапов его борьбы против ленинизма, против нашей партии и диктатуры пролетариата. Дальнейшая история троцкизма показала это уже воочию, со всей ясностью обнажив антимарксистское, антипролетарское, контрреволюционное, фашистское существо троцкизма. Если при жизни Владимира Ильича Троцкий еще не посмел выступать совершенно открыто и вынужден был всячески маскировать свою борьбу против Ленина, против нашей партии, — то после смерти Ленина он окончательно обнаглед и распоясался вовсю. Фальсификация истории большевизма, клевета на Ленина и нашу партию (тезис о расщеплении истории большевизма на два периода и об «идейном перевооружении» ленинизма и др.), неоднократные попытки навязать нашей партии троцкизм вместо марксизма-ленинизма, отрицание социалистического характера нашей великой Октябрьской революции, отрицание возможности строительства и победы социализма в одной стране, отрицание диктатуры пролетариата (тезис о «термидоре», «сползании на тормозах») и пр. и т. п. — таково поганое «идейное» содержание троцкизма. От фракционной борьбы внутри нашей партии к созданию второй, нелегальной партии и к антисоветским, контрреволюционным выступлениям, дискредитация и клевета на ленинское руководство нашей партии во главе с товарищем Сталиным, клевета на советскую власть и Красную армию, сколачивание всякого рода антипартийных и антисоветских блоков и групп не только из оппозиционеров внутри партии, но и из контрреволюционных элементов, нелегальная контрреволюционная борьба, двурушничество и организация фашистского террора против вождей нашей партии и сов-

власти — таковы гнуснейшие организационные и тактические «принципы» и методы троцкизма.

Благодаря бдительности, прозорливости и гениальному руководству нашего вождя — товарища Сталина — партия своевременно полностью разоблачила гнилое, контрреволюционное существо троцкизма и выбросила Троцкого вон из своих рядов за пределы не только нашей партии, но и советской страны, где он и сомкнулся окончательно с фашистской белогвардейщиной.

Такова объективная логика и путь всякой оппозиции против марксизма-ленинизма, против нашей партии, что в особенности наглядно еще раз подтвердила судьба зиновьевско-каменевской контрреволюционной группы, скатившейся вслед за Троцким туда же — в болото белогвардейского фашизма.

Н. Я. Марр и философия марксизма*)

К. Мегрелидзе

Тщетно было бы надеяться, чтобы один автор мог в какой-либо степени охватить все значение такого многостороннего ученого и крупного мыслителя, каким был Н. Я. Марр, и притом в условиях, когда старые идеи еще не изжиты, когда идейное наследие старого мира гнетет еще сознание многих советских ученых, мешая мыслить и работать по-новому.

Несмотря на все усилия, которые мы сейчас делаем, пытаюсь измерить и оценить деятельность Н. Я. Марра, нужно сказать, что для нас еще трудно объять умом всю широту этого великого мыслителя. Вся глубина идей, поднятых Н. Я. Марром, будет нам лишь постепенно раскрываться в процессе упорной работы над конкретными вопросами марксистской философии, марксистской социологии, лингвистики, истории и ряда других дисциплин.

Настоящий доклад ни в какой мере не претендует на полный учет всех философских проблем, затрагиваемых теорией Н. Я. Марра. В своем выступлении я выделяю только несколько моментов из громадного идейного наследства Н. Я. Марра.

I

Первое и основное в научной деятельности Н. Я. Марра как обществоведа, лингвиста, историка материальной культуры и историка мышления заключается в том, что он уже в самом начале своей научной деятельности занял позицию конкретно-исторического подхода в противоположность квазиисторическим позициям традиционного языкознания и ложноисторической точке зрения буржуазной историографии, в противовес антиисторическим позициям идеалистической философии и аисторическим установкам всей господствующей буржуазной науки вообще.

Эта квазиисторическая установка буржуазного языкознания выражается, например, в том, что фактором эволюции языка считается время как таковое, будто простое течение времени изменяет язык наподобие естественных процессов выветривания или образования кристаллов. Буржуазное языкознание не постигает того, что течение времени само по себе не составляет никакой истории и что язык изменяется не под воздействием времени, а под влиянием конкретного материального содержания времени, благодаря реальным сдвигам, происходящим в обществе и в общественных отношениях, сдвигам, которые, изменяя материальные условия существования людей, заставляют их изменять свои воззрения и понятия.

Индоевропейское языкознание в своих философских предпосылках мнит некую самодовлеющую сущность языка, будто бы зависимую от вечных за-

*) Доклад на вечере, посвященном памяти Н. Я. Марра в Академии наук СССР, 27 февраля 1935 г.

конов психики или — согласно новейшим фашистским откровениям — от национального духа и якобы имеющую самостоятельную историю. Буржуазные ученые не могут или, вернее сказать, не желают понять, что психика людей, мышление человека и общественное сознание являются не только производением природы, но и продуктом общественных отношений.

Н. Я. Марр, вопреки укоренившимся научным традициям, с первых шагов своей научной деятельности стал на почву действительной истории. Этому, повидимому, содействовала та социальная обстановка тяжелого национального гнета и классовых боев, в которой складывались научные воззрения Н. Я. Марра, сначала еще в путях традиционной буржуазной науки. Нельзя отрицать и той большой роли, которую сыграло влияние таких его учителей и руководителей, как В. Р. Розен и А. Н. Веселовский, безусловно буржуазных мыслителей и ученых, обладавших, однако, очень широким историческим кругозором.

Став на путь действительной истории и развивая свое учение в направлении к марксизму, сначала стихийно, под давлением живого материала, а потом — в послеоктябрьский период — сознательно овладев в процессе самой работы марксистской методологией, Н. Я. Марр еще более уверенно чем раньше выдвинул в противовес натуралистическому пониманию человека положение об общественной сущности языка, об историчности форм человеческого мышления и о вытекающей отсюда необходимости исторического изучения языка в связи с производством, материальной культурой и общественными отношениями.

Позитивистическая философия и точка зрения натурализма рассматривают человека как простое продолжение природных и биологических отношений. Марксизм же, в противоположность идеалистическим воззрениям и вульгарно-материалистическому пониманию, рассматривает общественную действительность как такую область материального мира, в которой всеобщие законы материального развития принимают специфически присущую им форму своего проявления, отличную от остальной природы, т. е. закономерности, качественно отличную от физической или биологической закономерности.

Характер связи индивидов со средой и с другими индивидами в социальной действительности качественно отличен от характера биологических отношений. Последние существуют как прямые, телесные отношения взаимного поедания и взаимной пользы, производимой животными помимо их сознательного намерения. Человек же становился человеком постольку, поскольку вместо естественных условий среды он своей промышленной деятельностью создавал вокруг себя искусственную среду. В противоположность животным человек сам творит условия своего существования.

Продукт труда и материальная культура, производимые человеком и помещаемые им между собой и природной средой, становятся посредником отношений между индивидами. С этих пор отношения индивидов, переставая быть только телесно-биологическими, завязываются вокруг условий труда и продуктов труда; отношения индивидов складываются как человеческие отношения, в процессе производства, обладания, присвоения и распределения этих вещественных благ. Благодаря этому впервые, следовательно, становятся возможными отношения отчуждения, обмена, договора, угнетения, соглашения, т. е. социальные отношения в собственном смысле слова, немислимые в царстве животных. Вместе с тем объективный мир вещественной культуры, производимый человеком, делает возможным накопление как материальных благ, так и разума и опыта человека и служит главнейшим рычагом исторического развития человечества.

Эти новые социальные отношения, отличные от всяких биологических отношений, являлись вместе с тем условиями очеловечения и самого сознания, условиями происхождения человеческого способа мышления и человеческого способа речи. Человеческая ступень мышления и человеческий язык являются продуктами социальных отношений, результатом исторического развития человека.

Маркс указывал, что сознание, язык, мышление, как и право и все прочие виды надстройки, не имеют своего собственного развития, своей собственной истории¹). История их развития есть лишь отражение истории общества и общественных отношений. Идя последовательно этим путем материалистической методологии, Н. Я. Марр приходит к такому заключению: «Яфетическая теория учит, что язык, звуковая речь, ни в какой стадии своего развития, ни в какой части не являются простым даром природы... Человечество сотворило свой язык в процессе труда в определенных общественных условиях и пересоздает его с наступлением действительных новых социальных форм жизни и быта, сообразно новому в этих условиях мышлению... Корни наследуемой речи не во внешней природе, не внутри нас, внутри нашей физической природы, а в общественности, в ее материальной базе, хозяйстве и технике»²).

Установки философии эмпиризма, с одной стороны, и рационализма, с другой, приводили к тому, что человеческое мышление представлялось во внеисторическом плане; оно как будто не имело прошлой истории и лишалось перспектив будущего развития. Формы человеческого мышления предполагались раз навсегда данными. Философию начинали с общеобязательных норм логической мысли, как с «пистолетного выстрела».

Человеческое мышление рассматривалось эмпиристами как природное явление вообще, не опосредованное общественными отношениями, — как естественная функция работы органов чувств и механизма ассоциации. Человеческий разум представлялся лишь продуктом определенных природных законов и объектом естественно-научного исследования.

Рационалисты же начинали философию с разума, взятого в абстракции, с абсолютных и вечных логических категорий, будто бы представляющих внутреннюю суть всякого бытия и существующих еще до «возникновения материальной действительности»³). И в том и в другом случае мышление абсолютизировалось, притом мышление определенной исторической эпохи. Нормы мышления определенного общества и определенного класса навязывались всей истории человечества как несомненные.

Классики марксизма, в противовес подобным воззрениям, выдвинули требование, подлинно исторического понимания мышления. Идеалистическим тенденциям эмпиризма снизу и мистическим тенденциям рационализма сверху они противопоставили положение о социально-исторической практике, о производственных отношениях как материальной основе формирования наших представлений, понятий, нашей интеллектуальной деятельности вообще и всего нашего познания.

¹) К. Маркс и Ф. Энгельс «Немецкая идеология», стр. 17, 54. 1933.

²) Н. Я. Марр «Яфетическая теория», стр. 18. Баку. 1928 (Разрядка в цитате моя. — К. М.). Сравни также «Средства передвижения, орудия самозащиты и производства в доистории», стр. 32. 1926.

³) «Логике», — говорил Гегель, — следует понимать как систему чистого разума, как царство чистой мысли. Это царство есть истина, как она без покрова есть в себе и для себя. Можно поэтому выразиться так, что это содержание есть изображение бога (Логоса, или идеи. — К. М.), каков он в своей вечной сущности до сотворения мира и конечного «духа». (Hegel «Wissenschaft der Logik». Hsg. q. Lasson. Bd. I, S. 31). Формула эта выражает тот высший идеал идеалистического миропонимания, который для всей послегегелевской идеалистической философии остается непревзойденным.

Согласно марксо-ленинскому пониманию, разум не представляет собой готовых извечных форм. Формы и способы человеческого мышления складываются исторически и видоизменяются в процессе общественного развития. При этом сознание человека исторически начиналось не с самосознания субъекта, как то изображали идеалисты, полагавшие, что мыслительная деятельность начиналась с самополагания субъектом самого себя в качестве мыслящего субъекта, будто первым актом сознания было осознание собственного «я» (Фихте). Сознание первобытного человека было прежде всего направлено на объекты. Оно не выделяло себя из окружающей среды, не противопоставляло себя внешнему миру и на первых порах совершенно не ведало о своем существовании. В истории мышления объект действия был осознан раньше чем субъект.

Не путем внутренней рефлексии, наподобие индусских игогов и духовидцев от теософии, покорялся мир человеком, а деятельностью, направленной на внешние объекты. Эти именно объекты, превращенные в органы человеческой деятельности в качестве ее средств и орудий, и выступали первыми объектами осмысления, теми объектами, которые действительно обогащали сознание человека реальными знаниями. Понятия «кипятить», «жечь», «жарить» и т. д. делаются возможными вследствие обладания огнем, и понятие «резать» становится впервые доступным сознанию благодаря появлению ножа.

Крупнейшим завоеванием марксистской мысли следует считать достижения нового учения о языке, всесторонне подкрепляющие это положение путем палеонтологического анализа древнейших слоев языка. На основе богатого материала из области лингвистики, мифологии, памятников материальной культуры Н. Я. Марру удалось установить чрезвычайно важные данные относительно первых шагов истории человеческого мышления. Он пришел к убеждению, что человек позднее всех своих первых исторических открытий сделал открытие о своем собственном существовании и что он начал понимать себя через мир вещей, им же создаваемых в процессе общественного производства. При этом самосознание субъекта исторически начиналось не с осознания индивидуального «я», а с коллективного субъекта. Такое недифференцированное сознание отдельного субъекта в коллективе опирается на недифференцированность самого общества, на коллективное хозяйство, на слитность интересов и фактическое отсутствие личности на данной стадии развития. На этой ступени индивид существует только в своем тотеме и целиком отождествляет себя со своей группой, со своим тотемом. Его сознание, как говорил Маркс, есть еще «стадное», «племенное сознание». И это племенное сознание «получает свое дальнейшее развитие благодаря увеличению производительности, росту потребностей и лежащему в основе того и другого росту населения. Вместе с этим развивается и разделение труда...»¹⁾, и это сыграло решающую роль в сознании человеком самого себя как индивида.

Изыскания Н. Я. Марра целиком подтвердили эти положения. Осознанию индивидуального «я» предшествовал таким образом долгий период, когда человек сознавал себя в качестве «соборного субъекта», в качестве «тотемного я».

Н. Я. Марр доказывает, что выделение личного субъекта — факт более поздний в истории мышления и что осознание индивидуального «я» шло исторически рука об руку с развитием собственности, сначала личной, а потом и частной.

¹⁾ К. Маркс и Ф. Энгельс «Немецкая идеология», стр. 21. 1934.

II

Традиционная философия предполагала, что разум есть собственное орудие познания и что человек развивает познавательную деятельность в силу присущей ему по природе любознательности и естественного стремления к истине. Однако философы забывали, что человеческий разум есть прежде всего результат и продукт опосредствующей предметной деятельности человека и что теоретические устремления разума составляют лишь выражение и отражение определенных практических интересов людей. Маркс говорил: «Производство идей, представлений, сознания, первоначально непосредственно вплетено в материальную деятельность и в материальное общение людей — язык реальной жизни. Представление, мышление, духовное общение людей еще являются здесь непосредственно вытекающими из материального соотношения людей... Люди являются производителями своих представлений, идей и т. д., — но люди действительные, действующие, как они обусловлены определенным развитием своих производительных сил и соответствующим последнему общением»¹⁾.

Эти основополагающие принципы философии марксизма нашли у Н. Я. Марра свое применение к анализу конкретного материала языкознания. «Осознание, — говорит Марр, — творилось не естественно-исторически, по одному факту нахождения предмета в физической среде, а в процессе его выработки и технических средств, бравшихся не из природы, а из производства»²⁾.

Анализ Н. Я. Марра наглядно показывает, что внешний, объективный мир действительности вступал в круг представлений человеческого ума через мир вещей, освоенных человеком в первую очередь в качестве объектов человеческой деятельности.

Сама природа как таковая была воспринята людьми через их промышленную деятельность. Она была понята сознанием не в виде самобытного естества, а в ее апперцепции, как «содеянное», «сотворенное». На это указывает анализ архетипных значений слов «natura» и «cultura», которые восходят к значениям «произведенный», «сделанный», а также к «руке»³⁾.

Солнце, луна, звезды и т. д. были осознаны человеком в качестве мерил времени или благотворных сил, способствующих произрастанию, лишь благодаря тому и после того, как «солнце» — «погода» — «времена года» — вообще «небо» — стало играть роль в его хозяйстве (скотоводческом или земледельческом).

Более того, палеонтологическим анализом вскрывается, что на ранней ступени сознания отсутствовало даже самое понятие «быть», отсутствовало понятие самобытного существования, равно как отсутствовало и соответствующее ему слово «есть». А когда возникла потребность в его выражении, для этого было использовано слово, служащее для обозначения действия, — «иметь», «владеть», т. е. «руки», так как, по словам Марра, «тогда еще не существовало представления о самостоятельном бытии, осознавалось существование лишь того, что находилось во владении, во власти или в пользовании коллектива»⁴⁾.

Здесь перед нами встает ряд важнейших проблем марксистской философии. Это прежде всего новая теория осознания, осмысления. Как исторически происходило и как происходит осознание действительности? Как образуются наши представления и понятия о вещах? Возникает проблема обра-

¹⁾ К. Маркс и Ф. Энгельс «Немецкая идеология», стр. 16. 1934.

²⁾ Н. Я. Марр «Яфетическая теория», стр. 84.

³⁾ Там же, стр. 84—89.

⁴⁾ Н. Я. Марр «Актуальные проблемы и очередные задачи яфетической теории», стр. 18.

зования понятий, и даются определенные наметки, направляющие нас на правильный, марксистский путь научных изысканий.

Нужно прежде всего отметить, что люди различают предметы и мыслят их не ради них (вещей) самих, а ради человеческих интересов и поскольку эти вещи втянуты в сферу реальных человеческих потребностей. Вещи познаются в процессе вовлечения их в область общественной практики, в обиход хозяйственной деятельности и общественных отношений.

Человек познает вещи: камень, дерево, металлы или существа: собаку, оленя, лошадь или верблюда — прежде всего с точки зрения отношения этих предметов к человеку, с точки зрения их роли и значения в общественном производстве. Сущность вещей определяется, таким образом, реальным отношением этих вещей к человеческим потребностям, сообразно с ролью, функцией и службой, которые они несут в общественно-исторической практике. Поэтому вещи мыслятся человеком, исходя из их реального значения в человеческом обиходе.

Понятия наши, с этой точки зрения, означают не какие-то особые абстрактные категории, представляющие сумму формальных признаков, как это было принято думать со времен схоластики. Понятие выражает вещи не в их изолированном бытии, а в той или иной связи с другими вещами. Один и тот же объект, один и тот же предмет в разных отношениях, связях, в разных условиях является носителем разных функций, а соответственно этому и понятия о нем противоречивы и различны. Отношения же, в которых даны нам предметы, определяются социальной функцией этих предметов в общественно-исторической практике людей.

В этом находит объяснение факт, что один и тот же объект может исторически осмысляться совершенно различно и выражаться в разных понятиях. Физическая вода, например, всегда была водой и останется ею, но употребление воды, ее связь с потребностями человека в эпоху палеолита, в древнем Египте и у нас изменяются. Проблемы гидравлики и электролиза воды, разрешаемые нами, разумеется, не стояли и не могли стоять в те времена. Несмотря на то что внешне здесь выступает один и тот же объект природы (H₂O) в разные эпохи, он имеет различное общественное значение, выступает в многообразных отношениях, выдвигает разные проблемы и фиксируется сознанием в форме различных понятий.

В сознании мысленно связываются, обобщаются вещи (иногда весьма различные) вокруг определенного значения, роли или функции этих предметов.

Все, что несет одну и ту же службу и имеет в общественном обиходе одинаковое назначение, располагается сознанием в один мыслительный ряд, воспринимается и осмысляется одинаковым образом, т. е. подводится под одно понятие. В этом отношении особенно показательны те случаи, когда вещи, совершенно разные по своему составу, виду, форме и т. д., мыслятся в одном понятии и называются одноименно. «Бакайры,—сообщает Карл фон Штейнен,—стригут волосы зубами рыбы пирании, и мои ножницы без больших размышлений были названы «зубами пирании». «Зеркало они называли водой: «Покажи нам воду»,—просили они, когда хотели видеть зеркало»¹⁾.

Несмотря на то что эти предметы очень не похожи друг на друга, они апперцепируются в одно понятие; и карманные часы могут быть названы солнцем на том основании, что и то и другое служит для определения времени.

К. Маркс в письме Энгельсу говорил: «Почти все великие математики, начиная с середины XVIII века, поскольку им приходилось касаться практи-

¹⁾ К. фон-дей-Штейнен «Среди диких народов Бразилии». Русский перевод, стр. 57. 1930.

ческой механики и теоретизировать по поводу ее, исходили из простой водяной мельницы. Именно по этой причине и стали применять ко всякому механическому двигателю, приспособленному к практическим целям, название *Mühle, mill* (мельница), название, возникшее в мануфактурный период¹⁾.

В другом письме Маркс говорит: «Что сказал бы *old* (старый) Гегель, если бы узнал на том свете, что «общее» (*Allgemeine*) означает у германцев и северян не что иное, как общинную землю (*Cemeinland*), а «частное» (*Sundre, Besondre*) — не что иное, как выделившуюся из этой общинной земли частную собственность (*Sondereigen*)? Тут логические категории... прямо вытекают из «наших отношений»²⁾.

Такая оценка образования понятий относится не только к исторически прошлым стадиям мышления, она распространяется и на настоящее. «В органической химии, — говорит Энгельс, — значение какого-нибудь тела, а, значит, также название его, не зависит уже просто от его состава, а скорее, от его положения в том ряду, к которому оно принадлежит. Поэтому, если мы найдем, что какое-нибудь тело принадлежит к какому-нибудь подобному ряду, то его старое название становится препятствием для понимания и должно быть заменено названием, указывающим этот ряд (парафин и т. д.)»³⁾.

Осмысление вещей и образование понятий протекают, таким образом, не по внешнему сходству предметов и не по близости их объективно-физических признаков, а по тождественности или разности функций этих предметов в общественно-исторической практике людей. Это доказывается всем блестящим разделом учения Н. Я. Марра о функциональной семантике. Если, например, металлы в порядке их появления (бронза, медь, железо и т. д.) апперцепируются в порядке «каменя» и название «каменя» (каменного орудия «топора») переносится на металлические орудия, то это не потому, что камень сам по себе похож на металл, а потому, что металл стал нести такую же службу в общественной действительности, какую нес камень. Вследствие этого они воспринимались и осмыслились однотипно, а потому и назывались также и одноименно. То же самое наблюдается и со сменой и переносом названия «собаки» на «оленья», «козня», «верблюда» и т. д. Зоологическая природа этих животных играет для мышления второстепенную роль. Мышление главным образом ориентируется на социальную значимость предметов⁴⁾.

Прослеживая этим путем историю слова, мы получаем возможность установления прежних форм человеческого мышления, которые даже наиболее передовыми буржуазными учеными (как например Леви-Брюлем) считаются принципиально непознаваемыми для нашего разума.

В свете этого получают свое разъяснение те странные, с точки зрения нашего мышления, ассоциации, которые встречаются в практике так называемого первобытного сознания. Если определенные предметы несут одну и ту же службу, например имеют однотипное культовое значение, они будут рассматриваться тождественно, хотя бы во всем остальном они ничего общего между собой не имели. Так например «для гуичолов, как сообщал Лумгольц, «пшеница», «олень», «гикули» (священное растение) являются в известном смысле тождественными»⁵⁾.

¹⁾ К. Маркс. Письмо Энгельсу от 28/1 1863 г.

²⁾ То же от 25/III 1868 г. Т. XXIV, стр. 34—35. 1931. Разрядка моя. — К. М.

³⁾ Энгельс «Диалектика природы». Собр. соч. Т. XIV, стр. 509. 1931.

⁴⁾ Сравни Н. Я. Марр «Средства передвижения, орудия самозащиты и производства в доистории», стр. 32. 1926.

⁵⁾ Леви-Брюль «Первобытное мышление». Русский перевод, стр. 84.

III

Эти положения, установленные Н. Я. Марром путем анализа конкретного материала из области языка, истории материальной культуры, культурных пережитков и т. д., опрокидывают однобокие представления эмпиристов, ограничивающих дело познания элементарными ощущениями, без соответствующего анализа их материального (природного и в особенности общественного) объективного источника. Анализ конкретного материала из области языка и культуры, данный Марром, лишает почвы многих заблудившихся «марксистов», путающихся в сетях эмпирической философии.

Более того, Н. Я. Марр не ограничивается новой теорией осознания, новой теорией понятия: он ставит проблему в гораздо более широком масштабе. В полном согласии с Марксом и Лениным обосновывается новая теория чувственного восприятия. Выясняется, что социально обусловлено не только наше познание, наше мышление, но и что вся работа органов чувственного восприятия обусловлена общественной материально-производственной практикой.

Эмпиристическая философия опиралась во всех своих построениях на непосредственные данные чувственного восприятия. Ощущения считались первичными, простейшими, абсолютно достоверными и само собой понятными элементами. Полагали, что достаточно иметь глаза и уши, чтобы видеть, слышать и воспринимать всё, что вообще доступно нашим органам восприятия¹⁾. Полагали, что ощущения как результат раздражений, получаемых от внешнего мира механически, непрерывно поступают в сознание. Здесь они механически-ассоциативно соединяются в представления; из представлений тем же путем ассоциации возникают понятия, из понятий — суждения и т. д.

Классики марксизма в противовес этим односторонним взглядам установили, что мало иметь глаза и уши, чтобы уметь видеть, слышать и воспринимать все то, что физически доступно восприятию наших органов,—все, что переступает пресловутый «порог раздражения». Если бы этим простым путем разрешалась проблема мышления, то ведь, как замечал Энгельс, органы чувств имеются и у животных; орлиный глаз видит дальше человеческого, но не замечает и сотой доли того, что видит человеческий глаз. Многие животные, обладая более тонкими чутьевыми способностями чем человек, не различают и сотой доли тех запахов, которые для человека являются признаками различных вещей.

Маркс отмечает, что физическое раздражение органов чувств далеко еще не достаточно для объяснения чувственного восприятия человека. Сколько есть таких больших и малых явлений, вещей и событий, которых мы не замечаем, несмотря на то что они происходят в поле нашего восприятия. Вещи и явления, не затрагивающие наших интересов, обыкновенно не замечаются нами, мы часто смотрим на них, но не видим их.

Не нужно забывать, что органы чувств являются только одним из условий возникновения человеческой ступени сознания. Разгадка человеческого мышления заключена не в них, а в тех причинах и условиях, которые заставляли чувства работать и воспринимать в известном направлении. Эти причины кроются не в самой только чувственности, а в общественных материальных условиях производства, социального порядка. Глаз, как говорил Маркс, стал человеческим глазом благодаря социальному бытию человека. «Не только обычные пять чувств, но и так называемые духовные чувства, практиче-

¹⁾ «Das Sein der Perzeption ist das einzig gennisse, völlig unproblematische Urdatum aller Erkenntniss», — говорит даже такой далекий от эмпиризма философ, как E. Cassierer — «Philosophie der symbolischen Formen». Bd. III, S. 28.

ские чувства (воля, любовь и т. д.), одним словом, человеческое чувство, человечность органов чувств, возникают только благодаря бытию их предмета, благодаря о ч е л о в е ч е н н о й природе»¹).

Мы видим, таким образом, что и чувства человека и способ его восприятия есть результат общественно-исторической жизни, а не чистый, абстрактный продукт природы и естественной истории. «Образование пяти чувств,—говорит Маркс,—это продукт всей истории человечества»²).

Человек начинает воспринимать предметы лишь постольку, поскольку они втягиваются в сферу человеческого обихода и в круг общественных отношений.

Если, например, взять вопрос об истории различения цветов, то обнаруживается любопытный факт. В ряде древних литературных памятников, оказывается, совершенно не встречается упоминания о некоторых основных цветах. В Ригведе и Авесте на всем их протяжении мы не находим ни синего цвета, ни зеленого. Эти же цвета отсутствуют в Библии и в гомеровских песнях. Подходя с нашими цветовыми понятиями и масштабами, мы обнаружим у Гомера и других древних писателей невероятную «путаницу» в различении цветов: волосы Одиссея, по Гомеру, цвета гиацинта, у Пиндара волосы бьются и цвета фиалок, с другой стороны, о фиалках говорится, что они черного цвета (!!). Там, где описываются синие предметы, например небо, они называются черными, и т. д.

В результате подробного анализа этих фактов обнаруживается, что существовало время, когда голубой и синий цвета не отличались как качественно, особые: эти цвета считались оттенками или разновидностями черного.

Установлен факт, что цвета различались в истории лишь после того, как начали их применять; выясняется, например, что в Греции зеленый цвет не отличали качественно от синего до тех пор, пока не были знакомы с употреблением соответствующих красок. Когда же начали изготавливать эти краски и практически их применять, то стали также и качественно отличать эти цвета от других, ранее осознанных цветов, и у Геродота в его описаниях семи стен, окружавших город Экбатану, мы встречаем уже не четыре цвета (черный, белый, красный, желтый), а семь, и между ними также и синий³).

Если спуститься глубже в историческое прошлое, мы найдем стадию, когда и желтый цвет не отличали как особый, а считали его оттенком и разновидностью красного. Об этом, по словам Н. Я. Марра, свидетельствует грузинский язык. *ṭi θ-el—«красное» и *kvi θ-el—«желтое» происходят от одной и той же основы, в архетипе *tvi θ-ar или *tvi θ-ar по свистящей или шипящей группам⁴) и *kvi θ-el по спирантной ветви.

Идя еще дальше, мы увидим, что было время, когда и красный цвет не различался от черного. Исторически «красный» является дериватом от «черного». Относительно этого сохранились данные также и в русском языке, где «чермное», с той же основой, что и «черное», имеет значение «багрово-красного» («воды чермны яко кровь», «Книга царств»).

Учтя все эти факты, мы убеждаемся, насколько глубоко было мнение Маркса, утверждавшего, что чувственность как ч е л о в е ч е с к а я чувственность не является даром природы, как таковой. Чувственное восприятие людей является результатом общественно-исторического развития, и в разные исторические периоды оно не одинаково.

¹) К. Маркс и Ф. Энгельс. Собр. соч. Т. III, стр. 627. 1930.

²) Там же.

³) Herodotus «Clio». I, 98.

⁴) Мингрельское *ti-da*—«красное».

Л. Гейгер, еще в 60-х годах прошлого столетия, отметив эти факты отсутствия сведений о некоторых основных цветах во многих древних литературных памятниках, пришел к убеждению, что устройство зрительного органа у человека в древности было иное чем у нас. Эти вопросы казались Гейгеру вопросами физиологии, и он предложил идею некоей новой науки—палеофизиологии¹⁾. Сегодня мы хорошо понимаем, что проблема заключается не в разном физиологическом устройстве глаза, а в различной устремленности сознания и интересов у людей разной общественности. Физиология глаза, уха и других органов у наших предков мало чем отличается от нашей, но большая разница в том, что и как воспринималось этими органами в различные эпохи.

Леви-Брюль полагал, что примитивное сознание воспринимает и видит так же, как и наше, но думает иначе; мы же считаем, что человек эпохи палеолита не только думал, но и воспринимал по-другому и видел иное, чем мы, несмотря на то что смотрел и слушал таким же физиологическим аппаратом, как и наш.

IV

Ленин, перечисляя области знания, из коих, по его же словам, должна сложиться теория познания и диалектика, подчеркнуто выделяет язык и снабжает его особой пометкой «очень важно»²⁾. В материалистическом изучении истории становления языка как «реального человеческого сознания» (Маркс) Ленин видел единственную возможность построения марксистской теории познания на подлинно исторической основе. Ленин с особенным вниманием подчеркивал слова Гайма и указывал на то, что «критика разума должна превратиться в критику языка»³⁾.

«Тысячелетия прошли с тех пор, — говорит Ленин, — как зародилась идея «связи всего», «цепи причин». Сознание того, как в истории человеческой мысли понимались эти причины, дало бы теорию познания бесспорно доказательную»⁴⁾.

Ленин, таким образом, указал нам путь дальнейшего развития марксистской теории познания. Н. Я. Марр, вооруженный богатейшими знаниями и силой необычайного таланта, упорным трудом пробился на этот путь. Он открыл и дал нам в руки мощное научное оружие—палеонтологический метод в его, марровском понимании.

В последние годы своей работы Н. Я. Марр вплотную подошел к собственно-философским проблемам своего учения. Эти годы, бывшие, мы можем смело сказать, самыми плодотворными в его научной работе (так он считал и сам), почти целиком были посвящены разрешению именно тех вопросов, которые столь четко очерчены Лениным. В исторически сложившихся образованиях языка, обычаев, материальной культуры и т. д. в виде пережитков сохранились не только древнейшие формы деятельности и речи, но и древнейшие верования, формы мировоззрения, способы мышления отдаленнейших эпох. Последующее историческое развитие, создавая новые формы, вместе с тем продолжает непрерывную цепь исторического переосмысления старых терминов, представлений и понятий. Беря эти, данные нам в сегодняшних

¹⁾ «Diese Fragen, — говорит Гейгер, — sind an und für sich physiologische Fragen». L. Geiger «Vorträge zur Entwicklungsgeschichte der Menschheit». Stuttgart. 1871.

²⁾ Леч. сб. XII, стр. 315. 1931.

³⁾ Там же, стр. 145.

⁴⁾ Там же, стр. 307 (Разрядка моя.—К. М.).

наших переживаниях формы, мы путем анализа устанавливаем их прошлые значения и открываем предшествующие исторические формы языка, мировоззрения и мышления.

Палеонтология языка в лице Н. Я. Марра действительно нашла гениального мастера и всестороннего ученого. В его руках мертвые, окаменелые пережитки лексики, морфологии, грамматики оживают; наука в них воскрешает обломки мировоззрений эпох, казалось бы, абсолютно затерянных в пучине забвения, и складывает из этих обломков картину истории прошлых форм мышления.

Таким образом в одном плане с вопросами палеонтологии речи встает проблема громадной научной значимости—проблема палеонтологии мышления, задача «раскопок» в древнейших слоях и пережитках форм развития человеческого мышления.

Общая схема развития мировоззрений до сих пор понималась как развитие одних форм воззрений из других в процессе естественного продолжения последующим поколением идей предыдущих, в порядке саморазвития идеи вплоть до исчерпания всех ее внутренних потенций. Схема эта оказалась фальшивой. Для перехода от одной идеи к другой требуется, чтобы в направлении развития действовали определенные материальные силы и чтобы идеи опирались на определенные социальные интересы людей. Философия марксизма все сдвиги в мире идейном рассматривает в качестве производных от социальных конфликтов и реальных общественных сдвигов.

За спиной всех языковых изменений в лексике, в значимости, в морфологии, фонетике и т. д. Н. Я. Марр требовал уметь видеть определенные социальные сдвиги. Эти-то последние и являются действительными причинами изменений, происшедших в области мышления, мировоззрения и языка.

При этом Н. Я. Марр в полном согласии с основными положениями марксизма-ленинизма выдвигает чрезвычайно плодотворный принцип стадийных смен в развитии языка и мышления. Понятие стадии выражает качественно определенную ступень в развитии общественного способа производства, социальных отношений, вместе с мировоззрением и идеологическими формообразованиями. Каждая стадия в своем развитии подготавливает следующую и переходит в нее благодаря изменившимся социальным условиям, в силу столкновения общественных интересов и через ряд революционных взрывов изнутри. Всякие изменения и сдвиги, происходящие в общественных и идеологических формах, осуществляются путем социальных конфликтов. Постоянная социальная борьба составляет живую силу всякого исторического процесса, которая впоследствии, на стадии классового общества, принимает более конкретные формы столкновения частнообщественных интересов и борьбы классов.

Эта марксистская концепция, открывающая чрезвычайно глубокое понимание смысла истории и характера исторической закономерности, представляет исходное положение и главную тему последних работ Н. Я. Марра.

Н. Я. Марр дал первые общие наброски самых древних стадий в развитии языка и мышления. Он установил ряд ступеней, узловых исторических пунктов развития (стадии тотемистического, космического, микроскопического, технологического и т. д. мировоззрений), где в основе речетворчества лежали определенные мировоззренческие мотивы и где нормы мышления определялись материальными условиями производства и общественными отношениями.

Расширяя и углубляя свои изыскания путем вскрытия стадии мировоззрения и стадийного развития мышления, Н. Я. Марр поставил перед нами еще одну проблему, имеющую громадное значение для философии марксизма.

В свете учения Н. Я. Марра перед нами заново ставится проблема всей истории философии и, в первую очередь, вопрос о понимании истории древ-

ней философии. Мы можем смело сказать, что история философии не сделала в руках буржуазных идеологов ни шагу вперед со времен Гегеля, который впервые, собственно, положил основу этой дисциплины как систематически связанному целому.

Но Гегель все же понимал, что «всякая философия есть сын своего времени». Последующие эпигоны часто об этом забывали и представляли историю философии как галерею отдельных героев мыслящего разума или как историю философских учебников и сборник биографий их авторов. При этом официальная история философии дело философской героики начинает с Греции, игнорируя остальной мир и считая весь Восток чуждым миром экзотики, лишенным мыслительных потенций. А если некоторыми и делаются попытки втянуть в круг проблем истории философии и страны Востока, то им навязываются предвзятые категории и произвольные определения современного буржуазно-европейского мировоззрения.

Этой участи подвергается не только философия стран Востока, но и вся древнегреческая философия точно так же толкуется и разъясняется в пределах современных понятий буржуазной философии. Не говоря уже о доократиках, даже Платон, отчасти и Аристотель, стригутся под одну гребенку понятий современных идеалистических воззрений. Платон, например, в изложении П. Наторпа или Н. Гартмана представляет яркие образцы подобных искажений ¹⁾.

Маркс рассматривал всякую философскую систему вовсе не как результат индивидуальной рефлексии отдельных философов. Идеи не падают с неба, и философы не производят идей из своего воображения, подобно пауку, ткущему свою паутину. Философ черпает свои мнения из общества, а потому идеи, нашедшие выражение в философской системе, представляют лишь отражения воззрений и интересов определенных общественных слоев, групп или классов.

В марксистской научной постановке история философии мыслится в одном плане с историей форм общественного сознания, в одном плане с историей идеологии и историей мировоззрения вообще.

По мнению Маркса, «философия сначала вырабатывается из религиозных форм сознания» ²⁾ и мифологии, а потому, когда мы сегодня рассматриваем, например, древнегреческую философию, ее нельзя отрывать от того идейного окружения и мировоззренческой базы, из которых эти представления выросли, если мы не хотим исказить действительной истории. А они (эти философские представления) теснейшим образом связаны с мифологическими воззрениями, распространенными не только в Греции, но и во всем мире, поскольку на известной стадии мировоззрения те же самые основные мотивы встречаются повсюду.

Фрагменты Фалеса Милетского или Анаксимена, в которых встречаются утверждения вроде следующих: вода есть бог всего, вода есть основание всего, первоначалом всех вещей является воздух, и т. п., — разумеется, нельзя толковать в том смысле, будто «вода» и «воздух» понимались еще тогда как духовные принципы, как категории сущности или субстанции, из которых выводятся все прочие частные формы бытия, как это представляется позднейшей рационалистической философией.

Даже в том случае, когда у Анаксагора появляется такое, казалось бы, отвлеченное понятие как *νοῦς*, мы не имеем оснований ни толковать его как «разум», «дух» или «душа», ни переводить этим термином, если не

¹⁾ Paul Natorp «Platos Ideenlehre». Leipzig. II Ausgabe. 1921.

Nicolai Hartmann «Platos Logik des Seins». Giessen. 1909.

²⁾ К. Маркс «Теории прибавочной стоимости». Т. I, стр. 42. Изд. «Трибой». 1923.

хотим исказить действительные исторические факты. Понятия о «разуме», очищенного от магических и «космогонических» представлений, тогда еще не существовало. Νοῦς у Анаксагора выступает лишь в качестве силы, соединяющей и раз'единяющей вещи.

По существу анаксагоровское νοῦς представляет собой лишь разновидность тех же представлений, какие находим мы у Эмпедокла. Νοῦς у Анаксагора действует как притягательная и отталкивающая сила точно так же, как и у Эмпедокла, симпатия (любовь, φίλια) и вражда νεῖκος.

Когда в одном фрагменте Анаксагора говорится: «Он (νοῦς) есть самое тонкое, самое чистое из всех вещей, обладает полным познанием (γῶμη) всех вещей и высшей силой; и над всем большим и малым, что только имеет душу, господствует νοῦς», то это γῶμη далеко еще не означало «знания» и «познания» в нашем смысле. На этой ступени слово это имело значение: «быть одержимым», «иметь сопричастие», «физически соучаствовать» — так же, как и λογος имело такое значение магического симбиоза, поэтому мы у Гераклита находим огонь в значении и разума и λογος'a. 'Разум', 'слово', λογος, 'дух' и 'душа' в этот период еще только зарождаются из хозяйственно-космогонических представлений и еще не отдифференцированы от 'огня', 'воздуха' и даже 'воды'. Об этом свидетельствуют фрагменты, приписываемые Гераклиту, где 'огонь' является миробразующим началом — «весь мир есть вечно живой огонь» — и где тот же огонь выступает также в роли 'разума'. По свидетельству «Hippolyt'a¹⁾, «ри (Гераклит) утверждает, что огонь этот разумен φρονιμον и является причиной мирового порядка». Гераклит часто называет огонь именем божества Zeus, которое, согласно лингвистическому анализу, действительно имело раньше значения «огня», а также «неба» (ср. латинское deus с санскритским deva). Но еще чаще у Гераклита «огонь называется λογος и γῶμη, где под термином λογος понимается двойкое: с одной стороны, «слово» или «истина», изрекаемая мудрецом, а с другой стороны, «живительная сила», разлитая во всей природе: «Все в мире происходит согласно этому λογος'у, т. е. 'огню'.

Вещество, оживляющее человека, представляемое позднейшим мировоззрением в виде души, у Гераклита отождествляется с 'огнем', или 'воздухом', 'ветром', 'дыханием', которые у него представляют собой лишь дериваты 'огня' и его разновидности.

По свидетельству Секста Эмпирика, «Гераклит определенно говорит о том, что не только человек является разумным существом, а одушевленным (т. е. носителем огня) является весь окружающий мир»²⁾. «По Гераклиту, мы через дыхание впитываем в себя этот всеобщий разум (λογικον), и этим путем достигаем разумности...»³⁾. Чем больше этого мирового 'огня' содержит в себе душа, тем она мудрее; αθη ψυχη σοφωτατη — «сухая душа наиболее мудрая» (слово «сухая» имеет здесь вовсе не метафорическое, а физическое значение). «Если же человек напивается, он нетвердо стоит на ногах, и его может вести ребенок, и сам он не знает, куда идет, так как его душа стала мокрой», т. е. затемнилась.

Если все это сопоставить с теми воззрениями, которые нашли свое отражение в сказаниях, мифах и в таких памятниках, как древние Веды и Авеста, то увидим, что здесь мы имеем дело типологически с одинаковыми мировоззренческими мотивами, где 'разум', 'дух' и 'душа' понимаются телесно и представляют собой лишь дериваты 'огня', или 'воздуха', или 'воды'.

¹⁾ H. Diels «Die Fragmente der Vorsokratiker», S. 385. 1922.

²⁾ Sextus «Empir. adv. Math.». T. VIII, стр. 286.

³⁾ Ibid. VII, стр. 129.

Один из самых компетентных специалистов, И. Гертель, на основе громадной критической переоценки всего европейски-богословского понимания древней ведийской и авестийской литературы приходит к следующему заключению: «Вся арийская литература служит доказательством того, что понятие «нематериального» у арийцев, стоящих на ступени примитивных, совершенно отсутствовало. Все, что мы называем отвлеченностями, арийцам представлялось материально телесными. Этой материей, из которой состояло все сущее, являлся огонь, в виде ли своей светящейся *rsp*, темной разновидности, или бесцветного проявления»¹). В Ригведе и Авесте все живое, все деятельное, есть огонь. В Атарва-веде это воззрение выражено в одном гимне (XII I₁₉) следующим образом: «Огонь есть в земле и в растениях, воды также содержат огонь, огонь имеется в скалах, огонь находится внутри людей. Рогатые животные и лошади имеют внутри себя огонь. Огонь изливается сверху, со светлого неба. Огню Дэвов принадлежит второе промежуточное пространство (между небом и землей)... О, земля, одежда которой — огонь, колени которой черны, сделай меня светоодаренным и острым»²).

В человеческом сердце и вообще внутри человека горит такой же огонь, как и на небе, и этот огонь сообщает человеку жизнь. 'Душа' и 'знание', на этой ступени развития мышления представляют еще разновидность 'огня'. Представление о 'душе' и 'духе' развивается из представления об 'огне'.

Согласно изысканиям Гертеля, в древнеарийской литературе различают множество видов 'огня'. Существуют «огонь познания, огонь здоровья, огонь военной доблести, огонь политического могущества, даже огонь богатства, огонь производящий (вернее говоря, растительной силы. — К. М.) — огонь души и т. д.»³). 'Рассудок' и 'разум', 'душа', 'познание', 'дух' на этой ступени развития представляют еще лишь отдельные виды 'огня'. Представления об этих вещах являются дериватами от 'огня'.

Представление об «огне» как живительной силе, развиваясь таким образом, с одной стороны, в понятие 'мудрость', 'рассудок', 'дух', 'душа', с другой стороны, не порывает связи с 'водой', а также с 'воздухом' (*rsp.* 'ветром'). И вода и ветер, по воззрениям Ригведы и Авесты, представляют лишь разные проявления того же 'огня'. Огонь (Агни) называется «внуком» или «сыном вод»⁴). «Воды, камни, дерево заключают в себе зародыши огня...» (Rg. v. VI, 48, 5). «Его носят в себе растения, деревья, земля» (Rg. v. VII, 4, 5).

Культовый напиток Soma (авестийское Наома) представлялся как огонь в жидком состоянии. Принимая этот напиток, человек, по их воззрениям, повышал свой «внутренний огонь», приобретал мудрость и магическую силу познания. Дождь, падающий с неба, также заключал в себе 'огонь', а потому имел силу оплодотворения. Вообще говоря, 'реки' и 'воды' являются сестрами Агни, иначе выражаясь, вода представляет собой лишь другую форму проявления огня. В одной из песен Ригведы (1,65) об огне говорится, что он «родственен водам так же, как брат сестрам».

Такие представления мы встречаем и относительно «земли»; землю, как то устанавливает Гертель, представляли возникшей из огня, излучаемого с небес (Avesta, V, 6.49—51), «так как, — говорит Гертель, — светила обладают производящим светом, т. е. огнем, из которого производится земля»⁵).

Обращаясь теперь к древнегреческой философии, мы находим, что у Гераклита, у которого 'огонь' также выступал в роли разумного начала — 'духа', 'души' и т. д., опять-таки не порвал своей связи с 'водой'. Огонь здесь характеризуется через понятие «текучести» и измененная наподобие теку-

¹) Johannes Hertel «Die Sonne und Mithra im Avesta», S. 48. Leipzig. 1927.

²) Ibid., стр. 50.

³) Ibid., стр. 84.

⁴) Ibid., стр. 24.

⁵) Н. Я. Марр «Язык и мышление», стр. 48—49.

чести воды. Более того: у Гераклита 'вода', а также и 'земля' производятся из 'огня' путем охлаждения и отвердения последнего. Превращение огня дает сначала воду, вода же через отвердение превращается частью в землю, частью — обратно, в огонь.

Следует обратить внимание, что у Гераклита огонь прямо превращается в воду, а не через предварительное прохождение им состояния 'воздуха'. В ряде ступенчатых превращений 'огня' у Гераклита и не упоминается особо о воздухе, так как 'воздух' (rсп. ветер), по его воззрениям, — это то же, что и 'огонь'.

Можно, таким образом, установить, что 'огонь' Гераклита — это, по существу, то же самое, что 'воздух' у Анаксимена и $\psi\upsilon\zeta$ у Анаксагора.

Сопоставляя эти данные с результатами лингвистического анализа, с мотивами народных сказаний, данными материальной культуры и т. д., мы получаем определенную картину. Например в русском языке мы находим совсем не случайное совпадение таких терминов, как 'воз-дух' и 'дух', или при совершенно обычном для русского языка перебое фрикативного спиранта х в сибилантное ш: 'душ-а' и 'дыш-ать', 'дых-ание'¹⁾; или еще греческих названий $\psi\upsilon\chi\rho\sigma$ — «прохладный», а также в значении 'воды' и воздушного пространства, а $\psi\upsilon\chi\eta$ — со значением 'дыхание', 'жизненная сила' и 'душа'.

Весьма любопытен факт, отмеченный еще Вольтером, что почти во всех языках и у всех народов «сердце пылает», «мужество загорается», «глаза сверкают», «кровь кипит», «душа горит» и т. д. Эти выражения, понимаемые нами сейчас исключительно как поэтические метафоры, представляют собой языковые пережитки, указывающие на древнее убеждение о существовании 'внутреннего огня', и, разумеется, ничего метафорического тогда не содержали в себе. Эти вещи и явления когда-то, действительно, воспринимались в таком именно прямом, предметном их значении.

Очень распространенным на всем Востоке является мотив, в котором человек путем аскезы²⁾, т. е. воздержания от расходовании духовной энергии — огня, достигает такой внутренней силы и мудрости (т. е. внутреннего накопления огня), что огонь пробивается и пылает над его головой.

Ведийский Агни, эвстийское Митра, атман (дыхание, внутренний огонь, жизненная сила), прана (с теми же значениями, что и атман), браман (внутренний огонь, огонь души, огонь сердца), огонь аскезы, пробивающийся и просвечивающий сквозь тело человека, сияние вокруг головы святого в христианской иконописи, 'огонь' Гераклита, Анаксагора и т. д. — все это суть факты одного и того же мировоззренческого порядка. 'Огонь', 'воздух', 'дух', 'душа', 'слово', $\lambda\omicron\gamma\omicron\varsigma$, 'разум' палеонтологически располагаются в один семантический ряд.

Таким образом, «вода» как и «воздух», или «огонь», «дух», «душа» и так далее, имеют в древнегреческой философии еще сильнейший налет магических представлений и культового смысла. Нельзя не обратить внимания на следующее свидетельство, оброненное Аристотелем при кратком изложении Фалеса: «Некоторые полагают, — говорит Аристотель, — что и со всем древние, занимавшиеся первыми и задолго до нашего поколения «богословием» $\theta\epsilon\omicron\lambda\omicron\gamma\iota\alpha$ — $\sigma\alpha\nu\tau\alpha\varsigma$ ³⁾ так же смотрели на природу. Они делали Океана и Фетиду родителями всего возникающего и заставляли богов клясть-

¹⁾ Н. Я. Марр «Язык и мышление», стр. 24.

²⁾ Индусское слово для обозначения аскезы *tapas*, как устанавливает I. Hertel, значит «жар» (geut, огонь), аскет же обозначается словом *tapasa*, что значит «одержимый «жаром», т. е. огнем (Clutwesen, Glutmensch). Hertel «Die Sonne und Mithra im Awesta, S. 7, 60».

³⁾ Разумеется, слово $\theta\epsilon\omicron\lambda\omicron\gamma\iota\alpha$ имеет в устах Аристотеля совершенно другой смысл и значение по сравнению с тем, какое оно приняло впоследствии в христианскую эпоху.

ся водой, называемой поэтами Стиксом; ибо древнейшее есть наиболее почитаемое, а клятва почитается больше всего¹⁾. Да и у Гомера мы встречаем указание, что Океан, который окружает весь мир, из которого исходят все небесные светила и куда они обратно погружаются, является началом всех богов. *Ὠκεανὸν θεῶν ἕνεστιν* (II, XIV, 201), *Ὠκεανὸς δ' ἔς περ ἕνεσιν παύεται* (XIV, 246).

Фалесова «вода», «воздух» Анаксимена, «огонь» Гераклита, магическое число Пифагора, четыре стихии Эмпедокла — это в принципе те же культурные элементы, а может быть, и примитивные «категории мышления», так широко распространенные по всему лицу земли в фольклоре, сказках и мифах; это те же мотивы, которые столь ярко отразились в таких литературных памятниках, как Библия (сказание о сотворении мира из воды), Веды, Авеста, у древних китайских и индусских философов и даже у арамейских философов эпохи средневековья и т. д.

Общие мотивы греческой философии с мифологическими воззрениями восточных стран не могли, разумеется, остаться незамеченными для историков философии, но факты подобных совпадений толковались ими совершенно превратно: на этих фактах они строили гипотезы о заимствовании, о переселении народов или же рисовали схему общего индоевропейского праязыка, праимфологии и т. д. Так например Cladis'n'y («Die Religion und die Philosophie in ihrer weltgeschichtlichen Entwicklung». 1852) казалось, что досократовская философия является лишь повторением воззрений пяти основных народностей Азии; якобы в пифагорейской философии повторялось китайское мировоззрение, в гераклитовской — персидское, в элеатской — индусское, в эмпедокловской — египетское, а в анаксагоровой — еврейское. Ed. Röth («Geschichte unserer abendländischen Philosophie». Mannheim. 1846) старался убедить в том, будто вся досократовская философия заимствована из Египта и вращается в кругу египетских религиозно-философских идей. Ed. Zeller же строит свою концепцию на предпосылках господствующей индоевропейской филологии о существовании единой праиндоевропейской истории, индоевропейского пранарода и, полагая, что греки принесли с собой из Азии общие всем арийцам воззрения: «Вместе с прочими индогерманскими народами греки ведут свое происхождение из Азии, и из этой своей древнейшей родины они, несомненно, уже с самого начала принесли с собой, одновременно со своим языком, общие основы своей религии и морали»²⁾.

Несостоятельность подобных воззрений должна быть очевидна, если обратить внимание на то, что те же воззрения мы находим не только у индоевропейских народов, но также и у чувашей, грузин, сванов и других неиндоевропейских народов.

Все эти представления и понятия древней философии имеют прямое отношение к стадии космического мировоззрения и рассматриваются Н. Я. Марром именно в этом плане³⁾.

Перед марксистской наукой встает, таким образом, задача восстановления правильной картины прошлых форм мировоззрения и взглядов древних философов в свете действительной, а не выдуманной истории.

Более того, идя этим путем, мы обнаружим, что значительное количество основных понятий и категорий позднейшей и даже современной буржуазной философии, как например дух, душа, субстанция, логос, идея и т. д., представляют собой лишь позднейшие переосмысления ранее существовавших анимистических представлений. Продолжая наши изыскания далее, в глубину прошлого, мы убедимся, что эти понятия являются продолжением цепи

¹⁾ Аристотель «Метафизика», кн. I-я, гл. III.

²⁾ Ed. Zeller «Die Philosophie der Griechen in ihrer geschichtlichen Entwicklung». B. I. S. 23. 1869.

³⁾ Н. Я. Марр «Язык и мышление», стр. 48.

переосмыслений, возводящей к представлению космической и тотемистической стадии мышления. Палеонтология понятия 'истина' (или слова, обозначающего истину) приводит нас к 'солнцу', 'свету', 'глазу', 'дню'¹⁾; палеонтология понятий 'дух', 'душа' — к огню, соответственно — солнцу или небу, а палеонтология слова «бог» возводит к тотемистическим воззрениям и приводит к «культовой собаке» или даже к «культовой свинье». Грузинское *ğ mer d* — бог, в более полном виде, сохраненное в мингрельском *ğor-mod* и в сванском *ğer-med* возводится Марром к «культовой собаке», соответственно — свинье. *ğo-ğor* — по-мингрельски — собака, а *ğor-ond* — по-грузински — свинья²⁾.

Но не только язык и мышление человека рассматривает Н. Я. Марр в этом плане исторического их становления и социальной сущности; он доказывает, что даже такие проявления жизни, как веселье, скорбь, чувство красоты, песня, танцы, игры, поскольку речь идет о человеческом способе веселья, скорби и т. д., ничего общего не имеют с биологическими проявлениями³⁾. Все они представляют собой продукты общественной жизни, а не биологической природы человека. Человек поет не так, как распевает птица. Человеческая песня имеет другое, не биологическое происхождение и иной смысл, а именно социальный. Проявления человеческого веселья и скорби не имеют ничего общего с резвостью и вялостью животных; они связаны прежде всего с определенными социальными институтами и веселья или скорби. Существуют определенные традиционные нормы, «шаблоны» или даже организационные формы, в которых проявляются человеческое веселье, скорбь, игры и т. д. Формы эти выработывались общественно-исторически и в начале своем имели совсем другой смысл и другое назначение, относясь главным образом к комплексу, называемому Марром «труд-магическими действиями». На следующих стадиях они изменили свои значения, сохранив, однако, в себе много формальных и пережиточных элементов, анализом которых мы открываем их предыдущие значения.

Все эти разнообразие стороны жизни человека имеют, следовательно, такую же историю стадийного развития и исторического переосмысления, как и мышление, речь и данные материальной культуры.

Н. Я. Марр старается охватить в одном общем историческом процессе не только развитие языка, мышления и материальной культуры, но и все остальные проявления человеческой жизни, деятельности и культуротворчества. Человеческое мышление, язык, графическая речь, изобразительные искусства, песни, музыка, игрища, институты веселья и скорби, лицейства, мистерии, драма, культовые образования, религиозные воззрения, обычаи, материальная культура и т. д. и т. п. — все это сливается в один общий поток взаимно обусловленного исторического развития со стадийной сменой и последующим переосмыслением всех соответствующих понятий.

Все эти, до сих пор разрозненные для науки области находят в намечаемой Марром развернутой системе исторической науки единство объяснения. Н. Я. Марр стремится представить всемирную историю как один общий историотворческий процесс развития человечества, внутренней пружиной которого является развитие производительных сил и производственных отношений общества. Эта концепция развернутой исторической науки и есть та концепция, которая была впервые во всей ее широте выдвинута К. Марксом.

¹⁾ Н. Я. Марр «Родная речь — могучий рычаг культурного подъема», стр. 38—41. 1930.

²⁾ Н. Я. Марр «Яфетическая теория». Баку. 1928.

³⁾ Там же, стр. 100—109. «Средства передвижения, орудия самозащиты и производства в доистории», стр. 31. 1926.

Это есть та действительная история общества, которую открыли и разработали Маркс, Энгельс, Ленин и дальнейшей разработки которой требует от нас наше социалистическое государство. Н. Я. Марр на основе материалистического понимания истории дает только первые наброски этой грандиозной истории развития языка, которая в целом может быть построена только в социалистическом обществе упорным трудом нескольких поколений ученых нового типа, с новыми, вполне социалистическими понятиями, которые по мере работы будут все более удивляться и восхищаться величием того теоретического дела, которое сумел поднять и успел наметить этот проникновенный ум.

Многие, оценивая Н. Я. Марра, часто говорили о его бессознательном, стихийном материализме. Однако для большей точности необходимо подчеркнуть, что если в ранних работах Н. Я. Марра мы действительно имели дело с проявлением стихийного материализма, то уже относительно последнего этапа развития теории об этом не может быть и речи. Начиная с 1924 г., Н. Я. Марр стремился сознательно развивать свое учение, исходя из марксистской методологии. Этим главным образом и объясняются громадные успехи в его теории именно в последние десять лет жизни этого замечательного ученого. Сам Н. Я. Марр прекрасно понимал, какую роль в развитии его теории сыграла Октябрьская революция, раскрепостившая такое множество угнетенных народностей в самой многоплеменной и многоязычной стране. В своих публичных выступлениях он неоднократно говорил о том, что не будь Октябрьской революции, не было бы и нового учения о языке ¹⁾.

Мы хорошо помним слова другого крупнейшего ученого — большевика М. Н. Покровского, сказавшего: «Если бы Энгельс жил между нами, теорией Марра занимался бы теперь каждый комвузнец, потому что она вошла бы в железный инвентарь марксистского понимания истории человеческой культуры» ²⁾. То, что М. Н. Покровский в 1928 г. высказывал еще как свое частное мнение и пожелание, мы сегодня можем установить как бесспорное завоевание: теория Н. Я. Марра прочно вошла в железный инвентарь марксистской науки.

Новое учение о языке, созданное Н. Я. Марром, является детищем Октябрьской революции, и пусть знают все наши друзья и наши недруги, что мы будем защищать его с такой же решительностью, как и все основные завоевания рабочего класса и социалистического отечества.

Сколько бы ни говорили о необычайно интенсивном развитии естественных наук и о постепенном приближении к идеалу, когда, по словам М. Планка ³⁾, охват в одно целое всех областей физических наук увенчает все построение теоретической физики, — нужно сказать, что успехи обществоведческих наук нашей социалистической родины бесповоротно обогнали все передовые страны враждебного, капиталистического мира и в области исторических наук сделали вполне реальным достижение того идеала, о котором физики пока еще только мечтают.

Мы не сомневаемся в том, что молодое поколение, чтящее память Н. Я. Марра во всем Союзе и являющееся активнейшим борцом за новые революционные идеи науки, проложит те трудные пути исторической науки, которые выявлены в огне классовых боев пролетариата под руководством Маркса, Энгельса, Ленина и Сталина — этих светочей новой эры истории человечества.

¹⁾ Н. Я. Марр «Языковая политика, яфетическая теория и удмурдский язык», стр. 3—6. 1931. «К семантической палеонтологии в языках нефетических систем», стр. 8. 1931.

²⁾ «Известия» 23/V 1928 г. № 118 (3352).

³⁾ М. Я. Планк «Einführung in die Theorie der Elektrizität und des Magnetismus», S. 1. 1922.

К. А. Тимирязев*)

(1843—1920 гг.)

(К 15-летию со дня смерти)

А. Максимов

Товарищи, мы чтим сегодня память мирового ученого, члена Московского совета депутатов, действительного члена Комкадемии, ученого, давшего свое имя Биологическому институту, мы чтим память Климента Аркадьевича Тимирязева, скончавшегося 15 лет назад.

Велики научные заслуги покойного Климента Аркадьевича.

Он был одним из талантливейших последователей учения Дарвина, много сделавший сам для дальнейшего развития этого учения, для пропаганды его в самых широких массах.

Он был крупнейшим ученым физиологом растений, сделавшим своими работами эпоху в этой важной отрасли знания.

Он сумел сочетать свою исследовательскую работу по физиологии растений с практикой сельского хозяйства и был горячим борцом за единство теории и практики вообще.

Он был новатором в привлечении физико-химических методов к решению проблем по физиологии растений и может считаться талантливым физиком в своей области.

Наконец, Климент Аркадьевич Тимирязев был талантливейшим, образцовым популяризатором, создавшим непревзойденные образцы популяризации на строго научных основаниях, что мы имеем, например, в его книге «Жизнь растений».

Все это сделало Климента Аркадьевича человеком мировой известности.

Но для нас всех важно с самого начала подчеркнуть значение еще одной стороны из жизни Климента Аркадьевича, именно переход его на сторону пролетариата, переход неизбежный, подготовленный всей предыдущей историей его жизни.

Что привело Климента Аркадьевича Тимирязева, крупнейшего ученого, заслуги которого признаны во многих странах, на сторону только что зародившейся власти рабочих и крестьян.

Климент Аркадьевич Тимирязев не был кабинетным ученым, он был борцом-революционером в науке. С самого начала, с самых ранних лет своей научной деятельности, К. А. сочетал научно-исследовательскую работу с борьбой за науку, с тем, что стояло на ее пути. При этом К. А. был твердо убежден, что борьба за науку есть в то же время борьба за лучшее будущее человечества, за победу разума над невежеством, за лучшее устройство общественной жизни.

*) Доклад, сделанный на вечере, посвященном 15-летию со дня смерти К. А. Тимирязева, состоявшемся 14 мая с. г. и организованном Институтом философии Комкадемии, редакцией журнала «Под знаменем марксизма» и Биологическим институтом им. Тимирязева.

У К. А. в ранний период его жизни не было строго очерченных общественно-политических взглядов. Он шел в борьбу не со знаменем какой-либо определенной политической партии, а со знаменем науки, своей специальности. Из лозунгов окружающей его общественно-политической жизни он брал то, что больше всего сочеталось с его научной деятельностью, с его научными убеждениями.

И вот для нас интересно проследить, как от общих, еще не определенных лозунгов о демократии и свободе К. А. Тимирязев в конце концов дошел до ясного понимания того, что нет иной демократии, как только пролетарская демократия, и нет иной свободы для человека, как свобода, которая действительно обеспечена пролетарской властью.

Шаг за шагом убеждался К. А., что для честного ученого нет места в условиях капиталистического общества, даже если он и стремится честно и добросовестно исполнять свои обязанности ученого и преподавателя высшей школы. Больше того, чем честнее выполняет этот ученый свои обязанности ученого и преподавателя, чем добросовестнее и последовательнее он относится к своей науке, тем менее оказывается ему места в условиях эксплуататорского общества.

К. А. Тимирязев выступил на научном поприще как убежденный дарвинист. Он прекрасно понимал, что дарвинизм — не только биологическая теория, но и элемент цельного научного мировоззрения, отрицающего мистику, поповщину, идеализм, объясняющего факты научным образом и учащего разумно строить жизнь.

И вот с самых ранних лет своей научной деятельности К. А. как дарвинист встретил бешеную злобу со стороны защитников религии, со стороны апологетов мракобесия. Против него выступали не только со статьями, но и с доносами. Против него ополчались не только литераторы, но и попы, не только «ученые» и чиновники, но и весь, так сказать, старый режим. И в этой борьбе К. А. Тимирязев убедился, как тесно связаны апологеты мракобесия и поповщины с царским режимом.

Проработав 20 с лишним лет — с 1871 по 1892 г. — в Петровской сельскохозяйственной академии, создав ей славу своими трудами, создав научные основы сельскохозяйственной науки, К. А. Тимирязев в конце концов был отставлен от своей деятельности в Петровской академии. Дарвинисту не нашлось места в высшем сельскохозяйственном учебном заведении! Последовательная защита научных взглядов, защита научного мировоззрения оказалась несовместимой с помещичье-полицейским режимом. Рамки, в которых проходила деятельность Тимирязева, оказались слишком тесными.

Так обстояло дело с защитой научных взглядов по всей линии. Последовательная защита их неизбежно приводила к конфликту с окружающим общественно-политическим строем и его идеологами.

Так же обстояло дело и с честным выполнением обязанностей преподавателя, профессора высшего учебного заведения. И на этом поприще все дороги в конце концов оказались закрытыми для Клементия Аркадьевича Тимирязева.

Одним из самых больших испытаний в этом отношении, выпавшим на долю К. А. Тимирязева в 1901 г., явились события, которые произошли тогда в высшей школе в связи с так называемыми временными правилами, действовавшими тогда в университетах. Царизм создал в университетах на основе действующего университетского устава и этих временных правил режим полного бесправия, режим разгула солдатчины и нагайки. На основе этих временных правил и устава студентов пачками отдавали в солдаты, на расправу и мордобой унтеров. Естественно, что революционное студенчество не могло равнодушно относиться к такому положению и выражало свой протест забастовками, сходками, прокламациями и т. д.

И вот царское правительство потребовало от профессуры, чтобы она не только сама смирялась и смирилась перед режимом солдатчины и нагайки, но призывала бы к такому же смирению и покорству и студентов. К. А. Тимирязева это возмутило, и он отказался подписать такое обращение к студенчеству. За это он получил выговор от министра народного просвещения, вернее, министра народного затемнения. И естественным шагом для Клементия Аркадьевича был отказ от чтения лекций. Он отказался читать лекции в такой атмосфере, при таких условиях. Честный, прямой, открытый борец за науку, он не хотел кривить душой и быть пешкой в руках царских са-трапов.

Интересны для нас те мотивы, которые выдвинул при этом Клементий Аркадьевич. В одном из своих официальных писем попечителю учебного округа он писал: «Я бы мог примириться и с незаслуженным оскорблением ради того, чтобы не вносить лишнего усложнения и в без того тревожную жизнь учреждения, служению которому посвятил лучшие годы своей жизни. Но в «поставленном мне на вид» я вижу нечто более простого оскорбления. Я вижу в нем категорическое заявление, что начальство, которому я подчинен, имеет какое-то право на мою совесть.

Действующий устав 1884 г., лишив профессора всех прав, которыми он пользовался ранее, не посягает на самое священное из прав человека, кажется, никогда нигде не нарушавшееся,—на право молчать. Мне ставится на вид, что я этого права лишен, что я обязан влиять, т. е. говорить во всеуслышание и, очевидно, говорить то, что мне может быть указано, так как то влияние, о котором я упоминаю в своем объяснении, признается уклонением.

Таким образом мне, как профессору, создается такое невозможное положение. Закон, т. е. устав 1884 г., лишает меня всякого фактического влияния на участь студентов, а от меня требуют, чтобы в самые тяжелые моменты университетской жизни я нес ответственность за последствия чужих действий и прикрывал их в глазах студентов своим нравственным влиянием. Закон обеспечивает за мной право быть немым свидетелем событий, к которым я непричастен, а от меня требуют, чтобы я выступил вперед и высказывал по необходимости одностороннее суждение о происходящем, и называют это нравственным влиянием. Я говорю: нравственным—потому, что для меня очевидно, что, обращаясь к профессору, в его содействии видят исключительно средство нравственного убеждения, а не простое средство устрашения. Но нравственным влиянием может пользоваться только человек, руководящийся в своих словах одними внушениями своей совести. Влияние по указанию тем самым утрачивает свой нравственный характер. И достаточно, чтобы в молодых умах заронилась тень сомнения, что говорящий несвободен в своих словах, а руководится посторонними указаниями, чтобы это нравственное влияние было подорвано навсегда.

Отрицая самую возможность нравственного влияния на студентов при условии, что форма и направление этого влияния могут быть мне указаны, считаю невозможным признать верность «поставленного мне на вид», а следовательно, и сообразовать с ним дальнейшую свою деятельность. Молчать при таких условиях—значит соглашаться, т. е. вводить в обман, обманывать же, хотя бы молчанием, я нахожу унижительным».

Однако К. А. Тимирязев был все-таки еще сохранен для университета. Окончательно же закрылись для него двери университета в 1911 г., в период жесточайших гонений на высшую школу со стороны царского правительства в лице министра Кассо, хотя с должности штатного профессора он был снят еще за 15 лет до этого. Убедившись в невозможности руководить наукой

и честными учеными, царское правительство решилось на разгром высшей школы. По всей стране началось изгнание мало-мальски либеральной профессуры, не говоря уже о радикально мыслящих людях и совсем не говоря, конечно, о действительных революционерах, которые были и тогда, хотя и в малом числе. Все, кто не захотел пресмыкаться, ушли из школы. Вместе с почти двумястами профессоров и преподавателей московского университета покинул его стены и К. А. Тимирязев. На этот раз он покинул его навсегда.

Самое гнусное в этом преступлении царского режима заключалось в том, что К. А. Тимирязев встретил препятствие и для научной своей деятельности, которую он хотел и вполне мог тогда продолжать, что достойно широкого освещения и в данный момент, так как некоторые из тех, кто препятствовал ему, живы и сейчас. Так оказалась невозможной в стенах университета научная и преподавательская деятельность крупнейшего ученого, проработавшего в этих стенах с 1877 по 1911 год.

Последний этап жизни К. А. Тимирязева показал, что для него как для честного ученого, борющегося за последовательное научное мировоззрение, нет места в рамках того общественно-политического строя, который существовал в дореволюционной России. Решающим моментом в этом отношении была империалистическая война 1914—1918 годов.

Как должен был отнестись честный ученый к разразившейся империалистической войне? «Наука, победившая столько суеверий, одержавшая уже в XIX веке решительную победу над мистикой и поповщиной,—и бойня миллионов людей,—что может быть несовместимее?»—думал Климент Аркадьевич. Он не только не поддерживал войну, он не только не был оборонцем, что было бы лишь прикрытой формой шовинизма, но он стал в ряды противников войны.

И вот начали разворачиваться перед Климентом Аркадьевичем Тимирязевым последние страницы позорнейшей истории царского режима, и начался окончательный разрыв Климента Аркадьевича Тимирязева со всем старым общественно-политическим строем. Его опытный глаз борца не был обманут теми лживыми криками о свободе и демократии, которыми стали оглашать страну кадеты после Февральской революции. Он уже до этого разобрался в основной сути того, что происходило. Мы не располагаем многочисленными данными, так как условия царского режима не позволяли зафиксировать эти воззрения в таких документах даже частного порядка, как письма, но все-таки мы располагаем таким материалом, как статья «Наука, демократия и мир», написанная еще в условиях царского режима и появившаяся тотчас же после Февральской революции. В этой статье К. А. писал: «Нет, войны войной не уничтожить. Ни милитаризмом, ни маринизмом не уничтожают милитаризма и маринизма. Синдикат капиталистов, что бы там ни говорили, может раздавить капиталиста, но не уничтожить зло капитализма, также и с синдикатом милитаристов: ни жизнь, ни история не знают гомеопатического закона «симилия симилибус» — клин клином. Старое средство испытано несметными веками и оказалось никуда негодным—нужно искать нового».

Продолжая те же мысли, в этой статье он писал:

«А дипломаты ведут свой народ с завязанными глазами до самого края пропасти, в которую его моментально сталкивают. То же делают дипломаты другого берега. А когда ничего не ожидавшие, ничего не понимающие народы оказываются в смертельной схватке, в которой остается лишь одно—скорее перегрызть горлю, пока тебе его не перегрызят,—дипломаты любят на дело своих рук, объясняя его расовой ненавистью, историческими задачами, борьбой за культуру и другими хорошими словечками, придуманными «après

соур» («после», «задним числом»). И это тем более легко, что с войной водворяется царство лжи, вынужденной и добродетной, лжи купленной и даровой, лжи обманывающих и обманутых, — и тогда уже нет исхода. Вот почему очевидно, что на борьбу с войной можно рассчитывать не во время и даже не после нее, а только предотвратив ее возможность устранением тех, чья специальность — спускать с цепи этого демона войны».

Вот те взгляды, которые были у К. А. Тимирязева. Они во всех отношениях еще не доросли до того, что тогда защищал и за что боролся большевизм в лице Ленина, но они шли уже в этом направлении. Они были большим историческим шагом, больше того, они были, итогом длительной истории борьбы честного крупного ученого. Не удивительно, что в Февральскую революцию К. А. вступил с критическим отношением. Для нас интересно проследить, как он отнесся к тому дурману, который распространяли кадеты и их прихвостни из меньшевистского и прочего социал-предательского лагеря. В № 3 «ПЗМ» печатается частично переписка А. М. Горького с К. А. Тимирязевым, относящаяся к этому периоду. И вот в этих документах мы находим данные, которые дают нам возможность воспроизвести как К. А. Тимирязев шаг за шагом, временами оцупью, находит правильное направление и как он выступает против всех лагерей открытой и прикрытой реакции.

Когда Корниловы, Милоковы, Родзянки и компания предприняли все усилия для удушения революции, К. А. Тимирязев писал А. М. Горькому: «Снова и снова повторяю Некрасова: «Были времена и хуже, но не было подлей». Будьте здоровы, берегите себя, может быть, и эти гнусности переживем, хотя плохо верится. Кажется, мерзавцы торжествуют по всей линии и не сегодня-завтра, господа Корниловы, Милоковы-Дарданельские и Родзянки-болванские восстанавливают «стольпинское успокоение» или что еще хуже. Голова идет кругом, дело валится из рук. Если теперь мы не дошли «до конца», то не знаю, какого еще ждать другого».

В другом письме мы находим отрывок, который характеризует его отношение к лагерю и «вождям», когда-то имевшим широкое влияние среди интеллигенции, «вождям» типа Короленко и других. В этом письме мы читаем: «Задумал я статейку «Петербург» с рассуждением о «патриотизме» — на ту мысль меня наводят статьи Короленко в «Русских ведомостях», в которых так и слышится на каждом шагу: «Милые дети!» — как бывало приходилось читать у Ишимовой и других просветителей времен Николая I. Также хотелось бы сказать несколько слов о «фобиях и маниях» по поводу обвинения нас в англофобии, что относится всего более ко мне. Нужно вообще торопиться сказать, что хотелось бы, — а хочется так много, — пока нас не прихлопнули всякие Бурцевы и прочие милоковские лакеи. Кстати, напишите — ведь я не ошибаюсь, что «дорогой друг» Кропоткина — Бурцев? Помнится, где-то в газетах об этом упоминали».

Итак, покойный К. А. Тимирязев раскрывает истинные намерения Милоковых, Родзянко, Бурцевых и К°. Но ведь они были вождями буржуазной контрреволюции. Оставался лишь один лагерь, в котором К. А. Тимирязев мог найти себе то место, которого искал всю жизнь. И он нашел этот лагерь, это место бойца, рядом с которым стоят люди, ценящие его заслуги, любящие его дело так же, как и он сам, борющиеся за науку и научное мировоззрение, — именно лагерь пролетариата.

К. А. Тимирязеву не оказалось места ни в условиях царского режима, ни в условиях корниловско-родзянково-милоковской контрреволюции, и не могло для него этого места оказаться.

Поэтому не случайно, что дарвинист, более полустолетия борющийся за дарвинизм и научное мировоззрение, изгнанный из высшей школы, лишенный возможности вести научно-исследовательскую работу, пришел к конеч-

ному убеждению, что Дарвину по пути лишь с Марксом, что марксизм— это то научное мировоззрение, которое полностью воспринимает все научные выводы дарвинизма и требует дальнейшей неустанной работы и борьбы за развитие этого научного мировоззрения. Он пишет статью «Дарвин и Маркс».

Дарвин и Маркс 1859
 Дарвин и
 Маркс и Герасим
 Дарвин и Герасим
 Маркс и Герасим
 Искренне. Тимофей-Филипп
 Охрана труда - Про-
 дуция - т. аргумент
 Но Марксы и Герасим - и
 моя любимая книга т. аргумент
 Вот почему аргумент - оutil
 оutil utilis - useful.

Факсимиле плана статьи К. А. Тимирязева
 „Дарвин и Маркс“.

Не случайно, что борец за свободную высшую школу—К. А. Тимирязев—приветствовал создание первого рабочего факультета и вообще пролетарской высшей школы. Он на собственном опыте убедился, что никто так не любит науку, никто так не борется за ее расцвет, как трудящиеся, которым наука не грозит ничем, а, наоборот, несет лишь знание, освобождение от предрассудков и возможность освобождения от нищеты путем создания научно-организованного хозяйства.

Наконец, не случайно, что К. А. Тимирязев лишь в режиме пролетарской диктатуры увидел создание условий, дающих возможность ученому выполнять в полной мере его обязанности ученого и гражданина.

Переход крупнейшего ученого с мировой известностью на сторону пролетариата был большим событием в свое время, и, конечно, этот переход был достаточно оценен рабочим классом Советского союза.

В год своей смерти К. А. Тимирязев был избран вагоноремонтными мастерскими Московско-Курской железной дороги членом Московского совета рабочих, солдатских и крестьянских депутатов. Будучи болен, он не мог присутствовать на том собрании, на которое его приглашали, но он нашел в себе еще достаточно сил и революционного огня, чтобы написать обращение, напечатанное на многих языках, обращение к членам Московского совета и ко всем трудящимся. В этом обращении К. А. Тимирязев призывал всех трудящихся в условиях гражданской войны бросить все свои силы на то, чтобы добиться окончательной победы. Он говорил, что несмотря на

болезнь он готов отдать весь остаток своих сил на народное образование, сельское хозяйство и т. д. Более того, он писал: «У меня действует только одна рука и только одна нога, но если бы потребовалось, я бы мог все-таки одной рукой вращать один привод и одной ногой толкать топчак, чтобы производить ту работу, которая потребовалась бы для защиты Советского союза и пристыдить ленивых, поднять дух в уставших».

Горячие слова, с которыми обратился К. А. Тимирязев ко всем трудящимся, нашли соответствующий отклик и оценку.

Для нас совершенно понятно, что в последние минуты своей жизни К. А. Тимирязев сказал представителю коммунистической партии, профессору и врачу тов. Вайсброду: «Я всегда старался служить человечеству и рад, что в эти серьезные для меня минуты вижу вас, представителя той партии, которая действительно служит человечеству. Большевики, проводящие ленинизм—я верю и убежден,—работают для счастья народа и приведут его к счастью. Я всегда был ваш и с вами... Передайте Владимиру Ильичу мое восхищение его гениальным разрешением мировых вопросов в теории и на деле. Я считаю за счастье быть его современником и свидетелем его славной деятельности. Я преклоняюсь перед ним и хочу, чтобы об этом все знали. Передайте всем товарищам мой искренний привет и пожелания дальнейшей успешной работы для счастья человечества».

Таков был жизненный путь К. А. Тимирязева—от неопределенных лозунгов демократии и свободы до сознательного перехода на сторону пролетарской диктатуры.

Угроза войны—сейчас не факт далекого будущего, а реальная угроза сегодняшнего дня. Вопрос о войне встал перед всеми во всей своей неотвратимой силе. Тысячи ученых всех стран поставлены вплотную перед тем, как им относиться к готовящейся каждый день разразиться империалистической войне. Много честных ученых уже сейчас заявляют себя противниками войны. Многие из них уже на собственном опыте убеждаются, что для них нет места в буржуазном обществе, как его не оказалось и для К. А. Тимирязева. Но многие из них еще находятся в плену у неопределенных представлений о мире, свободе и демократии, о свободном развитии науки и т. д.

Пусть же наше собрание, посвященное итогам жизни К. А. Тимирязева, будет одним из напоминаний, что нет иного пути к демократии и свободе, как путь через завоевание власти пролетариатом, что нет иного строя, который обеспечивал бы неограниченное развитие науки, как советский строй. Пусть же образ К. А. Тимирязева будет примером для всех честных ученых капиталистических стран. Пусть они не побоятся пойти по пути К. А. Тимирязева против войны, против империалистических правительств, за поддержку отечества всех трудящихся—СССР, за установление под руководством Коминтерна и его вождя товарища Сталина власти трудящихся во всем мире. Тогда будут обеспечены и истинная демократия, и подлинная свобода, и расцвет науки.

Образ К. А. Тимирязева свидетельствует о том, что все лучшее, все действительно преданное науке и тому мировоззрению, которое было построено Марксом, Энгельсом, Лениным и Сталиным, пойдет с красным знаменем в руках, плечом к плечу с рабочим классом за окончательное уничтожение эксплуатации человека человеком, за установление власти труда и действительно, подлинного мира.

Приветственное письмо Московскому совету рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов от избранного в Московский совет

Профессора КЛЕМЕНТИЯ АРКАДЬЕВИЧА ТИМИРЯЗЕВА, члена-корреспондента Академии наук, почетного члена Оксфордского университета, профессора I московского университета и т. д.

ТОВАРИЩИ!

Избранный товарищами, работающими в вагонных мастерских Московско-Курской железной дороги, я прежде всего спешу выразить свою глубокую признательность и в то же время высказать сожаление, что мои годы и болезнь не позволяют мне присутствовать на сегодняшнем заседании.

А вслед за тем передо мной встает вопрос: а чем же я могу оправдать оказанное мне лестное доверие, что могу я принести на служение нашему общему делу?

После изумительных, самоотверженных успехов наших товарищей в рядах Красной армии, спасших стоявшую на краю гибели нашу Советскую республику и вынудивших тем удивление и уважение наших врагов, — очередь за Красной армией труда. Все мы — стар и млад, труженики мышц и труженики мысли — должны сомкнуться в эту общую армию труда, чтобы добиться дальнейших плодов этих побед. Война с внешним врагом, война с саботажем внутренним, самая свобода — все это только средства; цель — процветание и счастье народа, а они создаются только производительным трудом. Работать, работать, работать! Вот призывный клич, который должен раздаваться с утра и до вечера и с края до края многострадальной страны, имеющей законное право гордиться тем, что она уже совершила, но еще не получившей заслуженной награды за все свои жертвы, за все свои подвиги. Нет в эту минуту труда мелкого, неважного, а и подавно нет труда постыдного. Есть один труд необходимый и осмысленный. Но труд старика может иметь и особый смысл. Вольный, необязательный, не входящий в общенародную смету, — этот труд старика может подогревать энтузиазм молодого, может пристыдить ленивого. У меня всего одна рука здоровая, но и она могла бы вертеть рукоятку привода, у меня всего одна нога здоровая, но и это не помешало бы мне ходить на топчাকে.

Есть страны, считающие себя свободными, где такой труд вменяется в позорное наказание преступникам, но, повторяю, в нашей свободной стране в переживаемый момент не может быть труда постыдного, позорного.

Моя голова стара, но она не отказывается от работы. Может быть, моя долготелная научная опытность могла бы найти применение в школьных делах или в области земледелия. Наконец, еще одно соображение: когда-то мое убежденное слово находило отклик в ряде поколений учащихся; быть может, и теперь оно при случае поддержит колеблющихся, заставит призадуматься убегающих от общего дела.

Итак, товарищи, все за общую работу, не покладая рук, и да процветет наша Советская республика, созданная самоотверженным подвигом рабочих и крестьян и только что у нас на глазах спасенная нашей славной Красной армией!

*Клементий Аркадьевич Тимирязев,
член Московского Совета Рабочих, Крестьянских
и Красноармейских Депутатов.*

6 марта 1920 г.

Страницы из биографии К. А. Тимирязева

А. Тимирязев

Все приводимые в настоящем отрывке биографии К. А. Тимирязева документы относятся к интереснейшему периоду в истории русских университетов. Поднималась революционная волна, разразившаяся грозой в 1905 г. Студенчество конца девяностых и начала девятисотых годов выделяло из своих рядов все большее и большее количество борцов за дело революции. Студенческие волнения, или, как их тогда называли, студенческие «истории», приобретали все более и более политическую окраску. Передовая часть студенческой массы все яснее начинала сознавать, что те притеснения, тот дикий произвол, с которым студенчество сталкивалось в своей учебной жизни в стенах университетов, нельзя преодолеть, не покончив с самодержавием. Царское правительство, напуганное растущим оппозиционным движением в широких слоях общества, обрушилось на студенчество с карательной мерой — отдачей в солдаты студентов, участвовавших в студенческих «беспорядках». Эта мера носила название «временных правил». Изданы они были в 1899 г., а через полтора года 183 студента киевского университета были действительно отданы в солдаты. В результате этого во всех высших учебных заведениях России начались студенческие волнения. Политическое значение этих волнений было блестяще очерчено Лениным в статье «Отдача в солдаты 183 студентов» («Искра» № 2, февраль 1901 г.) в следующих словах:

«Рабочий класс постоянно терпит неизмеримо большие угнетения и надругательства от того полицейского самовластия, с которым так резко столкнулись теперь студенты. Рабочий класс поднял уже борьбу за свое освобождение. И он должен помнить, что эта великая борьба возлагает на него великие обязанности, что он не может освободить себя, не освободив всего народа от деспотизма, что он обязан прежде всего и больше всего откликаться на всякий политический протест и оказывать ему поддержку. Лучшие представители наших образованных классов доказали и запечатлели кровью тысяч замученных правительством революционеров свою способность и готовность отрясать от своих ног прах буржуазного общества и идти в ряды социалистов. И тот рабочий недостоин названия социалиста, который может равнодушно смотреть на то, как правительство посылает войско против учащейся молодежи. Студент шел на помощь рабочему — рабочий должен придти на помощь студенту. Правительство хочет одурачить народ, заявляя, что стремление к политическому протесту есть простое бесчинство. Рабочие должны публично заявить и раз'яснить самым широким массам, что это — ложь, что настоящий очаг насилия, бесчинства и разнузданности — русское самодержавное правительство, самовластие полиции и чиновников».

Именно к этому периоду начавшегося широкого революционно-демократического движения среди студенчества против царского самодержавия относится подача заявления об отставке К. А. Тимирязева (в 1901 г.) в связи с выговором министра народного просвещения.

Вся история с отставкой К. А. Тимирязева связана с его предложением в совете московского университета ходатайствовать перед министром об

отмене «временных правил». Большинство совета побоялось присоединиться к этому ходатайству и решило обратиться к студентам с воззванием, предлагавшим студентам прекратить «беспорядки». К. А. отказался подписать воззвание. Впрочем, вопрос будет ясен из нижеследующих документов.

Документы были собраны самим К. А. Тимирязевым и уложены в конверт с надписью «Дело о...?»

Названия делу так и не нашлось. Впоследствии в разговорах К. А. Тимирязев не раз говорил об этих документах, как о деле «о вопросительном знаке»!

Документы, относящиеся к «Делу о...?»

* * *

Заявление проф. К. А. Тимирязева об отставке в связи с выговором, сделанным министром народного просвещения П. С. Ванновским по поводу студенческих волнений, имевших место в феврале 1901 года.

Дело начинается с запроса товарища министра (Н. А. Зверева) по поводу студенческой «прокламации», появившейся в Харькове, в которой излагались события в московском университете, происходившие в феврале 1901 года. Запрос был передан ректору А. А. Тихомирову¹⁾. В «деле» имеется следующее письмо от 2/V 1901 г. (стар. стиля).

«Глубокоуважаемый Климент Аркадьевич! Мне нужно Вас обеспокоить одним спешным делом. Не будете ли так добры назначить, когда бы я Вас мог застать сегодня дома. Если же это для Вас удобнее, то не откажите зайти ко мне в правление между 1 и 2 часами дня. Всегда готовый к услугам Вашим и искренно преданный А. Тихомиров».

Текст запроса, быть может, и сохранился где-нибудь в университетском архиве, но при «деле» его нет. Содержание его, однако, ясно вытекает из следующего ответа К. А. Тимирязева.

«Господину ректору императорского московского университета.

На сообщенный мне запрос господина товарища министра по поводу «бюллетеня», помеченного «Харьков, март 14 дня 1901 г. Издание III», могу раз'яснить следующее. В общем фактическое содержание этого документа верно, неверны только некоторые приписываемые мне выражения, которых серьезный человек, говоря о серьезном деле, не мог себе позволить. В заседании 24 февраля я отклонил участие в воззвании к студентам, редакция которого была изготовлена правлением, и вообще отказался принять участие в каком бы то ни было воззвании на основании соображений, развитых мною в отдельном мнении, приложенном к протоколу этого заседания и представляющем то, что было мною высказано 24 февраля не по содержанию только, но и по форме.

После появления воззвания профессоров меня действительно посетили (надому) много студентов различных факультетов и курсов. Хотя то, что я говорил у себя дома, как частный человек с частными лицами, не подлежит никакому контролю, но я могу засвидетельствовать, что сущность моих разговоров передана верно, добавлю только, что, убеждая студентов отозваться сочувственно на призыв комиссии (Комиссия по обследованию причин студенческих волнений и по выработке мер к их предотвращению), я добавлял, что, не принадлежа сам к ее составу, я лично не заинтересован в успехах ее деятельности и поэтому студенты еще более могут положиться на искренность моего совета. О студентах, приходивших со мной совето-

¹⁾ Ректор Александр Андреевич Тихомиров — зоолог-антидарвинист — выступал не раз с речами и лекциями против дарвинизма как против вреднейшей теории, подрывающей религию! За эти свои «заслуги» вскоре после событий, изложенных в настоящих документах, получил назначение на пост попечителя Московского учебного округа.

ваться, я сам упоминал на совете 28 февраля. Верно также, что я сначала не предполагал идти в совет, но о своих намерениях не говорил ни одному студенту, чего, впрочем, не утверждают и составители «бюллетеня».

Происшедшее в заседании 28 передано также в общих чертах верно, содержание же моих слов я в письменной форме передал г-ну секретарю совета, и оно было им буквально внесено в протокол.

Ординарный профессор К. А. Тимирязев. 4 мая 1901 г.».

К этому ответу на запрос товарища министра были приложены две выписки из протокола заседания совета от 24 и 28 февраля, которые мы и приводим полностью.

1. *Отдельное мнение ординарного профессора К. Тимирязева, высказанное в заседании совета 24 февраля 1901 г.*

«По поводу предложения г-на ректора выставить изготовленное правлением воззвание к студентам от имени совета, считаю долгом высказать следующее мнение. На основании ныне действующего устава профессора ни в совокупности, ни через избранных ими лиц не уполномочены разбирать или обсуждать какие-либо дела, касающиеся поведения студентов, и я не вижу законного основания для такого запоздалого суждения о последствиях прискорбных нарушений порядка, к своевременному предотвращению или ограничению которых они не призваны законом.

Не признаю я за собой и нравственного права обращаться с запоздалыми увещаниями к студентам, так как такое право профессор, как профессор, может черпать лишь в уверенности студентов, что он с своей стороны хочет и может сделать все доступное для пользы и защиты студентов, не будучи к тому вызван лишь угрозой шумных, беспорядочных заявлений. Но такая деятельность профессору окончательно преграждена и законом и установившейся практикой. Когда несколько лет назад 40 профессоров выступили с ходатайством о введении некоторых изменений в складе студенческой жизни (замечу мимоходом, принятых в высших учебных заведениях других ведомств), они получили за это строжайший выговор своего начальства. Не имея возможности во время спокойного течения университетской жизни ходатайствовать о мерах, могущих предотвратить или ограничить нарушение этого спокойствия, профессора лишены всякого нравственного авторитета, когда является повод влиять успокоительным образом на умы самой благоразумной части студентов в моменты всеобщего возбуждения.

Так и в настоящий момент, когда главной причиной возбуждения умов не только какой-нибудь исключительно беспокойной, но и наиболее благоразумной части учащейся молодежи являются «временные правила». В качестве временных они, конечно, не были предназначены войти в обиход нормальной университетской жизни.

За несколько месяцев до их введения и около полутора года по их введению порядок не был нарушен ни в одном университете. Если бы профессорам и советам университетов, как ближе стоящим к делу и знакомым с настроением наиболее благоразумной части учащихся, была дана возможность воспользоваться этим затишьем для ходатайства перед своим ближайшим начальством о своевременности отмены этих временных правил, то острая и прискорбная форма, которую приняли настоящие беспорядки, была бы предотвращена. Могу напомнить присутствующим более молодым членам совета один пример, показывающий пользу подобного своевременного заявления профессоров по поводу такого же прискорбного случая. В 1887 году я и несколько профессоров (Столетов, Чупров, Стороженко и др.) явились ночью, в третьем часу, к генерал-губернатору (покойному князю Долгорукову), убедительно прося его не выдвигать на сле-

дующий день против студентов казаков, расправа которых накануне довела студентов до такого возбужденного состояния, что носились слухи, будто некоторые из них собирались явиться с револьверами. Просьба профессоров была уважена, и на следующий день они могли с успехом увещевать студентов, чем, быть может, предотвращено было пролитие крови.

Так и всякое увещевание со стороны профессоров может рассчитывать на успех лишь при уверенности студентов, что профессора являются их естественными защитниками. Выступать же в таком качестве профессора в настоящее время не имеют ни права, ни возможности (вспомним результат ходатайства 40), а следовательно, не имеют и нравственного права выступать в качестве не признанных законом судей совершившегося или запоздалых и также не уполномоченных законом советчиков.

На основании сказанного не нахожу возможным принять участие в каком-либо воззвании к студентам».

2. *Мнение К. А. Тимирязева, высказанное в заседании 28 февраля 1901 года.*

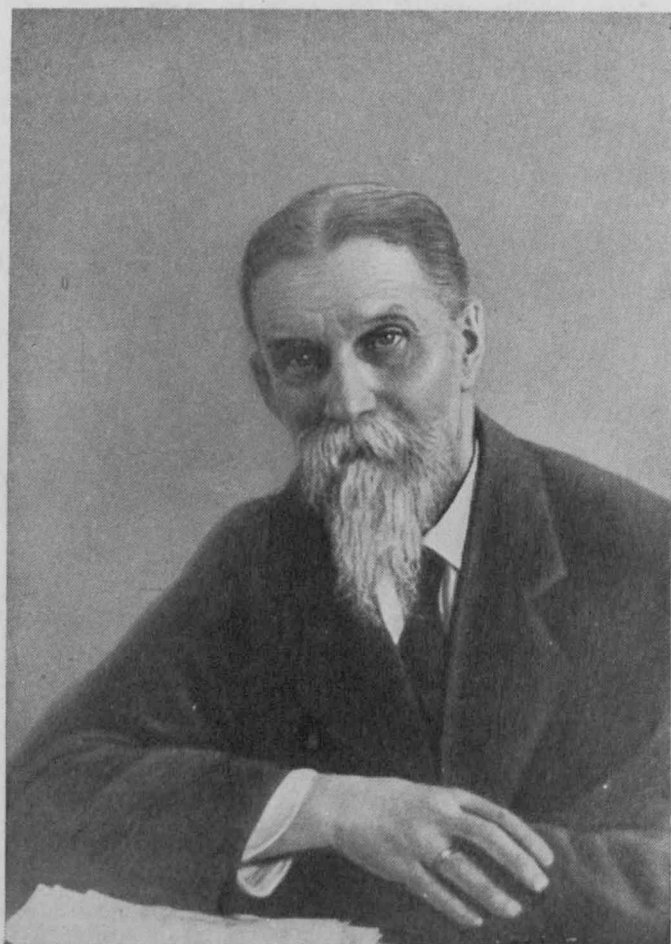
«Профессор Тимирязев, соглашаясь с пользой комиссии для исследования причин последних явлений университетской жизни и средств для водворения более нормального ее течения, просил разрешения г-на председателя высказать несколько слов по двум вопросам, обсуждение которых ему представляется более существенным в переживаемую тревожную минуту. Когда присутствуешь при пожаре, рано думать о перестройке здания в целях предотвращения пожаров в будущем,—первая забота не дать пожару распространиться и затушить его. Нет надобности говорить о крайне возбужденном состоянии умов студентов, делающем наиболее восприимчивых из них способными к самым необдуманным жертвам ради своих товарищей. При таком настроении ничего не может быть опаснее скуживания этих горючих материалов, ввиду чего всегда и везде применялась мера благоразумия — жалости к молодым людям, находящимся в таком состоянии, — временное (хотя бы на один или несколько дней) прекращение занятий. Это первый пункт ходатайства.

Второй и более существенный пункт касается вопроса, затронутого проф. Тимирязевым уже в заседании 24 февраля. Он глубоко убежден, что только одно ходатайство, хотя бы о временной приостановке действия временных правил, может успокоить благоразумную часть студенчества, которая готова на всякие жертвы, руководствуясь одним желанием — разделить ответственность за совершившееся со своими товарищами. Исполняя это заявление, как это подсказывает ему его совесть, профессор Тимирязев не просит даже о голосовании его предложения, а принимает его всецело на свою ответственность, настаивая на своем праве, чтобы оно было занесено в протокол и доведено до сведения министерства.

На замечание г-на председателя, что в самый разгар возбуждения умов такое ходатайство не может рассчитывать на успех, проф. Тимирязев возразил, что при спокойном течении университетской жизни он не имел бы ни случая, ни возможности высказать свое заявление, а когда предписание о применении временных правил будет получено, эта возможность исчезнет окончательно, и потому именно переживаемый момент он считает единственно удобным для доведения его заявления до сведения начальства».

После представления этих выписок из протоколов и приведенного ответа на запрос о «харьковской прокламации» дело затихло. К. А. Тимирязев был командирован из совета московского университета на юбилей Глазговского университета и пробыл за границей до 3 сентября.

22 августа на квартире (следовательно, еще до приезда из заграницы) было получено следующее извещение: «Попечитель Московского учебного

К. А. ТИМИРЯЗЕВ
(1843 — 1920)

округа, свидетельствуя свое почтение Клементию Аркадьевичу, честь имеет покорнейше просить его превосходительство пожаловать к нему в один из приемных дней, от 1 до 3 часов дня. Москва. Августа 22 дня 1901 года. № 16566».

На этом извещении рукой К. А. Тимирязева написано следующее: «Явился 5 сентября. На основании высочайшего указа и правительственного сообщения 25 мая 1899 г. и циркулярного предложения М. Н. П. от 21 июня 1899 г. за № 17287 министр поручил попечителю поставить мне на вид, что я: «уклоняюсь от влияния на студентов в интересах их успокоения». Выговор поручено сделать словесным без выдачи мне копии и с приглашением его не оглашать».

Со слов отца, передававшего подробности этой сцены, я очень хорошо помню следующие детали.

Попечитель П. А. Некрасов¹⁾ долго не решался сообщить этот выговор и нарочно старался придумать какие-либо темы для разговора, чтобы оттянуть время. После объявления выговора, на просьбу показать бумагу, в которой был написан текст выговора, попечитель ответил резким отказом. После долгих усилий удалось добиться, чтобы выговор был прочтен вновь и чтобы его можно было записать. При деле имеется листок, на котором рукой К. А. Тимирязева синим карандашом записано: «Уклоняюсь от влияния в интересах успокоения» — и ссылки на циркуляры М. Н. П. и «Правительственный вестник». Когда выговор был записан, К. А. Тимирязев заявил, что в ответ на этот выговор он подает в отставку. Это вызвало большое замешательство у попечителя. Он указывал, что дело вообще пустое, что не стоит обращать внимания, что об отставке нечего и думать. На этом разговор был прерван К. А. Тимирязевым.

11 сентября декану физико-математического факультета Н. В. Бугаеву было направлено следующее заявление:

«В физико-математический факультет.

Статья 105 высочайше утвержденного устава императорских российских университетов предоставляет профессору по истечении тридцати лет учебной службы читать лекции и принимать участие в заседаниях факультета и совета, «буде» он «пожелает».

В настоящее время обстоятельства, от меня не зависящие, и раз'яснить которые факультету я не имею возможности, нравственно вынуждают меня отказаться от пользования законом предоставленным мне правом и воздержаться как от чтения лекций, так и от участия в трудах факультета и совета. Считаю долгом раз'яснить, что принятое мной решение для меня самого является неожиданностью—иначе я счел бы себя обязанным своевременно о том известить факультет.

Обращаюсь затем к факультету со следующей просьбой: разрешить мне временно пользоваться коллекцией приборов (преимущественно моего изобретения и составляющих в некотором смысле мою духовную собственность) и одной н е б о л ь ш о й к о м н а т о й, которая могла бы служить одновременно и для занятий тех оставленных при университете лиц, к о т о

¹⁾ Попечитель учебного округа Павел Алексеевич Некрасов — математик, специалист по теории вероятности. С точки зрения теории вероятности доказывал необходимость самодержавия. После 1905 г. с тем же успехом доказывал необходимость «мерной свободы печати и собраний», а также Государственной думы. После Октябрьской революции доказывал, что хотя он раньше и был черносотенцем, но все-таки по существу и в те времена был марксистом! Причем, когда он высказывал все эти соображения, он имел вид, что сам верит в то, что говорит. Другой чертой его характера было то, что он мог говорить собеседнику весьма неприятные и оскорбительные вещи и в то же время быть уверенным, что неприятности говорят ему. При этом он принимал вид оскорбленного и впадал в истерику,

ры е пожела ли бы пользоваться в своих работах моим советом¹). Убедительно прошу факультет, в случае если эта моя просьба не может быть уважена, меня о том немедленно известить, чтобы я мог, не теряя времени, представить прошение об увольнении меня из университета и так устроить свою жизнь, чтобы без продолжительного перерыва спокойно продолжать свою научную деятельность.

Ординарный профессор К. Тимирязев».

Через 3 дня, 13 сентября, должно было состояться заседание совета для обсуждения практических мер, клонившихся к осуществлению предписания министра П. С. Ванновского о «сердечном попечении». Как известно, министерство Ванновского должно было вести политику «сердечного попечения» о студенчестве!

Вечером 13-го к нам на квартиру зашел проф. В. В. Марковников²) с тем, чтобы вместе идти в совет. В беседе с Марковниковым К. А. Тимирязев заявил, что он в совет не пойдет, и ввиду настойчивых просьб Марковникова должен был рассказать все дело и показать копию заявления в факультет, которое, конечно, на факультетском заседании оглашено не было. Не дослушав объяснений, В. В. Марковников почти выбежал из комнаты и направился в совет. Через час, отдуваясь и тяжело дыша, он с торжествующим видом вошел в кабинет отца, как я сейчас помню, со словами: «Ну, я все устроил.. Сейчас к вам придет совет в полном составе просить вас взять обратно вашу отставку». Впоследствии от очевидцев я слышал, что на совете, среди торжественной обстановки, после объяснения попечителем учебного округа о том, как надо понимать возведенное министром «сердечное попечение о студентах», проф. Марковников попросил слова для внеочередного заявления, которое он начал словами: «Зачем нам говорить о сердечном попечении, когда лучших наших товарищей доводят до того, что они подают в отставку. Разве вы не знаете, что проф. Тимирязев подал в отставку?». После этого при сильном смятении он изложил, как знал, все дело.

После очень долгих переговоров с членами совета, переполнившими нашу квартиру, отец мой решительно ответил, что не может изменить своего решения.

На другой день утром приехал попечитель П. А. Некрасов, пробывший около 2 часов. Во время беседы он впал в истерику, и ему пришлось давать валериановых капель. В тот же день он прислал в виде письма содержание того, что говорил утром. Вот это письмо:

«Глубокоуважаемый Клементий Аркадьевич!

Позвольте мне письменно формулировать то, что сегодня я высказывал Вам лично.

1. Неосторожно оглашенные переговоры (это слово К. А. Тимирязевым подчеркнуто, и поставлен знак вопросительный) мои с Вами по поручению министра народного просвещения о том тезисе (опять подчеркнуто и знак вопроса), который Вам поставлен, имели неокончательный характер.

2. Неточность и опасная для университетского дела острота той формы, в которой переговоры огласились, состоит в том, что эти переговоры оглашены как состоявшийся «выговор» Вам министра, между тем как при первом

¹) Само собой разумеется, что на содержание этой части лаборатории я не испрашивал бы никаких средств и сам оплачивал бы труд прислуги.

²) Профессор Владимир Васильевич Марковников — известный химик, имевший многих учеников. Строитель и организатор химической лаборатории в московском университете. Человек по существу весьма консервативных взглядов, но искренно возмущавшийся произволом, царившим в университете. Это возмущение не раз переходило в крайне резкие формы протеста. Вследствие этого был на дурном счету у попечителя и ректора. К концу жизни был почти отстранен от преподавания. Дружески относился к К. А. Тимирязеву, хотя часто не соглашался с казавшимися ему «слишком левыми» взглядами.

же нашем разговоре я указывал Вам на желательность дальнейших раз'яснений, если Вы считаете дело стоящим внимания, советуя Вам либо лично быть у министра либо воспользоваться моим посредством. При этом я тогда же с ударением обращал Ваше внимание и на то, что дело это, если Вам угодно, можно и совсем бросить, так как министр не считает его заслуживающим большого внимания (карандашом поставлены К. Т. три знака «!»).

3. Концом продолжения этих раз'яснений, как я убежден, было бы полное устранение возникших недоразумений, так как министру, без сомнения, известны Ваш благородный характер и Ваши заслуги (о чем мне приходилось беседовать с министром) и так как министр народного просвещения не может не ценить высоко в Вас честного, искреннего, преданного делу профессора, слова которого не расходятся с поступками. Даже при разномыслии с Вами в каком-либо пункте министр не может, думаю, не выразить Вам полного доверия.

Указанное выше (в пункте 2), Вам своевременно сообщенное замечание, что дело это не заслуживает большого внимания, казалось бы, отнимало у него всю остроту. А потому мне, глубокоуважаемый Клементий Аркадьевич, не вполне понятны и Ваши личные, слишком интенсивные волнения по этому делу. Извиняюсь, что не сумел предупредить их более решительными успокоениями Вашего понятного самолюбия. В заключение не могу еще раз не выразить сочувствия Вашему предположению закончить обострившийся инцидент раз'яснениями или иным путем. Ожидаю Вашего ответа. Прошу Вас принять уверения в совершенном уважении и преданности. П. Некрасов. 14 сентября 1901 года».

19 сентября К. Тимирязев отправил П. А. Некрасову следующий ответ «Многоуважаемый Павел Алексеевич!

Приношу Вам еще раз благодарность за письменное изложение Вашей точки зрения на обстоятельство, вынудившее меня подать в факультет мое заявление от 11 сентября. Исполняю свое обещание также письменно изложить уже известные Вам побуждения, которыми я руководился. Прошу извинения, что так замедлил с ответом. Прежде всего считаю необходимым установить факты.

Возвратясь 3 сентября из заграничной командировки, я нашел у себя приглашение явиться к Вам в один из приемных дней. Явившись в ближайший приемный день, 5 сентября, я узнал следующее. Ссылаясь на лежавшие перед Вами документы, с содержанием которых, несмотря на мою просьбу, Вы не сочли возможным позволить мне ознакомиться, Вы объявили мне распоряжение господина министра, которое по моей просьбе повторили, чтобы я его мог записать себе на память. Вот содержание этого распоряжения. «Вследствие пред'явленного мне господином ректором в истекшем мае запроса господина товарища министра действительного статского советника Зверева по делу о прокламации харьковских студентов, мною была тогда же представлена объяснительная записка с ссылкой на протоколы заседаний совета 24 и 28 истекшего февраля». Ознакомившись с содержанием дела и моими раз'яснениями, господин министр поручил Вам «поставить мне на вид», что «я уклоняюсь от влияния на студентов в интересах их успокоения». Считаю долгом засвидетельствовать, что возложенное на Вас поручение Вы исполнили со всею возможной вежливостью и что высказываемое Вами в письме опасение, не затронули ли Вы моего самолюбия чем-либо исходящим лично от Вас, лишено основания. Тогда же, а равно и в продолжительной беседе 14 сентября, когда Вам угодно было меня посетить, я подробно изложил Вам мою точку зрения на случившееся. Позволяю себе, возможно кратко, повторить то, что было мною сказано.

1. Форму, в которой я получил выговор,—я знаю, что вы отрицаете

уместность этого слова, но ведь это только общепринятое короткое выражение, вполне соответствующее перифразе «поставления на вид», — форму словесного выговора через третье лицо, со ссылкой на документ, не предъявляемый обвиняемому, я не могу не считать оскорбительной.

2. Я мог бы отнестись равнодушно к форме, но самое содержание выговора глубоко оскорбительно. Человеку после почти полудесятилетней педагогической деятельности (в совокупности двух высших учебных заведений), сопровождавшейся, по крайней мере, внешними признаками общего уважения, ставят на вид, что он не понимает своих основных нравственных обязанностей.

3. Я мог бы примириться и с незаслуженным оскорблением ради того, чтобы не вносить личного усложнения и в без того тревожную жизнь учреждения, служению которому посвятил лучшие годы своей жизни. Но в «поставленном мне на вид» я вижу нечто более простого оскорбления. Я вижу в нем категорическое заявление, что начальство, которому я подчинен, имеет какие-то права на мою совесть.

Действующий устав 1884 года, лишив профессора всех прав, которыми он пользовался ранее, не посягает на самое священное из прав человека, кажется, никогда, нигде нарушавшееся, — на право молчать. Мне ставится на вид, что я этого права лишен, что я обязан влиять, т. е. говорить во всеуслышание и, очевидно, говорить то, что мне может быть указано, так как то влияние, о котором я упоминаю в своем объяснении, признается уклонением.

Таким образом, мне, как профессору, создается такое невозможное положение. Закон, т. е. устав 1884 года, лишает меня всякого фактического влияния на участь студентов, а от меня требуют, чтобы в самые тяжелые моменты университетской жизни я нес ответственность за последствия чужих действий и прикрывал их в глазах студентов своим нравственным влиянием. Закон обеспечивает за мной право быть немым свидетелем событий, к которым я непричастен, а от меня требуют, чтобы я выступил вперед и высказывал по необходимости одностороннее суждение о происходящем, и называют это нравственным влиянием. Я говорю: нравственным — потому, что для меня очевидно, что, обращаясь к профессору, в его содействии видят исключительно средство нравственного убеждения, а не простое средство устрашения. Но нравственным влиянием может пользоваться только человек, руководящийся в своих словах одними внушениями своей совести. Влияние по указанию тем самым утрачивает свой нравственный характер. И достаточно, чтобы в молодых умах заронила тень сомнения, что говорящий не свободен в своих словах, а руководится посторонними указаниями, чтобы это нравственное влияние было подорвано навсегда.

Отрицая самую возможность нравственного влияния на студентов при условии, что форма и направление этого влияния могут быть мне указаны, считаю невозможным признать верность «поставленного мне на вид», а следовательно, и сообразовать с ним дальнейшую свою деятельность. Молчать при таких условиях — значит соглашаться, т. е. вводить в обман; обманывать же, хотя бы молчанием, я нахожу унижительным.

Не в моей власти изменить то положение, в которое я поставлен полученным выговором, но закон (ст. 105 Устава И. Р. У.) дает мне право самому устраниться от возможности повторения случившегося. Он предоставляет мне право по желанию отказаться от исполнения тех сторон моей педагогической деятельности (чтение лекций, участие в деятельности факультета и совета), исполнять которые, после всего сказанного, не могу без насилия над своей совестью. Хотя и с глубоким сожалением я останавливаюсь в своем обращении к факультету от 11 сентября на этом исходе, как на

вынужденном у меня и как на единственном возможном при создавшемся положении.

Позволю себе в заключение несколько слов по поводу того, что Вы называете «острой формой огласки» случившегося.

Конечно, те, кто не знают меня лично, могут подумать, что инцидент в моем отсутствии в заседании совета 13 сентября произошел по моему подговору. Но Вы в своем письме признаете, что я человек самолюбивый, а самолюбивый человек не прячется за спины своих товарищей, не кричит: «Меня обидели, пожалейте меня!» Вам, без сомнения, известны случаи из моей университетской жизни, когда я не боялся оставаться не только в ничтожном меньшинстве, но и в полном одиночестве.

Предоставляя Вам право пред'являть это письмо, кому Вам будет угодно, прошу Вас принять уверение в истинном почтении, с которым имею честь быть готовый к Вашим услугам. К. Тимирязев».

Ответ Некрасова.

«Многоуважаемый Клементий Аркадьевич!

Письмо Ваше получил и продолжаю думать, что Вы напрасно хотите покинуть Ваши труды по кафедре. Но теперь мои убеждения становятся уже излишними. О переписке нашей сообщу на благоусмотрение министра, прося его дальнейших указаний.

Примите уверения в совершенном уважении и преданности.

П. Некрасов». 28 сентября 1901 года.

Письмо Некрасова от 4/X 1901 года за № 19649.

Попечитель Московского учебного округа. 4 октября 1901 года, № 19649. Москва.

«Милостивый государь Клементий Аркадьевич!

Письмо Ваше от 19 сентября сего года мною сообщено было в копии г-ну министру народного просвещения с просьбой о дальнейших указаниях по сему делу. В настоящее время генерал-ад'ютант П. С. Ванновский препровождаемым при сем в копии письмом от 2 сего октября за № 424 просит меня убедить Вас попрежнему продолжать Ваши занятия в университете, т. е. взять назад Ваше заявление, поданное факультету 11 сентября сего года. Позволю себе надеяться, что Вы проникнетесь прямою и искренностью письма министра и не причините своим уходом потери дорогому Вам университету. Ожидаю Вашего ответа. Примите уверение в совершенном почтении и преданности. П. Некрасов».

Копия с секретного письма г-на министра народного просвещения Московского учебного округа от 2 октября 1902 года за № 424.

«На письмо Вашего превосходительства от 29 минувшего сентября за № 1219 спешу сообщить Вам, что оно меня очень опечалило; мне очень прискорбно, что профессор Тимирязев принял постановление на вид за выговор; поставить на вид — это не что иное, как способ обратить внимание на известное деяние, признаваемое неправильным; этим я несколько не имел в виду нанести обиду. Меня тем более огорчает это, что приняв я должность не ради выгод, а в ущерб отдыху и здоровью лишь по чувству долга, это же чувство долга вынудило меня обратить внимание на отдельное мнение профессора Тимирязева, и если бы я сего не сделал, то был бы виновен в противозаконном бездействии власти.

Конечно, всякий имеет свое мнение и не может толковать Университетский устав 1884 г. согласно своим взглядам, но покойный предшественник мой¹⁾, зная, конечно, на опыте, что существуют на устав 1884 года различные взгляды, разъяснил в циркуляре от 21 июля 1899 г. за № 17287, что устав этот дает полную возможность профессорам быть в общении со студентами и оказывать на них полезное воздействие; этот взгляд Николая Павловича я

¹⁾ Н. П. Боголепов, убитый студентом Карповичем (приписка А. Т.).

разделяю и иду даже дальше, т. е. я убежден, что спасение нашей молодежи в университетах главнейше зависит от благотворного воздействия профессоров. Разъяснение, данное министром, обязательно для всех ему подведомственных лиц. Я всегда готов сознаться в своих ошибках, но, к сожалению, я в настоящем случае не вижу признаков ошибки.

К сему я должен присовокупить, что я буду очень сожалеть, если профессор Тимирязев осуществит свое желание покинуть московский университет; я не сомневаюсь, что он учеными занятиями и трудами с лихвой вознаграждает то материальное положение, которое ему дает профессура, но я буду считать уход его большой для университета потерей, и посему я буду очень доволен и Вам благодарен, если Вашему превосходительству удастся, не выходя из рамок мною в сем письме изложенного, убедить профессора Тимирязева попрежнему сохранить свою должность в университете.

Прошу принять уверение в совершенном почтении и преданности (подпись) Петр Ванновский.

Верно, за правителя канцелярии (подпись).

Сверял столоничальник Евг. Иванов».

После получения этого письма К. А. посетила делегация профессоров и просила взять назад свое заявление об уходе. После трехчасовых переговоров (дело происходило на квартире К. А., точную дату установить не удалось) К. А. согласился взять обратно свое заявление и направил следующее письмо П. А. Некрасову.

«Милостивый государь Павел Алексеевич!

На письмо Ваше от 4 октября с приложением к нему копии письма к Вам господина министра считаю долгом ответить следующее. Никто искреннее меня не ценит самоотверженной деятельности генерал-адъютанта П. С. Ванновского, принявшего на себя тяжелую задачу обеспечить русским университетам лучшую будущность. Я вполне разделяю и всегда разделял мысль, высказанную господином министром, что «б у д у щ н о с т ь нашей университетской молодежи в значительной мере зависит от благотворного воздействия профессоров» — прибавлю от себя, — руководящихся в своих словах внушениями свободной совести и опирающихся в своих действиях на твердую почву ясного закона. Я глубоко признателен господину министру за то, что он нашел возможным выразить желание, чтобы я не покидал своей преподавательской деятельности. Ввиду этого желания и опираясь на нравственную поддержку своих товарищей, единодушно выразивших мне свое доверие, несмотря на то что первым поводом к происшедшему было мое разногласие с большинством из них, я считаю себя нравственно обязанным вернуться к своей учебной деятельности, так неожиданно для меня прерванной.

В заключение прошу Вас принять уверение, что как в своей готовности покинуть эту деятельность, так и в готовности к ней вернуться я исключительно руководствовался вполне бескорыстным желанием принести посильную пользу дорогому для меня учреждению неизменно в течение своей деятельности, исходя из убеждения, что истинным слугой университета может быть только тот, кто ревниво охраняет достоинство звания его профессора. Ординарный профессор К. Тимирязев».

Ответ Некрасова П.

«Многоуважаемый Клементий Аркадьевич! Благодарю Вас за хороший ответ, о котором сообщу министру. Искренно преданный Вам П. Некрасов. 6/X 1901 года».

Через несколько дней Некрасов при встрече сообщил К. А. Тимирязеву, что министр в ответ на письмо просил передать: «Решение профессора Тимирязева вернуться к своей работе в университете и поведение совета профессоров, просившего профессора вернуться в университет, произвели на меня самое отрадное впечатление».

18 октября должна была состояться первая лекция, но она превратилась в приветственную демонстрацию студенческих масс. Краткое сообщение об этой демонстрации были помещены в газетах «Русские ведомости» и «Русское слово» (см. приложения).

Приложение 1.

Инцидент, происшедший через год после «Дела о...?»¹⁾

Отдельное мнение ординарного профессора К. Тимирязева по поводу предложения, сделанного им в заседании совета 11 февраля 1902 года.

В такие тяжелые минуты, какие переживает наш университет во всех странах, во все времена, а равно и в московском университете до самого недавнего времени признавалось мерой благоразумия и гуманности—временное прекращение лекций. Мера эта прежде всего подсказывается указаниями нравственной гигиены: как во время физических эпидемий, так и в минуты нравственного возбуждения опасно всякое скупивание заразных элементов.

Во-вторых, требовать, чтобы через день после того, как в стенах университета едва не дошло до пролития крови, когда сотни товарищей находятся еще в заключении, ожидая неизвестной участи, требовать, чтобы при таких условиях молодой человек хладнокровно обнаруживал интерес к ботанике или астрономии, — значит требовать противного человеческой природе, природе молодого человека и русского молодого человека в особенности. Русский человек даже в осужденном видит прежде всего «несчастного». Нужно понимать психологию студента. Именно тот, кто еще вчера, может быть, резко расходился во мнениях со своим более увлекающимся товарищем, конечно, не захочет сегодня торжествовать над уже поплавающимся и выразить ему каким-нибудь внешним действием свое равнодушие или порицание.

Говорят, к продолжению лекций должно побуждать уважение к науке, профессорскому званию, к университету. Позволю себе повторить, что в странах, где наука уважается не менее чем в нашей, да и в московском университете, когда в нем было не меньше уважающих науку и уважаемых в науке представителей, принудительное чтение лекций перед взволнованной, потрясенной аудиторией не считалось признаком уважения к университету. Любовь и уважение к науке похвальны, но они не устраняют любви и сострадания к человеку. Бессердечное отношение к товарищу не составляет необходимого качества серьезного учащегося. Говорят, что арестовано 10—20% студентов, но нравственные чувства не поддаются статистике цифр, и беда, постигая каждого 10-го, каждого 5-го товарища, не может оставить остальных вполне безучастными.

О поддержке достоинства науки чтением лекций в почти пустых аудиториях, особенно ввиду выслушанных заявлений нескольких профессоров о качественном составе аудитории, конечно, не может быть и речи²⁾. После всего сказанного не могу я также согласиться с мнением, что профессора должны читать из уважения к этой аудитории, оказывая ей тем нравственную поддержку. Я лично в эти тревожные минуты более уважаю тех слушателей, которые отсутствуют на моих лекциях, чем тех, которые на них присутствуют, и потому полагаю, что именно во избежание естественных конфликтов между чуткой, молодой совестью и внушениями бла-

¹⁾ Этот документ, равно как и следующие за ним два письма К. А. Тимирязева, был вложен в пакет с надписью «Дело о...?»

²⁾ Уже после заседания до моего сведения дошло, что лекции читались одному слушателю, заведомо душевнобольному.

горазумия, вероятно, и было принято во всех странах и во все времена прибегать к мере, о принятии которой я и предлагаю совету ходатайствовать. 3/III 1902. Письмо ректора А. А. Тихомирова.

Глубокоуважаемый Климент Аркадьевич.

Записка, приложенная Вами в виде отдельного мнения, повергла меня в совершенное недоумение. Если ее внести в протокол, то в каком же положении окажутся товарищи, которые были у Вас по поручению совета и которые принесли ответ в том смысле, что известный инцидент с Вашего соглашения должен считаться не подлежащим занесению в протокол. Мне кажется, другого выхода быть не может, как оставаться на этой точке зрения. Если же так, то и отдельного мнения в данном случае быть не может. Прошу верить моему искреннему уважению и преданности.

А. Тихомиров.

Письмо К. А.

Многоуважаемый Александр Андреевич.

По поводу Вашего письма спешу разъяснить следующее: я полагаю, нравственное обязательство, которое я принял на себя по отношению к товарищам, так любезно посетившим меня по поручению совета после заседания 11 февраля, не имеет никакого отношения к моему отдельному мнению. Я обещал им не настаивать на внесении в протокол ничего, касающегося неуместной выходки нескольких профессоров¹⁾, побудившей меня покинуть заседание совета, но никогда не отрекался от своего мнения, а теперь, ввиду дошедших до меня совершенно превратных толков о происшедшем, еще более желаю, чтобы мои слова явились в их действительной форме. Я никогда не боялся, чтобы за пределами совета было известно то, что в нем происходит, но я имею право желать, чтобы не было известно то, чего в действительности не происходило.

Если бы мои слова вошли в состав протокола, то они вынудили бы требование возражавших мне о занесении и их протестов; но в форме отдельного мнения они касаются меня одного и никого ни к чему не обязывают. По моему мнению, в протоколе должна быть всего одна строчка: Проф. Т. сделал предложение о временном прекращении лекций; предложение это не было принято значительным большинством и не было голосовано, а я подписываю протокол с обычной оговоркой «при отдельном мнении», которое и прилагается. Я нарочно передал его заблаговременно г. секретарю, чтобы оно не было для Вас неожиданностью, хотя на отдельные мнения, насколько мне известно, не может быть никакого ограничения, так как за содержание их отвечает только подписавший и никто другой.

С искренним почтением готовый к Вашим услугам К. Тимирязев.

Приложение 2.

Октябрь 1901 г. «Русское слово» 19-го или 20-го.

Редко бывают такие трогательные встречи, какая была устроена 18 октября в университете проф. К. А. Тимирязеву, который должен был в первый раз в этом году читать лекцию! В громадной аудитории собралось так много студентов, что они не только сидели по несколько человек на одном месте, не только заняты были все проходы, но даже для того, чтобы аплодировать, нужно было поднимать руки над головой. От медиков 3-го

¹⁾ Восклицание: «Вот таких молодчиков, которые идут против коллегии, надо бы спускать с лестницы». После этих слов К. А. покинул заседание совета, а через несколько минут от совета пришла делегация, о которой упоминается в письме.

и 5-го курсов, от естественников 1-го и 3-го курсов были прочтены адреса, приветствовавшие начало лекций многоуважаемого Клементия Аркадьевича, искренно выражавшие ему свою любовь и уважение, высказывавшие радость по поводу того, что упорно ходившие слухи о выходе в отставку любимого профессора не оправдались. После чтения адресов заброшенный цветами К. А., перецеловав читавших студентов, со слезами на глазах, очень взволнованным голосом сказал приблизительно следующее: «Господа, я пришел сюда читать лекцию по физиологии растений, но вижу, что нужно сказать нечто более обширное. Я всегда был уверен в сочувствии ко мне с вашей стороны, но того, что теперь происходит, я никогда не ожидал... считаю своим долгом исповедаться перед вами; я исповедую три добродетели: веру, надежду и любовь; я люблю науку как средство достижения истины, верю в прогресс и надеюсь на вас». Слова эти покрыты были аплодисментами. «Естественное волнение, испытываемое мной,—продолжал К. А.—мешает мне сейчас начать лекцию». Громкими аплодисментами проводила многочисленная молодежь своего любимого профессора.

Приложение 3.

27 февраля 1901 г.

Студенческая «прокламация».

Ответ профессорам, подписавшимся под воззванием к студентам (см. «Русские ведомости» от 26 февраля, № 56).

В здании московского университета вывешено объявление за подписью 71 профессора, которое своим толкованием студенческих беспорядков имеет целью обмануть не только общество, но само студенчество.

Студенческие беспорядки настоящие, как и доселе бывшие, вызываются не посторонними элементами, на которые так обрушивается профессорское негодование: причина их всякий раз лежит глубоко в недрах университетской жизни. Вы говорите, что слово «забастовка» уничтожает самое название университета. Но что значит название рядом с действительным уничтожением самого учреждения, тем уничтожением и задушением, которому систематически предаются наше правительство и его министры, даже назначенные из профессорской среды? Временные правила не могли быть целью наших беспорядков, а наоборот: применение их вызывает настоящие смуты и то настроение, когда всякая тюрьма и казнь покажутся лучше действительности. Вы говорите, что нас только стараются запугать нагайками, но для нас нагайки—не новость: они почти так же стары, как и здание нашего университета. Не видали нагаек и не слыхали о них разве только новички 1-го курса, тем более стыдно профессорам, прошедшим много лет в стенах университета, отрицать это, столь обычное в нашей жизни средство воздействия на студентов: Вас пугает наш способ «требования отмены временных правил», но где же та форма, которая будет нам дозволена и которая покажется вам достаточно безопасной. Мы не имеем возможности собраться даже в стенах университета, чтобы спокойно обсудить свои дела, а среди вас, подписавшихся под этим объявлением, найдется ли один, способный выставить свое имя под петицией самой умеренной, самой верноподданнической?

Нет, люди, не признающие мрачных сторон студенческой жизни, люди, предлагающие смириться перед солдатчиной и нагайками, не могут называться нашими «друзьями», «товарищами» и «учителями». Эти имена мы разделили с теми группами общества, которые так или иначе выражают нам сочувствие в борьбе за наше человеческое достоинство и свободу, без которых не может жить и наука.

Группа студентов московского университета.

Переписка К. А. Тимирязева и А. М. Горького*)

Письма А. М. Горького К. А. Тимирязеву

Глубокоуважаемый Клементий Аркадьевич!

К Вам обращается человек, очень многим обязанный в своем духовном развитии Вашим мыслям, Вашим трудам. Вероятно, Вы слышали мое имя, я—М. Горький—литератор. Я прошу Вашей помощи делу, которое мне удалось организовать, и я позволяю себе надеяться, что Вы не откажете доброму делу. Суть его такова: с января 16 года в Петербурге будет издаваться журнал науки, литературы и политики—«Летопись». Цель журнала, может быть, несколько утопическая—попытаться внести в хаос эмоций отрезвляющие начала интеллектуализма. Кровавые события наших дней возбудили и возбуждают слишком много темных чувств, и мне кажется, что уже пора попытаться внести в эту мрачную бурю умеряющее начало разумного и критического отношения к действительности. Люди живут страхом, от страха ненавидят друг друга, растет одичание, все ниже падает уважение к человеку, внимание идеям западноевропейской культуры, на Руси все чаще раздаются возгласы, призывающие людей на Восток, в Азию, от деяния—к созерцанию, от изучения—к фантазии, от науки—к религии и мистике. Лицам, которые становятся во главе журнала, хотелось бы восстановить в памяти запуганных событиями людей планетарное значение основ западноевропейской культуры и особенно—главной основы ее—науки. Полагаю, что Вам, европейцу по духу, вполне ясны эти намерения и значение их.

Не желая утруждать Вас дальнейшим изложением целей журнала, перехожу к моей покорной просьбе.

Не сообразовали ли Вы дать для нашего издания статью на тему о планетарном, общечеловеческом значении экспериментальной науки?

Для нас наука естествознания—тот рычаг Архимеда, который единственно способен повернуть весь мир лицом к солнцу разума.

Если Вам, уважаемый Клементий Аркадьевич, не улыбается эта тема, Вы, может быть, возьмете другую, более приятную и близкую?

За все, что Вы сообразовали сделать для журнала, я и товарищи мои будем глубоко благодарны Вам.

Далее, не найдете ли Вы возможным рекомендовать журналу научного обозревателя, человека Вашей линии мысли, Вашего ученика? Не укажете ли Вы нам темы, развитие которых Вы считаете своевременным и необходимым?

---

*) В переписку вошли письма, любезно предоставленные Алексеем Максимовичем Горьким и Аркадием Клементьевичем Тимирязевым. К сожалению, в этой переписке не хватает части писем А. М. Горького, относящихся к апрелю—июню 1917 г., а также писем К. А. Тимирязева за 1915—1916 гг.—Ред.

За все и всякие Ваши указания заранее сердечно благодарю Вас. Позвольте надеяться на Вашу помощь и ценным трудом Вашим и не менее ценными советами.

Вам, исключительно прекрасному популяризатору научных истин, вероятно, хорошо знакома популярно-научная литература Запада, по вопросам естествознания — может быть, Вы укажете книги, которые следовало бы перевести на русский язык?

Нам хотелось бы иметь книгу на тему «Научные истины в будничной жизни».

Извиняюсь за это длинное письмо. Почтительно кланяюсь Вам, Клементий Аркадьевич!

А. Пешков.

Алексей Максимович Пешков. Петербург, Кронверкский проспект, д. 23, кв. 9.

Уважаемый Клементий Аркадьевич!

Всей душой благодарю Вас за Ваше чудесное письмо и за подарок Ваш. Хороший день сделали Вы мне! Не премину воспользоваться разрешением посетить Вас, буду горд и счастлив пожать Вашу руку, привезу Вам мои новые книги. Я так благодарен Вам за письмо, слишком лестное для меня, — я знаю это. Теперь позвольте просить Вас о следующем: не дадите ли Вы для «Летописи» статью, назначенную Вами «Словарию»? Именно такая статья общего характера была бы как нельзя более уместна в первой книге нашего журнала: она сразу и точно определит его взгляд на значение науки в мире, на ее роль в России. Я не стану изяснять Вам, как огромно для журнала значение этой Вашей статьи, Вы сами почувствуете это.

А тот факт, что статья появится в журнале, не повредит «Словарию», но, вероятно, послужит к пользе его как реклама. И, может быть, Вы найдете допустимым несколько изменить тон статьи в сторону большей ее популярности, применительно к уровню читателей журнала, рассчитывающего на внимание широких масс? Сделайте это, Клементий Аркадьевич, прошу Вас!

Далее: не соблаговолите ли Вы взять на себя роль редактора научного отдела в журнале нашем? Разумеется, мы будем всячески оберегать Ваше время и Вашу энергию от излишних трат. Вашему вниманию будет предлагаться лишь то, что заслуживает Вашего внимания. Вам придется прочитать в течение года не более 12 листов, я думаю. Если вы согласитесь на это, — журнал в его научной части будет образцовым, а все мы — с праздником! Наконец, не найдете ли Вы возможным рекомендовать журналу лицо, способное вести в нем ежемесячную научную хронику? Само собой разумеется, что желателен человек Вашей линии мысли, Ваш ученик. Вот мои просьбы. Я очень извиняюсь в том, что обременяю Вас. Но я уверен, что Вы — человек науки и труда — не посетуете на меня за назойливость, вызываемую желанием потрудиться для людей, для торжества разума. Усердно прошу помощи Вашей! Жду скорого ответа и еще раз спасибо Вам, Клементий Аркадьевич!

А. Пешков.

Глубокоуважаемый Клементий Аркадьевич!

Я убедительно прошу Вас дать статью для январской книги, если только это возможно для Вас. Крайний срок для сдачи рукописи в печать — 5 декабря; этот месяц имеет шесть праздничных дней, и по-

тому типографии будут работать еще меньше чем обычно. С глубочайшей благодарностью принимаю Ваше великодушное предложение организовать для «Летописи» сотрудников из числа ученых, работающих в «Истории нашего времени», спасибо Вам! И уж просто не знаю, как благодарить Вас за Ваше обещание лично последить за тем, чтоб «ни одно крупное явление в науке не было упущено в журнале». Ваше отношение к журналу ставит его превосходно, и у меня еще более благодаря Вам крепнет убеждение, что при Вашей помощи журнал сделает доброе дело для русской читающей массы. Нам кажется, что умственная реакция доживает последние дни и что настал снова момент, когда необходимо обратить внимание общества от подчинения догматам религии и метафизики в сторону естествознания, эмпирических наук. Как 60-е годы с их увлечением естествознанием явились на смену идеализму и мистике, так думается нам: завтрашний день должен восстановить серьезный и глубокий интерес к опыту науки — к деятельности, единственно способному вывести мысль из тупика, в котором она бес- сильно бьется ныне.

Дорогой учитель, вы представить себе не можете, какую радость вызывает у нас Ваше отношение к журналу и как оно поднимает меня. Спасибо Вам! Не стану отнимать у Вас времени на чтение моих излияний.

12.II.15.

Почтительно кланяюсь. А. Пешков.

Журнал «Летопись». Большая Монетная, 18.

30.I.16.

Уважаемый Клементий Аркадьевич!

Извините, что беспокою Вас, позвольте напомнить Вам Ваше обещание дать для «Летописи» рецензии, а также будьте любезны известить, даст ли на мартовскую книгу свою статью г. Вульф.

Я очень завертелся в Москве и не мог быть у Вас, как обещал, а видеть Вас мне было необходимо. Я буду в Москве 10—15 февраля, а до той поры, Клементий Аркадьевич,— если это Вас не затруднит,— может быть, Вы припомните и запишете несколько популярных сочинений по естественным наукам: физике, химии и т. д.? Разумеется, книги, которые Вы считали бы необходимым видеть в переводах на русский язык и которые знакомили бы нашу публику с современным состоянием научных дисциплин. Подробности по этому вопросу я изложу Вам лично.

Желаю доброго здоровья и почтительно кланяюсь Вашей супруге.

А. Пешков.

Глубокоуважаемый Клементий Аркадьевич!

Редакция с удовольствием будет давать рисунки к научным статьям. Не будете ли Вы любезны попросить профессора Вульфа, чтоб он дал рукопись возможно скорее?

Затем: не разрешите ли Вы указать на обложке журнала «Научный отдел редактируется К. А. Тимирязевым»? Нам было бы приятно и полезно указать это читателям. Профессор И. П. Павлов сказал нам, что он пишет с великим трудом и хотя не отказывается, при случае, дать статью, но и не обещает положительно дать оную. И. И. Мечников написал, что «с удовольствием» пришлет что-нибудь, как только оправится. Мне сообщили, что состояние его здоровья значительно лучше, хотя сердце слабо. Если возможно, дорогой Клементий Аркадьевич, то хорошо бы давать в течение года не 6 научных статей, а 10. Вы пишете: «Ужас одолевает» — вот и я то-

же живу в жутком настроении ожидания какой-то катастрофы. Хаос эмоций принимает все более бурный характер, а разум как будто убежал из жизни.

И — бесконечное количество скверных анекдотов, которые уже никого не удивляют, не смешат. Жалко молодежь: ей приходится труднее чем нам, она такая безоружная, слабовольная. Трудно, всем трудно. Я буду в Москве после 5 марта и на этот раз позволю себе придти к Вам вечером, как Вы предлагали. Позвольте сказать, что свиданиями с Вами я очень дорожу. Почтительно кланяюсь.

20.II.16. Кронверкский, 23.

А. Пешков.

Глубокоуважаемый Клементий Аркадьевич!

Очень извиняюсь перед Вами — да, Вы просили прислать именно 100 оттисков статьи, но, к сожалению, мы не могли сделать этого и не по нашей вине, а потому, что не хватило бумаги.

В декабре на фабрике Печаткина был пожар, и это — косвенно — отразилось на делах наших. Нам нужно бы печатать 12 т. книг журнала, но мы не могли сделать этого.

Будьте уверены, что в следующий раз ничего подобного не случится, даже и при наличии пожаров, небрежности типографии и прочих явлений, видимо неизбежных в эти запутанные дни.

Еще раз извиняюсь и желаю всего доброго.

22.II.16.

А. Пешков.

Кронверкский, 23.

Дорогой Клементий Аркадьевич!

Статья проф. Вульфа запоздала для мартовской книги и пойдет в апреле; мартовская же книжка уже вся набрана, сверстана и печатается.

Надеюсь, г. Вульф не будет иметь каких-либо претензий по этому поводу?

Я загроможден разными делами и все не могу вырваться в Москву.

Позвольте сердечно благодарить Вас, уважаемый учитель, за Ваше доброе отношение к журналу; в нем есть лишнее, ему не хватает многого, но мы сознаем недостатки его и, конечно, употребим все усилия для того, чтобы в будущем устранить недостатки.

И Вы, конечно, почувствуете сами, как ценна для нас Ваша моральная поддержка в начале дела.

Желаю всего доброго, кланяюсь.

5.III.16.

А. Пешков.

Многоуважаемый Клементий Аркадьевич!

С. И. Метальников, считая себя задетым Вашей статьей, прислал нам изложение своих взглядов по вопросу о природе рефлекса. Изложение написано вполне спокойным тоном и представляет почти дословное повторение его работы «Рефлекс как творческий акт».

Редакция просила у проф. Метальникова разрешения послать статью Вам как редактору научного отдела. Он не согласился на это. Тогда ему предложили поместить статью как письмо в редакцию. Он возражает: «Я сотрудник и, как таковой, имею право на помещение статьи». Как сотрудник, он должен бы подчиниться редактору своего отдела, но...

Посоветуйте, дорогой Клементий Аркадьевич, как поступить. Можно ли печатать статью, не посылая ее Вам, и можно ли быть уверенным, что

Вы возразите на нее? Если печатать можно, — соблаговолите ответить телеграммой «Печатайте», тогда мы сдадим статью типографам и напечатаем и с примечанием, что Ваше возражение последует. Поскольку я разбираюсь в данном вопросе, он кажется мне глубоко важным. Не говоря о том, что «внутренний фактор» рефлекса метафизичен. Мне думается, что «неповторяемость явлений» нуждается в каких-то очень существенных оговорках и пояснениях. Законы науки строятся на повторяемости явлений.

Дорогой Клементий Аркадьевич, меня очень волнует все это, и я прошу Вас, будьте любезны, отвечайте скорее!

На днях я немножко заболел; было воспаление легкого, теперь прошло уже. Мартовская книга «Летописи» сегодня выслана Вам.

Почтительно кланяюсь.

23.III.16.

А. Пешков.

Дорогой и уважаемый Клементий Аркадьевич!

Сердечно благодарю Вас за Ваше письмо: оно завершило инцидент и успокаивает редакцию.

Дело в том, что еще вчера, 28 марта, С. П. Метальников, позвонив в редакцию, спросил: идет ли его статья? Мой товарищ по редакции А. Н. Тихонов ответил ему, что вследствие принципиального расхождения во взгляде на вопрос «Летопись» не может поместить статью, после чего Метальников взял рукопись. Меня несколько смутила торопливость Тихонова. Следовало подождать Вашего решения. Теперь мы его имеем, и, значит, все в порядке. Я очень рад, очень благодарю Вас. Прочитал я статейку Метальникова «О причинах старости», что тоже не понравилось мне. Сейчас буду читать «Об иммунитете при туберкулезных заболеваниях». Корректурa проф. Вульфy будет своевременно послана. Не беспокойтесь.

Меня просил передать вам почтительный привет доктор Ив. Манухин, лечивший меня от туберкулеза. Это очень милый человек и очень интересный. Сейчас он живет в Москве (гостиница «Боярский двор» на Старой площади). Ему хотелось бы посетить Вас, но он боится стеснить.

Будьте здоровы, дорогой учитель, желаю всего доброго.

30.III.16.

А. Пешков.

Уважаемый Клементий Аркадьевич!

На обороте сего копия письма, которое я сегодня послал Ю. В. Вульфy. Эта копия ознакомит Вас с невольной виной моей перед проф. Вульфom и перед Вами.

Но прошу Вас верить, что вина моя поистине невольна! Вы представить не можете, что делается здесь в типографиях. Какой анархизм и грабительство процветают: в отчаяние можно придти!

Я убедительно прошу Вас извинить меня и извиниться за меня перед Ю. В., пожалуйста, сделайте это! Мне тяжело быть некорректным по отношению к Вам и к нему.

Затем я прошу Вас, нельзя ли дать в июньской книге статью о физике, или Вашу по ботанике?

Это было бы очень хорошо!

Еще раз извиняюсь и желаю Вам доброго здоровья.

Искренно уважающий Вас

А. Пешков.

Благодарю Вас очень, что позволили Манухину Вас посетить!

А. П.

4.IV.16.

Копия

Уважаемый Юрий Викторович!

К. А. Тимирязев предложил мне непременно послать Вам корректуру статьи, любезно присланной Вами для «Летописи». Разумеется, я обещал сделать это, и мною было отдано соответствующее распоряжение, но вследствие неожиданного перехода «Летописи» в другую типографию мое распоряжение не успели исполнить. Апрельская же книга, в которой идет Ваша статья, уже печатается, и теперь послать Вам корректуру бесполезно.

Мне крайне неловко перед Вами, уважаемый профессор. Принося мои искренние извинения, убедительно прошу Вас верить, что все это произошло не по вине редакции и отнюдь не вследствие небрежного отношения к Вашей почтенной работе, а исключительно по вине того хаоса, который ныне царит во всех предприятиях и учреждениях. Нужным считаю осведомить Вас, что корректуру статьи Вашей правил человек, знакомый с вопросом, один из учеников проф. Федорова.

Еще раз примите мои извинения, почтенный Юрий Викторович.
Желаю всего доброго.

А. Пешков.

Дорогой Клементий Аркадьевич!

Спасибо сердечное за Ваше письмо. Убедительно прошу Вас дать стейку о М. М. Ковалевском и, если Вас не затруднит, возможно скорее. Очень прошу!

А также очень прошу Вас позволить издать сборник Ваших статей книгоиздательству. «Парус», — это маленькое дело, которое хочет быть большим и чистым. На днях Вы получите первую книгу, изданную «Парусом», — «Сборник армянской литературы», затем выйдут сборники литературы: латышской, финской, грузинской, татарской и т. д. В книгоиздательстве работаю я с моими друзьями: Тихоновым, Ладыжниковым и т. п. Дайте нам Вашу книгу.

Статьи пойдут в сентябре и августе, если Вам угодно.

Пишу лежа в постели: у меня воспаление вен на ноге — глупая и надоедливая штука. Очень извиняюсь за неразборчивый почерк.

Желаю всего доброго и будьте здоровы.

А. Пешков.

Дорогой Клементий Аркадьевич!

Только вчера возвратился из Крыма, где жил в Форосе, у Федора Шалыпина, помогая ему в работе над его автобиографией.

За семь недель очень отдохнул от Петербурга, накопил здоровья и успел затосковать о работе, о журнале. Наглотался весьма печальных впечатлений, очень бы хотел рассказать Вам о многом; если Вы будете в сентябре в Москве, — увижу Вас, а то приеду в Клин.

Убедительно прошу Вас написать о Мечникове! Очень прошу! Именно Вы и только Вы можете с долженствующей простотой и силой рассказать русской публике о том, как много потеряла она в лице этого человека, о ценности его оптимизма, о глубоком понимании ценности жизни и борьбе его за жизнь. Пожалуйста, сделайте это, Клементий Аркадьевич! Извините, что надоедаю Вам, но так хочется, чтоб Ваше слово как можно чаще раздавалось в современном хаосе понятий!

Если позволите сказать, Ваша статья о М. Ковалевском великолепна! И вообще я не знаю, как выразить Вам чувство моей радости и благодарности за Ваше отношение к журналу. За это время мне пришлось выслушать немало похвал «Летописи» за то, что она не поддается всеобщему

опьянению кровью, и так хорошо знать, что наши тревоги за культуру находят отклик у читателя, понятны ему.

А тревоги все растут и сгущаются. Вы, конечно, чувствуете это.

Позвольте же еще раз сказать Вам сердечное спасибо за Вашу работу, столь ценную и воистину человеческую.

Я плохо выражаю мои чувства к Вам, но думаю, Вы поймете их.

Будьте здоровы и всего доброго.

Кронверкский, 23.

2. VIII. 16.

А. Пешков.

Дорогой Клементий Аркадьевич!

В письме Вашем Вы не сообщили, будете ли писать о И. И. Мечникове.

Убедительно прошу Вас, напишите!

В августовской книге мы поместим воспоминания о Мечникове доктора Манухина, того, который был у Вас, а в сентябре хорошо бы пустить Вашу статью.

Как жестоко высек нас Бьюкэнен!

Читал я его отповедь и чувствовал себя чернокожим зулусом. Боюсь, что европейцы скоро начнут трепать нам уши. Мы вполне способны заслужить с их стороны такое отеческое отношение.

Не желал бы я быть одним из тех отчаявшихся и отчаянных людей, которые прячутся за спиной г. Булацеля!

Всего доброго, Клементий Аркадьевич!

Поклон Вашей супруге.

13. VIII. 16.

А. Пешков.

Многоуважаемый Клементий Аркадьевич!

Очень прошу Вас, сообщите, будет ли Ваша статья о И. И. Мечникове и когда можно ждать ее. Нам хотелось бы напечатать статью в сентябрьской книге, но мы были бы благодарны Вам, если бы она поспела хотя и к октябрю.

Затем я почтительно прошу Вас, скажите, сможем ли мы объявить, что в числе статей, имеющих появиться в «Летописи», будут статьи:

Ваша «Солнце, жизнь и хлорофил», Вашего сына «Старое и новое в физике» и затем статьи Самойлова, Мензбира?

Как обстоит дело с изданием собрания Ваших статей, и не позволите ли Вы издать эту книгу нам?

Будьте здоровы и всего доброго.

А. Пешков.

Не могу вырваться из Питера, и, видимо, раньше октября не буду в Москве.

Многоуважаемый Клементий Аркадьевич!

Боюсь, что одно мое письмо затерялось по пути к Вам, и решаюсь написать еще раз по поводу статьи об И. И. Мечникове. Можно ли ожидать, что Вы дадите эту статью к сентябрьской книге? Очень прошу Вас, ответьте и, если можно, телеграммой.

Послал вместе с этим и в Москву письмо Вам.

Если Вас не затруднит, будьте добры сообщить: когда можно ждать статью Вашего сына «Старое и новое в физике» и Вашу «Солнце, жизнь и хлорофил»? А также дадут ли статьи Самойлова, Мензбир и Шимкевич?

Простите, что надоедаю Вам! Но так хочется сделать журнал хорошим, а без Вашей помощи не сделаешь!

Вы, конечно, знаете, что это не лесть, а мое главное затруднение! ✓
Желаю всего доброго

1. IX. 16.

А. Пешков.

Дорогой Клементий Аркадьевич!

Получил хорошую статью Арк. Кл. и сдал ее в набор на октябрь—сердечно благодарю Вас!

А вслед за статьей приехал сам автор ее—не могу не прибавить: такой простой, ясный человек, с превосходными идеями, сразу вызвавший у меня все лучшие чувства к нему.

Извините меня за то, что я говорю так несдержанно, но, Клементий Аркадьевич, Вы не можете не понять, какая это радость—познакомиться с хорошим человеком в наше проклятое время, когда так часто чувствуешь себя окруженным дикарями и разбойниками, одиноким и бессильным. Я говорил с А. К. о трех книгах, которые следует издать: это перевод книги Лоуэля, затем книга «Ученые о науке», план которой уже составлен А. К., и, наконец, «Научные идеи в будничной жизни»—книга, темой которой должно служить освещение всего, что дает и дала наука в ее применении к жизни, т. е., так сказать, диффузия научных идей и работ в среду обывденного. А. К. обещал дать на эту тему статью для «Летописи», а затем сделать книгу. Я усердно прошу Вас, дорогой К. А., поддержать А. К. в этих превосходных намерениях: их социальная ценность чрезвычайно высока, я уверен в этом!

Не стану говорить, как обрадован Вашим желанием встать ближе к «Летописи». Я приеду в Москву в первых числах октября и немедленно явлюсь к Вам, чтобы выработать широкий план действий по Вашим указаниям. Сейчас я—один здесь: мой ближайший товарищ и помощник в работе по журналу уехал на Урал—вот почему я не в состоянии приехать к Вам немедленно, как это следовало бы.

Прошу Вас, не забудьте статью о Мечникове—русская пресса отнеслась к потере его азиатски равнодушно! Просто—стыд! Итак, до свиданья! Сердечно желаю Вам всего доброго и прошу передать мой поклон Аркадию Клементьевичу, а также супруге Вашей.

10. IX. 16.

А. Пешков.

Дорогой и уважаемый Клементий Аркадьевич!

Очень извиняюсь, что так долго не писал Вам и по обыкновению обращаюсь к Вам с горячей просьбой.

Организованное мною издательство «Парус» предполагает издать ряд биографий замечательных людей для ребят среднего возраста. Мы просим Фритиофа Нансена составить биографию Колумба; Ромена Роллана—Бетховена, Сократа, Адольфа Шатобриана, Жанны Д'Арк; Уэльса—Эдиссона и т. д. Нансен, Роллан, Уэльс уже дали согласие: к августу пришлют рукописи. Я прошу Вас, не возьмете ли Вы на себя труд составить биографию Дарвина. Это было бы превосходно! И я очень прошу Вас взяться за этот труд!

Дело с газетой «Луч» временно замерло. Не по моей вине. В последний момент, в день подписания условий с типографией, нам поставили условия совершенно неприемлемые. Но я упрям—и газета будет.

Желаю доброго здоровья и жду ответа о Дарвине.

23. II. 17.

А. Пешков.

Письма К. А. Тимирязева А. М. Горькому

Москва, 25 января 1917 г.
Шереметьевский, 2.

Дорогой Алексей Максимович!

Горячо благодарю Вас за приглашение написать статью на облюбованную мною тему. Тотчас засел за нее, но боюсь, не успею к сроку, т. е. первому номеру. Я всегда был тихоходом (а теперь об одной ноге и подавно!). Если согласны поместить и не в первом номере, то известите. Статьи по научным новостям готов писать и подобрал бы сотрудников, но не срочно, без обозначения «хроника», «летопись», гарантирующего известную полноту, а хоть — из области науки или как-нибудь так. Условия — построчная плата, какую будете платить и за другие подобные статьи плюс 200 руб. на выписку популярных иностранных журналов, в которых я сам не нуждаюсь и которые поступят в собственность газеты. От В. Е. я брал 100 руб., но теперь с валютой и проч. этого не хватит.

Желаю Вам успехов в новом начинании, которому очень сочувствую. Жалею только, что с увеличением дела уменьшаются шансы видеть Вас в Москве. Сын просит напомнить: изготовила ли типография 50 экз. его статьи, которые он просил изготовить на его счет?

Не найдется ли в Ваших редакциях что-нибудь о Лиге демократического контроля в Англии? Очень было бы кстати для моей статьи.

Искренно преданный К. Тимирязев.

Жена и сын просят передать их привет.

Дорогой Алексей Максимович!

Будьте добры, черкните словечко: поместите ли Вы в ближайшей «Летописи» мою статью и высылать ли Вам оригинал моей книги «Наука и жизнь»? Хотелось бы включить в нее и эту статью, а в предисловии коснуться современного момента.

Искренно преданный

К. Тимирязев.

Дорогой Алексей Максимович!

Посылаю Вам свою статью. Если найдете ее старчески наивной, как-нибудь верните: пригодится как автобиографический материал. А если хотите напечатать, непременно пришлите корректуру, так как, кажется, стилистически негладка.

Следующая статья будет о Мечникове, потом об Американских Самоучках (Гэль и Бурбанк), если получу выписанный материал.

Оригинал книжки («Наука и жизнь») вышлю дня через два.

Искренно преданный

К. Тимирязев.

Дорогой Алексей Максимович!

Простите, что снова надоедаю Вам своими мелочами. Я забыл Вам напомнить, что в случае напечатания моей статьи, необходимо прислать ее мне в корректуру¹⁾ — я не задержу. Адрес: Демьяново, пока я не извещу о переезде.

¹⁾ Кстати, напишите, ведь я не ошибаюсь, что «дорогой друг» Кропоткина — Бурцев? Помните, где-то в газетах об этом упоминали.

Задумал я статейку «Петербург», с рассуждением о «патриотизме», на ту мысль меня наводят статьи Короленко в Р. В., в которых так и слышится на каждом шагу: «Милые дети!» — как, бывало, приходилось читать у Ишимовой и других просветителей юношества времени Николая I. Также хотелось бы сказать несколько слов о «Фобиях и маниях» по поводу обвинения нас в англофобии, что относится всего более ко мне¹⁾.

Нужно вообще торопиться сказать, что хотелось бы — а хочется так много, — пока нас не прихлопнули всякие Бурцевы и прочие милюковские лакеи.

Сердечно преданный К. Тимирязев.

Дорогой Алексей Максимович!

Большое спасибо Вам за Ваше письмо и за Ваши слова обо мне в Вашей речи, которую я накануне прочел — своего экземпляра я все еще не получил, — сообщите это при случае в конторе.

Статью я пометил июнем, так как действительно окончил ее тогда: затянулась переписка. Но думаю, что с теперешней передрыгой в Петербурге все будет прихлопнуто и, конечно, честная печать прежде всего.

Снова и снова повторяю Некрасова: «Были времена и хуже, не было подлее».

Будьте здоровы, берегите себя, — может быть, и эти гнусности переживем, хотя плохо верится. Кажется, мерзавцы торжествуют по всей линии: и не сегодня-завтра господа Корниловы, Милюковы-Дарданелльские и Родзянки-болванские восстановят «стольпинское успокоение» или что еще хуже.

Голова идет кругом, делу валится из рук. Если теперь мы не дошли «до конца», то не знаю, какого еще ждать другого.

Искренно Вам преданный

К. Тимирязев.

Простите бессвязность письма и, когда удосужитесь, черкните словечко.
Г. Клин. Демьяново-Танеево.

Дорогой Алексей Максимович!

Простите, что беспокою Вас по такому пустому делу. Я перебрался на дачу и не захватил с собою ни одного номера «Новой жизни» и вот теперь не знаю адрес конторы ее. Будьте добры, сообщите, кому следует, чтобы и «Жизнь» и «Летопись» с 1 июня по 1 сентября адресовали мне в Клин, Демьяново-Танеево.

Как вы поживаете? Надеюсь, вполне оправились; теперь и в Питере должно быть очень хорошо. Где проводите лето? Вероятно, в Финляндии. А если поедете в нашу сторону, телеграфните, я бы выехал Вас повидать на станцию, а если располагаете несколькими часами, — заезжайте. Хозяин имения Вл. Ив. Танеев — интересный чудака и владеет библиотекой, может быть, единственной в своем роде специально по социализму и Французской революции, с редкой коллекцией портретов и современных эстампов.

Жена и сын просят передать свой привет.

Искренно преданный К. Тимирязев.

Дорогой Алексей Максимович!

Большое Вам спасибо за Ваши книжки, статьи читаю с наслаждением (хотя о Вашем тезисе о роли коллектива в науке при случае поспорю).

¹⁾ Обе хотелось бы в размере, возможном для «Новой жизни».

Croka u evaku valiozno
Hajduku - "Jedan lepisan
u sjezi, u dvas vadere."

Bydome jdrulom
Jepimie ebitz - seozom
Savit u dnu ruzstacim
Kupofulom - kavit vladis
Kupomies. Kupomies deq
Jalige neopostulom
No lew surin - u ke evaku
Jab ruzi Fz kopumecim
Mevodim - Jopomobim u
Pozratu - Jastandim kopomies
Kavit Kupomies "yemo
Kavit" udu dnu ezi sjezi.

Suraha udem Kupomies
Daso Kupomies upi pupi
Edu meozt udu u dnu
"Do kavit" mo ke Jast
Ezi Jast Kupomies!

Ukupomies Piar Kupomies
K Kupomies.

О Вашей речи на с'езде все, невзирая на лагеря, говорят с восторгом. Говорят также, что слово «монополисты» в моем письме к Вам будто бы было непонятно для петербуржцев (или они прикинулись, что не понимают). Москвичи очень хорошо поняли: одни с удовольствием, другие со скрежетом зубов.

Я имел в виду господ Лазарева, Кольцова и др.; благодаря им ни один московский ученый, кроме принадлежащих к их лавочке, не получил приглашения на Ваше заседание, помимо тех билетов, которые Вы дали мне. Теперь у них есть свой лейборган — «Русские ведомости» — и свой министр — Мануйлов. Если они проберутся в Свободную ассоциацию, над ней можно будет поставить крест.

Может быть, для раз'яснения всего этого мне придется просить гостеприимства «Новой жизни», а пока присылаю Вам оттиски моих статей по этому поводу.

Статья моя о «Красном знамени» подвигается и разрастается: вероятно, ее придется поместить в «Летописи», а не в «Н. жизни».

Жена и сын просят передать их привет.

Сердечно преданный К. Тимирязев.

Дорогой Алексей Максимович!

Только что прочел с радостью публикацию о «Новой жизни». Наконец-то удалось Вам заполнить самый важный недостаток современной жизни — осуществить честную большую газету. Р. В. прямо-таки оподлились, и в последнее время приходится пробавляться исключительно рабочими газетами, которые при всех своих несомненных достоинствах дают мало материала. Говорю это не под минутным впечатлением, а повторяю каждый день: когда же появится честная газета? Если у меня, старика, чешется язык, то что же должны чувствовать люди молодые? Список участников ручается за успех, жаль только, что все не успели подогнать к 1/18 А, а, вероятно, по-старому 1/14. Пожалуй, даже лучше, что с «Лучом» не удалось: там все пришлось бы пробавляться рабым, эзоповским языком, а здесь можно будет прямо заговорить свободным. Может быть, Вы и мою статейку тиснете в «Жизни», а то «Летопись» уж очень отстала, а тема как раз современная — о мире. Только пришлите заранее корректуру.

Большое спасибо за все сведения о Свободной ассоциации — дело хорошее, боюсь только, чтобы некоторые члены не внесли с собой затхлую атмосферу Академии и «Русской мысли».

Особенно радуюсь, что ближайшее заседание Вы предполагаете в Москве, — может, по этому случаю и Вас увидим — душу отведем, а то здесь кадеты одолевают.

Жена и сын шлют Вам привет.

Искренно преданный К. Тимирязев.

Генетика и фашизм

Г. Фризен

Германский фашизм очень много говорит о биологической обоснованности своего учения и своей программы. Им развита целая «расовая теория» для оправдания своих империалистических замыслов и антисемитизма. Он наметил большую программу по «расовому улучшению» («Rassenveredelung») германского народа и одним из первых мероприятий в этом направлении ввел закон о стерилизации «наследственно неполноценных элементов». Вся фашистская печать ежедневно кричит о важности биологии и генетики — науки о наследственности и изменчивости — для будущности германского народа. Во всех учебных заведениях введено преподавание «генетики», и «генетика» считается одной из важнейших дисциплин. Громадная часть неучащегося населения охвачена кружками по «изучению» вопросов наследственности. Спрос на «генетиков» в Германии колоссальный, и соответственно спросу они сейчас насчитываются тысячами. Ученые лакеи фашизма — всякие Ленцы, Фишеры, Вершуэры и т. д. — кричат о небывалом торжестве генетики, ставшем возможным лишь благодаря приходу Гитлера к власти. Посмотрим, однако, как это «торжество генетики» выглядит на самом деле.

Германия всегда слыла страной науки. Немало блестящих страниц она вписала также в историю генетики. Стоит лишь назвать имя Корренса, вместе с Гуго де Фризом (Голландия) и Чермаком (Австрия), вторично открывшего основные законы наследственности — законы Менделя, имя Баура, еще до своего участия в разработке фашистской евгеники создавшего школу по изучению генетики львиного зева. Хотя Германию в области генетики быстро обогнали США, а после Октябрьской революции и СССР, но все же за ней оставалось одно из первых мест в мире по глубине, значению и количеству выпускаемых ею генетических исследований.

Это положение резко изменилось после победы фашизма в Германии. Одним из первых мероприятий фашистского правительства «по поощрению» генетических исследований было закрытие (!) знаменитого Бауровского института по растительной генетике в Мюнхеберг-Марке несмотря на его мировое значение. Этим был упразднен единственный крупный специально генетический институт Германии. Выдающийся молодой берлинский генетик Курт Штерн должен был покинуть Германию в силу своего «неарийского происхождения». По той же причине его примеру был вынужден последовать основатель генетики простейших (одноклеточных) — известный биолог Иоллос. Если к этому прибавить, что Корренса и Баура уже нет в живых (они умерли в 1933 г.), то выходит, что Германия почти полностью лишилась крупных генетиков.

Положение подлинной генетики в современной Германии лучше всего иллюстрируется новым курсом в работе «Немецкого генетического общества», представление о котором дает напечатанный во 2-м выпуске 67-го тома «Zeitschrift für induktive Abstammungs und Vererbungslehre» (1934 г.) отчет о 10-м годовичном заседании этого общества. Доклады по об-

щей, зоо- и фитогенетике представляют в значительной мере сводки старых работ или сообщения о работах, проведенных еще до начала фашистского режима. Далее следует раздел антропогенетических докладов. Судя по числу этих докладов (они составляют больше трети всех докладов), антропогенетика на съезде была в большом почете. Однако ознакомимся с содержанием этих докладов.

В большом докладе Гюнтер Юст разбирает «Проблемы высшего менделизма у человека». В докладе показывается недостаточность элементарного менделизма для понимания наследования целого ряда болезней и нормальных признаков человека и признается необходимость более глубокого изучения генетики человека с точки зрения «высшего менделизма», включающего в себя понятия димерии, полимерии, сцепления и кроссинговера, множественного аллеломорфизма и т. д.). Докладчик в конце доклада заявляет, что подобный подход к генетике человека ставит больше проблем, чем дает решений, и неоднократно подчеркивает малую изученность генетики человека и в частности тех или иных наследственных заболеваний. Казалось бы, что после подобных заявлений должна последовать критика мероприятий фашистского правительства по «расовой гигиене», в частности закона о стерилизации, не считающегося с фактом малой изученности генетики человека. Но нет, как и старый фашист Юст игнорирует только что изложенные им факты, которыми он воспользовался лишь для того, чтобы его доклад — первый по разделу «антропогенетики» — создал видимость научности остальной части работ съезда, и всем характером заключительных слов своего доклада поддерживает ныне проводимую в Германии «расовую гигиену»: говоря о дальнейшем развитии ее на основе генетической переписи всего германского населения, он выражает уверенность в том, что таким путем удастся «в сравнительно короткое время полностью (! — Г. Ф.) выяснить многие теоретически и практически важные вопросы».

В сообщении второго докладчика — известного попа-мракобеса Мукермана — псевдонаучное лицо фашистской «генетики» выступает уже во всей своей чудовищности. Доклад Мукермана посвящен «евгеническому обследованию семьи прусской полиции» (!). Доклад открывается дифирамбом по адресу «доблестных качеств» прусской полиции, выражающихся в «образцовом спокойствии и преданности долгу», с которыми она, т. е. полиция, охраняет «общественный порядок». Далее с беспримерной наглостью выставляется как аксиома, что эти качества наследственно обусловлены, а раз это так, то, мол, следует всеми мерами способствовать размножению полицейских — этой «в силу своих этических установок ценнейшей части» германского народа. К своему ужасу Мукерман открывает, что полиция слишком слабо размножается. Доклад заканчивается пожеланием, чтобы размножению полицейских уделялось столько же внимания, как и закону о стерилизации.

Третьим докладом по разделу «антропогенетики» было сообщение Залдера «О взаимной связи школьной успеваемости, социального положения и различной размножаемости населения в преимущественно протестантском городе Геттингене и в преимущественно католическом городе Регенсбурге». Одним из важнейших выводов своего исследования автор считает тот факт, что «школьная успеваемость детей стоит в связи не только с социальным положением родителей, а также с социальным положением дедов и бабок». Из этого факта, по утверждению автора, вытекает наследственная обусловленность как школьной успеваемости, так и социального положения. Неоснованность этого положения очевидна, так как социальное положение дедов и бабок несомненно определялось социальное положение родителей (буржуазия не очень-то пропускает в «высшие» слои людей из рабочего класса), а социальное положение родителей, определявшее условия жизни детей, прямым образом отражалось на их школьной успеваемости. Говорить

здесь о наследственности прямо смешно: все дело здесь в социально-экономических условиях, в которых пришлось и приходится жить и дедам, и родителям, и детям. Такой вывод не обсуждается докладчиком даже в качестве возможности. Здесь в ярком виде выступают методы буржуазно-фашистской лженауки: путем наглого извращения добиться приспособления любых фактов к учению о наследственной неравноценности классов и о существовании «высших» и «низших» рас.

На четвертом месте идет доклад Иды Фришейзен-Келер о «Евгенических исследованиях в семьях учеников вспомогательных школ». Докладчица устанавливает высокую рождаемость в семьях, из которых вышли ученики вспомогательных школ. Постулируя без всяких доказательств, что отсталость этих детей является формой наследственного слабоумия, она требует широкого проведения стерилизации в этих семьях, причем требуется стерилизация в раннем возрасте — до заключения брака, ибо докладчица открыла кошмарный для нее факт: 72,9% матерей учеников вспомогательных школ жило половой жизнью еще до официального заключения брака.

Далее следует четыре доклада по ряду специальных антропогенетических вопросов: доклад Квелпруда о семейных исследованиях по признакам внешнего уха, два доклада (Вершуэра и Мейер-Хейденхагена) о генетике пальцевых линий и доклад Вернера о сравнительном значении наследственности и среды в углеводном обмене на основании близнецовых исследований. Эти доклады при своей посредственности ни в малейшей мере не меняют картины упадка генетики, которым веет от всего съезда, тем более что за ними снова идет доклад типично фашистского пошиба — сообщение Г. Кранца о «Преступности у близнецов».

Кранц задался целью доказать, что преступность в основном определяется наследственностью, и для этой цели он привлекает однояйцевых и двуйцевых близнецов. «Изучались» пары, в которых один или оба близнеца являются преступниками, и устанавливается процент конкордантности (совпадения) и дискордантности (несовпадения) как по группе однояйцевых, так и по группе двуйцевых близнецов. Работа Кранца лучше всего характеризуется приводимым им списком преступлений, по которым изучались близнецы. Кранц различает следующие группы преступников:

- 1) обманщиков,
- 2) воров,
- 3) насильников,
- 4) нарушителей нравственности.
- 5) клятвopреступников,
- 6) бродяг,
- 7) совершивших аборт,
- 8) совершивших мелкие преступления.

Комментарии к этому смехотворному списку излишни. «Изучив» по этим родам преступности 26 пар однояйцевых и 37 пар двуйцевых близнецов, Кранц находит среди первых 16 (61%) конкордантных и 10 (39%) дискордантных, а среди вторых 18 (49%) конкордантных и 19 (51%) дискордантных пар. Простой расчет показывает, что разница в проценте конкордантности или дискордантности по обеим группам близнецов (12%) меньше, чем ее ординарная средняя ошибка (13%), из чего с очевидностью вытекает ее чреватость и вместе с тем необоснованность вывода о генетической обусловленности преступности. С целью придать своему выводу большую вероятность, Кранц некритически суммирует свои данные с данными Ланге (13 однояйцевых пар — 10 конкордантных и 3 дискордантных; 17 двуйцевых пар — 2 конкордантных и 15 дискордантных) и Леграса (4 однояйцевых пары — все конкордантные; 5 двуйцевых пар — все дискордантные) и этим путем увеличивает разницу между обеими группами. Кранц, однако, умалчи-

вает, что его собственный материал, будучи бóльшим чем материалы Ланге и Леграса вместе взятые, при этом не увеличивает, а, наоборот, сглаживает найденную этими авторами разницу. А это обстоятельство лишает всю его работу доказательной силы. Работа Кранца представляет собой типичный пример насильственного втискивания фактов в прокрустово ложе фашистской лженауки.

Последний доклад — доклад Штумпфля — посвящен вопросу о размножении преступников. Принимая, конечно, в свою очередь, как аксиому наследственную обусловленность преступности, автор в свете своих данных о размножении преступников обсуждает «евгенические» мероприятия по отношению к ним, подчеркивая при этом весьма радостный для него факт, что у преступников-рецидивистов до их первого преступления рождается в среднем мало детей. Это обстоятельство, по мнению докладчика, имеет то евгеническое значение, что лишение преступников возможности размножаться сможет быть проведено в достаточной мере своевременно.

Вот чем занимался 10-й с'езд германских генетиков! Глубокое отвращение охватывает каждого настоящего и честного генетика, когда он знакомится с подобными образцами профанации науки в угоду варварскому фашизму¹⁾.

Другой генетики и не может быть при фашизме. Фашизм боится настоящей генетики и имеет к этому все основания.

Настоящая генетика не дает ни единого указания на то, что существуют расы, по природным качествам стоящие выше чем другие расы, или что германский народ по своим природным качествам выше других народов. Более того, разделению человечества на «высшие» и «низшие» расы прямо противоречат следующие соображения.

Понятие «раса» — понятие антропологическое, включающее в себя определенные морфологические критерии. В зависимости от того, какие критерии клались в основу разделения людей на расовые группы, разные исследователи различали от трех до 60 с лишним рас в современном человечестве. В одну расу объединяются люди, сходные по одному или нескольким антропологическим критериям (цвет кожи, форма волос и т. п.), по которым нет никакой возможности ставить одни расы выше других. Вся же остальная масса признаков, по которым могут существовать различия между людьми, всякого рода другие различия, которые существуют в каждой выделенной подобным образом расе, при этом остаются неучтенными. В силу этого каждая расовая группа представляет собой в генетическом смысле нечто в высшей степени гетерогенное, и нет двух людей, принадлежащих в одной расе, которые во всех отношениях походили бы друг на друга.

В таком случае очевидно, что два человека, принадлежащие к разным расам в смысле антропологическом, по целому ряду наследственных свойств могут быть более похожи друг на друга чем два человека, принадлежащие к одной расе, или что две группы людей, различаясь по цвету кожи, по ряду других признаков в среднем могут быть одинаковыми. Несомненно, что целый ряд наследственных особенностей, по которым вообще существуют различия между людьми, распределены в среднем одинаково по разным расовым группам, выделенным антропологами. Но вместе с тем также очевидно, что кон-

¹⁾ Тем большее изумление вызывает участие в работах с'езда как докладом, так и выступлением в прениях по докладу Гюнтера Юста командированного десять лет назад в Германию и до сих пор там работающего московского генетика Н. В. Тимофеева-Ресовского, при этом ни словом не обмолвившегося против той чудовищной фальсификации науки, которая характеризовала всю физиономию с'езда.

центрация каких-нибудь других генов в разных расовых группах может быть различной⁴⁾.

Можно ли теперь одну расовую группу ставить выше другой на том основании, что первая характеризуется, скажем, большей концентрацией генов музыкальности чем вторая. Ставя такой вопрос, следует ответить сначала на другой: можно ли более музыкального человека ставить выше менее музыкального? Каждый здравомыслящий человек поймет абсурдность этого вопроса. Малая музыкальность Дарвина не помешала ему быть величайшим биологом, каковым Бетховен вряд ли бы смог быть. Вопрос о том, кого ставить выше: Дарвина или Бетховена—вопрос нелепый. То же самое следует сказать о первом вопросе: если одна какая-нибудь расовая группа содержит меньшее число музыкальных людей, чем другая, то по многим другим наследственно определяемым свойствам отношения между обеими группами будет обратным, и поэтому нельзя одну группу ставить выше другой. Такой вывод можно развить еще по следующей линии. Из генетики известно, что каждый ген в той или иной мере плейотропен, т. е. оказывает большее или меньшее влияние на целый ряд признаков. При этом часто наблюдается, что, вызывая по одному признаку отрицательный эффект, тот же ген вызывает какие-нибудь положительные свойства. В качестве примера можно назвать ген белоглазости у мухи дрозофилы—знаменитого объекта генетических исследований; этот ген вызывает белоглазость, изменяет окраску оболочки семенников, понижает плодовитость, но вместе с тем повышает резистентность мух к высокой температуре. У кроликов рекс ген, характеризующий эту породу, понижает жизнеспособность, но вместе с тем повышает качество шерсти (здесь второй эффект положителен с хозяйственной точки зрения человека). Таких примеров можно было бы привести великое множество. В применении к человеку сказанное означает следующее. Если данный человек отличается от другого, положим, какими-нибудь генами, определяющими меньшие способности его к математике, то вполне возможно, что эти же гены вызывают еще целый ряд других особенностей, по которым первый может выгодно отличаться от второго. Перенося это же рассуждение на две группы людей, мы и здесь должны сказать, что большая концентрация какого-нибудь ценного по некоторым свойствам гена в одной не означает ее превосходство над другой, ибо многосторонность и многонаправленность различий в признаках, создающихся на основе различия по этому гену, выравняют обе группы в смысле встречаемости тех или иных положительных особенностей у той и другой группы.

При одинаковости всех расовых групп по основным человеческим признакам такой подход к расовой проблеме заставляет признать за всеми так называемыми расами равенство в смысле имеющих у каждой расы достаточных данных для полноправного участия в общечеловеческом развитии культуры, и следовательно, нет «высших» и «низших» рас.

Что же касается различия культурных уровней различных народностей, то оно объясняется не различием биолого-генетических качеств, а историческими в смысле социально-экономическом условиями. Подобным же образом в основе классовых различий лежат не биолого-генетические, а социально-экономические факторы. В стране победившего пролетариата, в СССР, различия культурных уровней различных народностей исчезают на наших глазах, ибо социализм создает условия для всестороннего развития и проявления всех ценных качеств каждого человека.

⁴⁾ Под концентрацией того или иного гена в какой-нибудь группе людей понимают его частоту, его встречаемость. Представляя лишь известную относительную статистическую величину, она нисколько не может быть расовым критерием в антропологическом смысле.

Настоящая генетика далее разбивает утверждение Гитлера о том, что смешение рас ведет к биологическому вырождению (это положение служит фашизму для «биологического» обоснования антисемитизма и расового шовинизма). Животноводы и растениеводы давно знают, что скрещивание между различными линиями и расами обычно имеет следствием более мощное развитие потомства, большую его выносливость и жизнеспособность. Явление это получило название гетерозиса. Явление гетерозиса широко используется в сельскохозяйственной практике для получения быстрорастущих, более крупных, более выносливых и более жизнеспособных растений и животных. Так, для получения крупного, хорошо сложенного мясного скота скрещиваются животные из породы эбердин-ангус и шортгорнской. Те же приемы применяются при разведении свиней (например скрещивание дюрок-джерсейской и беркширской пород для получения быстрорастущих свиней). Исключительное значение гетерозису придают растениеводы. Многие превосходные сорта, полученные Л. Бербанком и нашим знаменитым садоводом И. В. Мичуриным, обязаны своим качеством в значительной мере влиянию гетерозиса.

Американский генетик Райт, который специально изучал явление гетерозиса на морских свинках, приходит к выводу, что «скрещивание между различными инбридинговыми (внутрибрачными.—Г. Ф.) семействами привели во всех отношениях к заметному превосходству над обеими родительскими линиями» (в отношении веса взрослых особей на 12%, сопротивляемости туберкулезу на 20% и рождаемости на 16%, а смертность их уменьшилась на 11%).

Генетическое объяснение гетерозиса заключается в том, что многие вредные гены, имеющиеся у двух разных рас, при скрещивании последних между собой переходят в гетерозиготное состояние, т. е. образуют пару с неодинаковым геном (в противоположность так называемому гомозиготному состоянию, когда в пару соединяются два одинаковых гена). При рецессивном (не позволяющем проявляться гену в гетерозиготном состоянии) характере большинства вредных генов многие из них не получают возможность проявиться у межрасовых гибридов, и это имеет следствием обычно наблюдаемое биологическое превосходство гибридов над обеими исходными расами.

Таким образом, все, что в генетике известно относительно биологических последствий смешения рас, идет вразрез с утверждениями фашистской расовой теории.

Что же касается хорошо изученных примеров смешения человеческих рас, то оказывается, что «группы, образовавшиеся от скрещивания даже самых несхожих человеческих рас, оказывались биологически полноценными. Одним из самых ярких примеров такого рода является скрещивание готтентотов с бурами; изучением этого случая занимался тот самый профессор Евгений Фишер, который теперь стал одним из наиболее видных теоретиков движения «Rassenpflege». Национал-социалисты сочли нужным теперь забыть об этих трудах названного профессора» (Г. Меллер в «Успехах современной биологии», вып. 5 за 1934 г.).

Если к сказанному прибавить, что ряду величайших представителей человечества (например Гете, Микель-Анджело, Пушкину и т. д.) отнюдь не помешала быть таковыми их смешанность в расовом отношении, то еще очевидней становится фашистская ложь в этом вопросе¹⁾.

Не смешение рас, а как раз требуемое фашизмом «разведение чистых рас» в себе может привести, как показывает современная генетика, к биоло-

¹⁾ При всем практическом значении явления гетерозиса в животноводстве и растениеводстве не надо впадать в ошибку обратную той, которую совершают фашисты, а именно: утверждать, что человечеству грозит гибель, если расы не

гическому вырождению. Именно инбридинг (внутрибрачие) очень часто имеет результатом ухудшение биологических свойств, понижение плодovitости, жизнеспособности и выносливости и появление тех или иных уродств. Если при скрещивании различных рас между собой многие вредные рецессивные гены переходят в гетерозиготное состояние, то при родственном разведении, наоборот, повышается гомозиготность, а тем самым и гомозиготность по вредным рецессивным генам, если таковые имелись в исходном материале. В тех случаях, в которых человеческий инбридинг как будто не приводил к скверным в биологическом смысле последствиям, размножавшиеся путем внутрибрачия группы людей были, повидимому, сравнительно свободны от вредных рецессивных генов. Но этим случаям можно противопоставить другие — притом более частые, — в которых в силу засоренности исходных групп вредными генами инбридинг приводил к явлениям вырождения. Пишущему эти строки пришлось убедиться в этом на примере секты меннонитов, переселившейся в конце XVIII и в течение XIX вв. из Германии в Россию и державшейся крайне замкнуто. Так например, в одной небольшой группе меннонитов, уединившейся в прошлом столетии в горы Александровского хребта (Средняя Азия) и с самого начала представлявшей группу родственных семей, инбридинг стал очень тесным, и в результате этого процент страдающих теми или иными наследственными дефектами (идиотизм, наследственная глухонмота и т. д.) в этой группе стал очень большим. То же самое в той или иной мере относится и к остальным меннонитам. Лишь Октябрьская революция, пробив брешь в «китайской стене», которой меннониты окружали себя в течение долгого времени, покончила с этой разновидностью религиозного изуверства.

Настоящая генетика вскрывает также весь обман, содержащийся в фашистском законе о стерилизации. Этот закон предписывает стерилизацию в случаях наследственного слабоумия, шизофрении, циркулярного психоза, наследственной эпилепсии, наследственной пляски св. Витта, наследственной слепоты, глухоты, тяжелых наследственных физических уродств и тяжелого алкоголизма. При малой изученности генетики человека и, в частности, заболеваний, перечисленных в законе, наследственная обусловленность которых в том или ином конкретном случае может быть выяснена лишь в высшей степени приблизительно, массовая стерилизация, уже начавшаяся в Германии (в одном только Вуппертале за несколько месяцев 1934 г. стерилизовано 600 человек, см. «Internationales Ärztliches Bulletin» № 2/3 за 1935 г.), становится величайшим преступлением против человечества, против науки и неслыханным издевательством над генетикой. Издевательством над наукой является, в частности, требование стерилизации хронических алкоголиков на том основании, что хронический алкоголизм якобы является выражением наследственно-болезненного состояния «нервов и духа» («Der Erbaszt» № 1, 1934 г., статья Перетти).

Выше мы видели, что 10-й съезд германских «генетиков» совершенно ясно внес в список подлежащих стерилизации учеников вспомогательных школ и их родственников, преступников и т. д., т. е. лиц, которые в законе о стерилизации под такими названиями не фигурируют и поэтому «судьями по наследственному оздоровлению» должны быть отнесены к слабоумным,

будут смешиваться, что явления гетерозиса следует добиваться на людях в целях подъема человеческой культуры и т. д. Мы знаем, что не зоотехническими приемами решаются судьбы человечества, и ссылкой на явления гетерозиса мы выше лишь показали, что биологические факты, на которые фашизм так много ссылается в вопросе о смешении рас, говорят как раз не о вырождении в результате смешения и что учение о смешении рас как биологической опасности для человечества тем самым и с биологической точки зрения оказывается вздорным.

шизофреникам и т. д. Тем самым эти «судьи» получают право произвольно толкования понятий «слабоумный», «шизофреник», «психопат» и т. д., и если к этому добавить, что всякий убежденный антифашист, а тем более коммунист объявляется всеми главарями фашистского евгенического движения (включая Ленца и Фишера) наследственно-отягченными и психически ненормальными людьми¹⁾, то становится ясным, что закон о стерилизации является орудием насилия и угнетения тех элементов, которые нежелательны фашистскому режиму. Недаром Вершурер еще в 1933 г. заявил совершенно откровенно: «Евгеника представляет собой весьма ценное политическое оружие для правительства» («Deutsche Allgemeine Zeitung» от 18 июня 1933 г.).

В то же время закон о стерилизации, вся шумиха вокруг него и вокруг «расовой гигиены» используются фашизмом в качестве громоотвода классовой борьбы. Руководители фашистского евгенического движения неоднократно подчеркивали за последние годы, что на содержание всех наследственно-отягченных государство тратит ежегодно много сотен миллионов марок и что тем самым эти-то наследственно-больные в известной мере виновны в бедственном положении германского пролетария и в небольших размерах пособия по безработице. Далее обычно рисуются розовые перспективы ближайшего будущего, когда стерилизацией указанных элементов практически полностью будет уничтожена возможность появления наследственных болезней и дефектов впредь и все те сотни миллионов марок, которые сейчас тратятся на содержание наследственно-отягченных, останутся в руках германского народа.

Настоящая генетика вскрывает всю беззащитную и сознательную ложь, которую Ленц и К^о в этом случае пускают в ход, с целью отвлечь внимание трудящихся масс от истинных причин бедственного положения и одновременно замаскировать классовую сущность закона о стерилизации, направленного против революционного пролетариата. Во всех своих выступлениях, в том числе и в последнем («Hamburger Fremdenblatt» от 23 февраля 1935 г.), Ленц утверждает, что в результате стерилизации слабоумных и тому подобных элементов число рождающихся с подобными дефектами должно быстро падать, что если сейчас в Германии ежегодно рождается 20 000 слабоумных детей (число это, несомненно, преувеличено, ибо Ленц сюда включает учеников вспомогательных школ, которых он считает наследственно-слабоумными), то «ряд лет» окажется достаточным, чтобы путем стерилизации уменьшить это число до 10 000. Генетика, однако, установила для изученных случаев наследственного слабоумия его рецессивный характер, а отсюда вытекает, что стерилизация слабоумных охватывает лишь гомозиготов, в то время как гетерозиготы, внешне нормальные, но в скрытом виде несущие наследственные задатки слабоумия, продолжают давать потомство. При встрече двух таких гетерозиготов в их потомстве снова могут появиться гомозиготы, т. е. слабоумные. Знакомый с генетикой сразу поймет, что гетерозиготов, т. е. внешне нормальных скрытых носителей генов слабоумия, в германском населении должно быть во много раз больше, чем гомозиготов. А стерилизуются только последние. При таком положении, как можно вычислить, требуется несколько поколений, чтобы путем поголовной стерилизации всех слабоумных уменьшить число ежегодно рождающихся слабоумных, указанное Ленцем, вдвое, а дальше уменьшение

¹⁾ Укажем хотя бы на недавнее заявление баварского правительственного комиссара по здравоохранению В. Шульца о ценности концентрационных лагерей в том отношении, что они лишают «асоциальные» элементы как «расово негодные» возможность размножаться (см. «Archiv für Rassen und Gesellschaftsbiologie», т. 28, вып. 1, 1934 г.). Согласно этому заявлению, «наследственная неполноценность» определяется по признаку помещения в концентрационный лагерь.

этого числа пойдет еще медленнее¹⁾). Для многих других наследственных дефектов, встречающихся реже чем слабоумие, ощутимое уменьшение числа рождающихся с подобными дефектами при постоянной стерилизации их может быть достигнуто лишь через десятки, а то и сотни поколений.

Вместе с тем вышеприведенные расчеты показывают, что даже с узко генетической точки зрения, самой по себе неправильной, ибо она отвлекается от социальных условий, стерилизация не может рассматриваться как действенный метод биологического оздоровления человечества. Тем очевидней становится, что не биологическое оздоровление германского народа является целью «расовой политики» и «расовой гигиены» германского фашизма, а укрепление классового господства германской буржуазии. Это и понятно, ибо в условиях капиталистического общества — в условиях беспощадной эксплуатации миллионов трудящихся небольшой кучкой господ-угнетателей — биологическое оздоровление человечества вообще невозможно. Возможным оно становится лишь после победы пролетарской революции, при социализме, и достигается оно при социализме не стерилизацией наследственно больных, а методами совершенно иными — в первую очередь социально-гигиеническими мероприятиями профилактического характера, которые не позволяют проявиться данному наследственному дефекту и способствуют проявлению и максимальному развитию ценных качеств.

Изложенное делает понятным, почему генетика, одна из наиболее передовых наук современности, переживает катастрофический упадок в фашистской Германии. Фашизм боится настоящей генетики, и потому не только не поощряет, а, наоборот, преследует ее, закрывая генетические институты и изгоняя крупнейших генетиков из своей страны. Торжество «генетики» в Германии, о котором говорят Ленцы, оказывается торжеством лженауки, торжеством prostituiрования науки, лишней раз доказывающим обреченность как фашизма в частности, так и капиталистической системы в целом.

А между тем, в стране победившего пролетариата, в СССР, где наука свободна и где победоносное строительство социализма впервые в мире создало предпосылки для пышного расцвета всех наук, генетика переживает исключительный подъем. Обогнав генетику всех европейских стран и Япо-

¹⁾ Вычисления, любезно проведенные для данной статьи сотрудником Института экспериментальной биологии А. А. Малиновским, показали, что если в Германии ежегодно действительно рождается 20 000 слабоумных, что составляет около 2% всех рождений (по данным Ленца, в 1931 г. в Германии родилось 1 030 000 детей), и если принять, что в основе наследственного слабоумия лежит всегда один и тот же ген, то через поколение (около 30 лет) все еще будет рождаться 1,44% слабоумных (за счет гетерозиготов), через два поколения — 1,10%, а через три — 0,88%. Но так как наследственное слабоумие имеет в разных случаях весьма различную генетическую основу, что означает, что генов слабоумия существует не один, а много разных, то поголовная стерилизация всех слабоумных из поколения в поколение даст в действительности еще более медленное падение процента рождающихся слабоумных (это объясняется тем, что каждый ген в отдельности имеет малую концентрацию, дающую редко гомозиготную комбинацию при относительно более высоком проценте нестерилизуемых гетерозиготов). Так, если допустить, что существует десять разных генов слабоумия (это еще сравнительно простой случай), то, как показали те же вычисления А. А. Малиновского, стерилизацией через поколение будет достигнуто падение числа рождающихся слабоумных с 2% до 1,76%, через два поколения — с 1,76% до 1,60%, через три — до 1,48%, через четыре — до 1,36%, через пять — до 1,26%, через шесть — до 1,16% и т. д. Одним словом, в этом случае лишь больше чем за 200 лет может быть достигнуто уменьшение ленцевского числа (20 000) вдвое. А так как действительность еще гораздо сложнее — как в смысле числа различных генов слабоумия, так и в том смысле, что многие формы наследственного слабоумия являются, несомненно, результатом сложнейшего взаимодействия многих генов, порознь не вызывающих слабоумия, — то требуется еще больше времени для ощутимого понижения числа наследственных слабоумных в населении.

нии, советская генетика стала на равную ногу с генетикой США. О бурном развитии генетики в СССР свидетельствует уже один только список крупнейших генетических институтов и лабораторий СССР. Центрами исследований по общей генетике являются: Генетический институт при Академии наук СССР, Институт экспериментальной биологии в Москве с мощным (одним из крупнейших в мире) генетическим отделом, лаборатория генетики при московском государственном университете, лаборатория генетики при Всеукраинской академии наук, лаборатория генетики Зообиологического института харьковского государственного университета. Кроме того работа по общей генетике ведется при многих других университетах Советского союза. Крупнейшим в мире антропогенетическим институтом является Медико-генетический институт в Москве, поставивший в невиданном масштабе исследования по близнецовому методу (исследованиями охвачено около 800 пар близнецов). По прикладной генетике исследования ведутся в знаменитом Генетико-селекционном институте им. Мичурина, в генетическом секторе Всесоюзного института животноводства при Всесоюзной академии с.-х. наук им. Ленина, во Всесоюзном институте растениеводства, на бесчисленных селекционных станциях, в крупнейших совхозах и при многих сельскохозяйственных и животноводческих институтах. Во всех этих институтах и лабораториях работает несколько сот генетиков-исследователей. В задачу данной статьи не входит перечисление и анализ достижений советской генетики (о глубине и размахе советских генетических исследований представление дает статья тов. Вендровского об Институте экспериментальной биологии в № 3 «Под знаменем марксизма» за 1935 г.). Качественная сторона, однако, в достаточной мере иллюстрируется и тем, что ряд крупнейших генетиков Запада и Америки приезжает работать в СССР (например Харланд из Англии, Меллер из Америки и т. д.). Генетики Запада и Америки стали говорить о необходимости изучения русского языка, ибо в противном случае они опасаются отстать от развития мировой генетики (одним из центров которой стал СССР).

Сопоставление упадка генетики в фашистской Германии и под'ема ее на мировые высоты в СССР доказывает лишний раз, что будущее науки лишь там, где победил пролетариат.

О втором начале термодинамики

Г. Покровский и А. Некрасов

I

Второе начало термодинамики, введенное Клаузиусом в науку в целях наиболее простого и удобного доказательства теоремы Карно, служит лишним убедительным доказательством зависимости науки от экономики. Определение коэффициента полезного действия паровой машины было основной побудительной причиной исследования Карно «О движущей силе огня», постановка же и доказательство теоремы, названной его именем, привели к установке второго начала.

Первоначальная формулировка второго начала Клаузиусом, или, как он сам называет, «новый принцип, относящийся к теплоте», выражается следующим положением: «Теплота не может переходить сама собой от более холодного тела к более теплomu»¹⁾. Равноценна и такая формулировка: «Переход теплоты от более холодного тела к более теплomu не может иметь места без компенсации».

Первая формулировка при первоначальном ознакомлении кажется трюизмом. Однако последующие размышления, вызванные второй формулировкой, возбуждают, обычно, критические замечания о его истинности и непреложности. Невинная на вид энтропия и математическая формулировка второго начала приводят В. Томсона к такому выводу:

1. В мировом процессе наблюдается тенденция к рассеянию энергии.
2. Полное восстановление механической энергии при любом возможном в материи процессе не может быть осуществлено при помощи каких бы то ни было процессов с неодушевленными предметами.

3. Земля в прошлом была непригодна и в будущем станет непригодной для жизни человека — «если только в прошлом не были проведены и в будущем не будут предприняты такие меры, которые являются неосуществимыми при наличии законов, регулирующих известные процессы, протекающие ныне в материальном мире»²⁾.

Эта точка зрения является обычным орудием для пропаганды реакционно-мистических идей, тормозящих также и развитие самой физики.

Дальнейшим этапом развития второго начала, весьма неохотно принимаемого в таком виде и с подобными выводами стихийными материалистами-учеными, является введение в науку кинетической теории газа принципов статистики Больцмана — Гибса. Развитые и проверенные путем сравнения с экспериментальными данными в применении к броуновскому движению Смолуховским, они и по сей час служат чуть ли не единственной защитой от всеокрушающей «тепловой смерти».

¹⁾ «Второе начало термодинамики». Сборник. Изд. ГТТИ. 1934. Р. Клаузиус «Механическая теория тепла», стр. 133—134.

²⁾ Там же, стр. 182.

Замечательно, что после исследований Смолуховского, имеющих, по крайней мере, тридцатилетнюю давность, наука не располагает никакими другими аргументами в борьбе со сторонниками «тепловой смерти». И проф. А. Тимирязев не перестает утверждать, что работы Смолуховского «раскрывают истинный смысл второго принципа термодинамики и вконец подрывают теорию так называемой «тепловой смерти вселенной»¹⁾.

Однако утверждения проф. А. Тимирязева конкретно приводят его к такому выводу: «Закон возрастания энтропии... означает только то, что любая система в течение огромных периодов времени находится в состоянии, близком к своему тепловому равновесию, и что промежутки времени, в течение которых эта система находится в состоянии, далеком от максимального значения энтропии, составляют исчезающе малую часть по сравнению с теми периодами, в течение которых энтропия близка к своему максимуму»²⁾.

Короче говоря, для миллиарда лет «смерти» может перепасть какое-нибудь «исчезающе малое» десятилетие жизни. Поистине, плохое утешение для оптимистов!

Работы Смолуховского, как известно, приводят к тому, что, по результатам его исчислений, при наличии средней концентрации раствора равная 1,54 (по наблюдениям Сведберга), можно теоретически рассчитать, через сколько времени наблюдаемая концентрация (число одновременно находящихся в поле зрения частиц) станет любой. Оказывается, что ожидание появления 10 частиц (в соответствии с термодинамической «вероятностью», как ее понимал Больцман) будет соответствовать нескольким месяцам, а время появления 17 частиц уже окажется равным 50 000 лет³⁾. Таким образом, вопрос об обратимости и об уменьшении энтропии переводится в область возможных, но «мало вероятных» процессов.

Статистика Больцмана—Смолуховского хотя и колеблет основы утверждения тепловой смерти вселенной, но не выясняет вопроса достаточно четко. Тем не менее методологическое значение ее бесспорно и объясняется именно толкованием той принципиальной «проблематичности» второго начала, о которой мы говорили, начиная статью.

Энгельс, базируясь на методе диалектического материализма, ясно указывает на неприемлемость второго начала в толковании Клаузиуса—Томсона: «... вся природа, начиная от мельчайших частиц ее до величайших тел, находится в вечном возникновении и уничтожении». «... мы вынуждены допустить чудо: либо обратиться к помощи творца, либо сделать тот вывод, что раскаленный сырой материал для солнечной системы нашего мирового острова возник естественным путем, путем превращения движений, которые присущи от природы движущейся материи и условия которых должны, следовательно, быть снова произведены материей, хотя бы после миллиона лет, более или менее случайным образом, но с необходимостью, присущей и случаю»⁴⁾.

Здесь мы можем констатировать основы тех выводов, которые неизбежно возникают в результате материалистического и диалектического толкования второго начала.

II

Все сказанное выше относится к общепринятому толкованию второго начала. Можно к этому добавить еще, что многие исследователи считают

¹⁾ См. прим. на стр. 311 указ. сборника. Ср. А. Тимирязев «Кинетическая теория материи», стр. 134. Изд. 1933 г.

²⁾ Цит. сборн., стр. 10.

³⁾ М. Смолуховский «Молекулярная статистика эмульсий и ее связь с броуновским движением». Сб. «Второе начало термодинамики», стр. 246 и след.

⁴⁾ «Диалектика природы», стр. 117, 123. 5-е изд. 1931.

возможным преодолеть рассмотренные противоречия путем введения каких-либо постулатов, не зависящих от названного начала. Между тем обычно совершенно недооценивается диалектика второго принципа термодинамики. Именно в нем самом уже содержатся взаимно противоположные идеи непрерывного роста и непрерывного умирания вселенной. Чтобы выявить идею развития вселенной, следует применить указанный принцип к молекулярной картине материи.

Прежде чем переходить к количественной формулировке, рассмотрим несколько простейших примеров, иллюстрирующих развиваемые далее соображения. Пусть у нас имеется некоторый сосуд, находящийся как и окружающие его предметы при достаточно низкой температуре. В этом сосуде некоторое количество вещества, наоборот, получило тем или иным путем, хотя бы в результате взрыва или горения, весьма высокую температуру. Таким образом, в начальный момент нашего эксперимента мы имеем весьма значительную разность температур и соответствующих концентраций энергии. В результате этого в чрезвычайно сильно нагретой части нашей системы вещество будет находиться в состоянии сильной ионизации. Наружные электронные оболочки атомов будут сорваны, никакие молекулярные образования не смогут существовать, и при предельно высоких температурах вещество будет представлять собой совокупность атомных ядер и электронов, движущихся как самостоятельные элементы согласно кинетической теории газов¹⁾. Таким образом, значительная концентрация энергии будет сопровождаться относительно весьма элементарной структурой материи. В окружающей среде, наоборот, при очень низкой температуре хотя и будут существовать атомы с вполне сформировавшимися электронными оболочками и различные молекулярные группы, но интенсивность всех процессов будет вследствие низкой температуры весьма незначительной. Из всего сказанного вытекает, что в описанный, начальный момент наблюдения большой температурной разности будет существовать относительная бедность форм движения материи.

Согласно второму началу, при указанной значительной разности плотностей энергии сейчас же начнет развиваться интенсивный обмен энергией, ее переход от нагретой части материи к частям, имеющим низкую температуру. Переход этот будет совершаться различными путями. Получится излучение, возникает новая форма движения материи — кванты этого излучения. Возникнет конвекция — механическое перемещение одних частей материи относительно других. Распространяющийся поток теплоты вызовет неравномерное расширение тел в окружающей среде, в результате чего возникнет еще одна новая форма энергии — энергия упругих деформаций. Повышающаяся температура окружающей среды вызовет более интенсивный ход различных химических реакций и даже возникновение новых реакций, не имевших места при низкой температуре (воспламенение). Таким образом, в окружающей среде многообразие форм движения материи будет, несомненно, расти с течением времени.

С другой стороны, аналогичный процесс будет иметь место и в охлаждающемся от очень высоких температур веществе. При уменьшении интенсивности теплового движения прежде всего начнут восстанавливаться, или, вернее, вновь образовываться электронные оболочки атомов. Далее, возникнут молекулярные группировки, которые при подходящих условиях могут привести к образованию коллоидов, мицелл и тому подобных, достаточно сложных форм материи. Таким образом, и в охлаждающемся веществе мы будем наблюдать постепенное усложнение форм материи. Во всей совокупности рассматриваемой материи, очевидно, многообразие различных форм

¹⁾ R. Eddington «The internal constitution of Stars». F. Jeans «Cosmogony and Astronomy».

движения будет увеличиваться с течением времени. С другой стороны, интенсивность обмена энергией нагретого тела и холодной среды будет уменьшаться. Этот процесс будет, как известно, затухать в соответствии со вторым началом.

Если математическая формулировка указанного затухания так или иначе разработана, то параллельно протекающее усложнение форм движения материи до настоящего времени количественного отображения не получило. Между тем это усложнение—такой же распространенный процесс, как и рассеяние энергии. Это, точнее, разные стороны одного общего процесса эволюции материи.

Такой процесс можно проследить в разнообразнейших случаях. Наиболее полную и многостороннюю картину подобного рода мы можем получить, исследуя эволюцию какой-либо звездной системы, например солнечной. Здесь так же, как мы видели раньше, постепенное рассеяние энергии сопровождается усложнением форм движения материи. Возникают планеты. На их поверхности образуются сложные молекулы, коллоиды, различные дисперсные системы. Следующим шагом в этой эволюции будет образование живого вещества и его сложнейшее развитие. Впрочем, более подробный анализ всего сказанного выходит далеко за пределы этой статьи. Поэтому, ограничившись приведенными примерами, перейдем к количественному описанию указанного здесь усложнения форм движения материи.

Известно, что все процессы, протекающие в материи, связаны со взаимодействием тех или иных частей материи друг с другом. Так, химические реакции протекают тем интенсивнее, чем больше в единицу времени соответствующих молекулярных взаимодействий, или энергия электрического тока тем быстрее переходит в теплоту, чем чаще электроны обмениваются энергией с атомами проводника.

Число указанных элементарных взаимодействий, происходящее в единицу времени, определяет, таким образом, скорость разнообразнейших процессов и вообще сложность динамики данной системы в самом общем смысле этого слова. Исходя из простых соображений, легко показать, что число соударений должно быть пропорционально средней скорости частиц и их общему числу. Последняя величина в свою очередь пропорциональна общей массе тех или иных частиц.

Поэтому число взаимодействий в сложной системе должно определяться суммой масс и ее частей, умноженных на эффективные (средние) скорости частиц, свойственные той или иной части системы.

Число взаимодействий в единицу времени определяет собой интенсивность молекулярно-электронных процессов. Можно указанную величину $\mathcal{J}$ рассматривать как функцию времени и считать ее количественной характеристикой состояния данной материи.

Тогда, обозначив через m массу соответствующей части системы и через v среднюю скорость частиц в этой части, мы можем написать:

$$\mathcal{J} = \Sigma m V.$$

Путем достаточно простых, с принципиальной точки зрения, математических действий, которые будут опубликованы в другом месте («Вестник ВИА», РККА), можно показать, что величина $\mathcal{J}$ находится в определенном соотношении с энтропией системы. Иначе говоря, оказывается, что $\mathcal{J}$ есть функция энтропии S . При этом всегда:

$$\frac{d\mathcal{J}}{dS}$$

Это значит, что при каждом увеличении энтропии мы имеем увеличение функции, определяющей многообразие системы.

Таким образом, при необратимых процессах наряду с возрастанием

энтропии растет интенсивность взаимодействий между элементами материи. При обратимых процессах и энтропия и функция $\mathcal{J}$ не меняются.

Иначе говоря, развитие материи протекает так, что отдача энергии на данном участке пространства в данное время сопровождается возрастанием многообразия ее состояний в смежных частях пространства в то же время или в предыдущие моменты времени. При этом многообразие состояний материи в целом увеличивается.

Таким образом, вводя по-указанному функцию $\mathcal{J}$, мы убеждаемся, что возрастание этой функции пропорционально возрастанию энтропии, а потому любая материальная система при любых изменениях имеет тенденцию повышения многообразия. Материя непрерывно видоизменяется качественно и усложняется, причем процесс этот происходит непрерывно в связи с необратимостью времени.

Введение функции $\mathcal{J}$ при толковании второго начала приводит нас, как видим, к весьма важным идеологическим результатам.

Особенно важно при этом то, что наряду с затуханием макропроцессов, что соответствует «тепловой смерти», мы имеем нарастание микропроцессов, интенсивность которых определяется функцией $\mathcal{J}$. Таким образом, материя, развиваясь во времени, качественно видоизменяется, эволюционируя от простых интегральных процессов с большими разностями потенциалов к сложным процессам, с преобладанием микромеханики.

Итак, материя, развиваясь, никогда себя вполне не повторяет. Одни ее свойства постепенно отступают на второй план, другие, наоборот, развиваются. В этом и состоит диалектика второго начала термодинамики.

О происхождении и значении аксиом геометрии*)

В. Молодший

Познание есть вечное, бесконечное приближение мышления к объекту.

Отражение природы в мысли человека надо понимать не «мертво», не «абстрактно», не без движения, не без противоречий, а в вечном процессе движения, возникновения противоречий и разрешения их.

Ленин.

Когда в последней четверти XIX столетия математика вступила в новый период исканий своих основначал, вновь возник вечно старый и вместе с тем вечно юный вопрос о происхождении и значении аксиом геометрии. На этот вопрос пытались ответить многие философы и математики; достаточно вспомнить работы Гельмгольца, Клейна, Ли, Пуанкаре и в особенности Гильберта.

Полученные ими положительные результаты составляют одно из важных достижений в этой области.

I. Происхождение аксиом геометрии

§ 1. Необходимость обоснования математики

Вопрос о происхождении аксиом геометрии является моментом более общего вопроса о законе развития оснований математики. Но что значит обосновать математику, и в зависимости от чего меняется ее обоснование?

В глубокой древности математика была собранием разрозненных сведений о простейших пространственных формах и числовых соотношениях. Скучному содержанию математики вполне соответствовала элементарная форма его обоснования: в лучшем случае «доказательство» геометрической «теоремы» на этой стадии развития сводилось к слову «смотри!»

Повидимому эмбриональный период развития математики был преодолен уже школой Пифагора: она дала имевшемуся в ее распоряжении фактическому содержанию математики некоторое обоснование, пытаясь вывести математику на путь теоретического развития; но это было обоснованием математики на идеалистической основе. Как всякая научная дисциплина, математика не может обойтись без соответствующего ее предмету теоретического обоснования. В задачу обоснования математики входят выяснение ее предмета и места в системе наук, изучение внутренней структуры и взаимосвязей различных математических дисциплин, раскрытие основных законов развития математики. Но все это не из одного только чисто теоретического «интереса». Обоснование математики должно преследовать действительную цель — на основе изучения существующих методов и выяснения их развития

*) Доклад, прочитанный на II всесоюзном математическом съезде в секции истории и философии математики. Доклад печатается в порядке обсуждения.

создать новые, более мощные методы исследования. Последняя цель особенно важна.

Не даром многие крупнейшие математики считали обоснование математики жизненным, если оно позволяло развить новые теории, решить ранее неразрешимые задачи.

Идя по пути теоретического развития, математика должна как бы «умерщвлять» свой предмет: она все больше и больше подразделяется на самостоятельные математические дисциплины, каждая из которых ветвится в свою очередь дальше. Так, анализ, основным предметом которого является понятие числовой функции и предельного перехода, подразделяется на дифференциальное и интегральное исчисление, дифференциальные уравнения, вариационное исчисление и другие дисциплины, хотя и связанные между собой, но изучающие эти понятия со стороны их особых свойств и форм.

Геометрия изучает пространство со стороны метрических, проективных, топологических и других свойств, что также обуславливает внутреннее подразделение геометрии, с соответствующим выделением дифференциальной геометрии, проективной геометрии и топологии.

Но наряду с усиливающейся дифференциацией в развитии математики имеется и обратное течение к синтезированию отдельных дисциплин. Не существует абсолютно изолированных друг от друга математических дисциплин: они все объединены общностью изучаемого математикой предмета; они все фактически обуславливают друг друга. Так, развитие дифференциальной геометрии совершенно не мыслимо без привлечения методов анализа бесконечно малых. Теория линейных интегральных уравнений теснейшим образом связана с алгеброй и общим учением о рядах функций. Точно так же взаимно обусловлено развитие алгебры с топологией¹⁾.

Энгельс в своем замечании о развитии из синтетической геометрии тригонометрии с гениальной ясностью отметил эту сторону развития математики²⁾.

Важным следствием взаимопроникновения математических дисциплин является необходимость изучения основных свойств и закономерностей развития математики в целом. С особой силой эта необходимость проявилась в конце XIX столетия, о причинах чего я скажу в дальнейшем. До этого же времени, как справедливо отмечал Кутюра, математика была собранием отдельных математических дисциплин, внутренние взаимосвязи которых в лучшем случае интуитивно использовались, но не осознавались до конца. Точнее, до последней четверти XIX столетия математики занимались изысканием основ начал либо отдельных математических дисциплин, самих по себе, либо отдельных групп этих математических дисциплин, не ставя себе общей задачи — обосновать начала и предмет математики в целом. Лишь в конце XIX столетия положение вещей изменилось. Возникли особые математические дисциплины в противоположность указанным выше, изучающие не отдельные совокупности математических объектов, а наиболее важные для всех этих групп понятия и закономерности их развития. В области анализа роль такой дисциплины играет теория функций действительно переменного, изучающая понятия функции и предельного перехода с точки зрения их наиболее общих свойств, причем базой здесь служит теория множеств. По отношению к геометрии роль теории множеств играют обоснования геометрии. Не в меньшей мере важна роль алгебры и топологии, так как подавляющее большинство основных математических соотношений имеет своей базой алгебраические и топологические соотношения.

¹⁾ Профессор П. С. Александров прочел на II всесоюзном математическом съезде доклад, посвященный выяснению взаимосвязей в развитии алгебры и топологии.

²⁾ Энгельс «Диалектика природы», стр. 121, 6-е изд.

Совокупность названных и им подобных дисциплин образует то, что я называю системой обоснования математики. Следовательно, система обоснования математики имеет своим предметом анализ наиболее общих свойств объектов современной математики; тем самым анализ общих методов математики включается в предмет самой математики; система обоснования выступает здесь как некоторая форма, в рамках которой развивается в дальнейшем фактическое содержание математики. Проникая в сущность фактического содержания математики, система обоснования дает и наиболее мощные методы его развития. Она позволяет оценить с единой точки зрения вновь открываемые факты, глубже разобраться во взаимосвязях и различиях математических дисциплин и взвесить относительную силу методов последних. Она предопределяет логику доказательства (и изложения) наличного содержания математики, развивая при этом понимание строгости доказательства. Таким образом, система обоснования является одной из частей математики, имеющей на некотором отрезке времени свое особое значение. Лишь с помощью системы обоснования математика оформляется как единая, целостная дисциплина.

Стоит лишь поставить вопрос: возможно ли развить такую систему обоснования математики, которая всеобъемлюще отразит общие соотношения, законы etc. как современного, так и будущего фактического содержания математики, чтобы стало ясно, что на него можно дать только отрицательный ответ. Методы математики развиваются вместе с ростом ее фактического содержания.

Многовековая история математики показывает, что на определенной ступени своего развития фактическое содержание математики неизбежно приходит в противоречие с существующей системой его обоснования. Фактическое содержание перерастает существующую систему обоснования, которая из фактора роста по мере углубления этого противоречия все более и более превращается в тормоз развития математики. Тогда неизбежно наступление периода перестройки, доработки или даже создания новой системы обоснования математики. Старая система при этом, как правило, не отбрасывается, а, так сказать, снимается; в своем положительном содержании она удерживается новой системой. Короче говоря, в развитии системы обоснования математики и ее фактического содержания осуществляется диалектическое взаимодействие на основе роста фактического содержания, обусловленного раньше всего практическими потребностями применения математических теорий.

В проявлении закона взаимодействия фактического содержания математики с системой ее обоснования есть одна существенная особенность, обусловленная содержанием предмета математики. В некотором смысле система обоснования математики обладает двойственной природой: с одной стороны, во всякой развитой форме системы обоснования существует часть, которая в свою очередь может быть названа фактическим ее содержанием, — таковы, например, аксиоматика, учение о множествах и т. п.; с другой стороны, на фактическом содержании самой системы обоснования строится общий взгляд на природу предмета математики. Он суммарно выражает характер и степень понимания математиками основных законов их «математического мышления» и особенностей предмета их наук и является тем моментом в развитии системы обоснования, который связывает математику с философией. Важность такой «надстройки» в системе обоснования непосредственно очевидна; только исходя из отчетливого ее понимания, можно развить систему обоснования, отвечающую современному ей уровню развития математики.

История математики знает много бурь и потрясений, обуславливавшихся каждый раз тем, что рост фактического содержания математики опрокидывал старую и создавал новую базу для развития новой системы ее обоснования. Но каждый раз сила потрясений была наибольшей тогда, когда новый фактический материал заставлял отказываться от такой «надстройки» в системе обоснования. В этом случае приходилось не только развить новую надстройку, но и, обратно, соответственно ей перестраивать как фактическое содержание системы обоснования, так и содержание математики в целом. Только после такой работы вновь представлялось возможным представить математику как целое, данное во всем богатстве взаимосвязей его фактического содержания, и развить более мощные методы исследования.

Математика только два раза коренным образом меняла «надстройку» в системе своего обоснования¹⁾. В первом периоде, датируемом от зарождения математики до XVI—XVII вв., основное содержание математики исчерпывалось арифметикой и геометрией Евклида, т. е. рассмотрением постоянных количеств с постоянными между ними отношениями. За эти рамки выходили только известные уже и в этом периоде начатки алгебры и анализа. Возникновение в XVII в. аналитической геометрии и анализа бесконечно малых положило начало второму периоду развития математики. Факты, известные до этого в началах алгебры и анализа, — исследование переменных количеств с постоянными между ними отношениями²⁾ — были поняти достаточно широко и привели к коренному изменению взглядов на предмет и общие методы математических исследований. Это привело к бурному развитию новых математических дисциплин, как то: дифференциальных уравнений, вариационного исчисления, дифференциальной геометрии и теории функций комплексного переменного, которые дали механике, физике и астрономии прекрасные методы изучения форм движения материи, т. е. то, о чем не смея мечтать математика в первом периоде своего развития. Потребности в развитии все более и более мощных методов исследования привели к тому, что с конца XIX столетия стали рассматривать как переменные не только изучаемые количества (объекты), но и отношения между ними³⁾. И на основе этого выросла новая «надстройка», первым выражением которой явилась теоретико-множественная точка зрения на предмет математики, которая привела к еще более крутой перестройке и более бурному развитию математики, чем это имело место в XVII и XVIII веках. Ближайшим следствием теоретико-множественного подхода к проблемам математики явилось новое обоснование классического анализа. Но самым основным достижением явилось развитие базирующихся на новых идеях исключительно общих и мощных методов исследования, проникновение которых в математику привело как к зарождению новых, так и к исключительно бурному развитию ранее существовавших математических дисциплин. Общее учение о множествах, теория функций действительного переменного, топология и функциональный анализ — вот те основные дисциплины, развитие которых целиком связано с теоретико-множественным обоснованием математики. Общеизвестно также, что многочисленные проблемы дифференциальных уравнений, вариационного исчисления, интегральных уравнений, теории вероятностей и даже теории чисел или не могут быть решены или сужаются до крайности без применения методов, базирующихся на теоре-

¹⁾ Подробно останавливаться на этом вопросе я не буду; желающим с ним познакомиться подробнее рекомендую прочесть статьи проф. Яновской, Колмогорова, Александрова, Куроша в журнале «Фронт науки и техники» № 5—6 за 1934 г.

²⁾ Что равносильно исследованию некоторых постоянных отношений (закон как «спокойное» в изменении).

³⁾ Что равносильно исследованию связи между законами.

тико-множественном обосновании математики. Так например теория интегральных уравнений получает общность только при применении интегралов Лебега и Стильтьеса, и т. д. Наконец, в третьем периоде развития математики создалась объективная основа к разработке единой системы обоснования математики, чего на предшествующих этапах своего развития математика была лишена.

С целью конкретизировать высказанные мною общие соображения, а главное, для того чтобы проиллюстрировать их специально на развитии основ геометрии, я остановлюсь несколько на основных моментах взаимодействия между ростом фактического содержания геометрии и развитием науки об ее основах—аксиоматики.

§ 2. Основные исторические предпосылки современной аксиоматики геометрии

После пифагорейской школы развитие математики в древней Греции характеризовалось исключительным ростом фактических знаний как в области арифметики и алгебры, так и по преимуществу в области геометрии. Достаточно напомнить, что начиная с V века до нашего летоисчисления древнегреческие математики занимались идеей бесконечности. Материалист Демокрит, элонец Зенон и многие математики анализируют проблему бесконечности и закладывают первые камни здания анализа бесконечно малых.

Растущие знания требовали все лучше и лучше отвечающей им системы обоснования. Пифагор, Демокрит, Зенон, Эвдокс — все направляют внимание на разработку основоначал математики, в первую очередь геометрии. Каждый из них дал много для научного обоснования математики. Но наиболее цельная и последовательная система аксиоматического обоснования геометрии (из дошедших до нас) содержится лишь в «Началах» Евклида.

Можно спорить о причинах, обусловивших систему «Начал»; несомненным, повидимому, остается одно: Евклид стремился дать строго дедуктивную систему геометрии и лучше чем кто-либо из его предшественников и современников преуспел в этом направлении.

Фундаментом «Начал» служат описания основных пространственных образов (которые сам Евклид называет определениями)—постулаты и аксиомы; все остальное содержание «Начал» в той или иной степени является логическим следствием развития этих посылок.

Для нас достаточно подчеркнуть две особенности «Начал»:

1. Определения Евклида допускают одну и только одну интерпретацию, в которой нетрудно усмотреть идеализированные образы наших элементарных пространственных представлений.

2. Постулаты и аксиомы Евклида неразрывно связаны с его определениями; они выражают основные свойства и отношения между пространственными формами, описанными в определениях.

Ближайшим следствием такого взгляда на предмет геометрии было признание геометрии Евклида единственно возможным учением о пространстве.

В течение более чем двух тысяч лет, вплоть до XIX в., эти основные предпосылки «Начал» Евклида не претерпели сколько-нибудь существенных видоизменений. Архимед пополнил список постулатов «Начал». Комментаторы накопили большой материал по вопросу об эквивалентности аксиом геометрии и развили критическое отношение к основоначалам геометрии Евклида. Математики XVII и XVIII вв. включили в геометрию исключительное богатство фактического содержания. Но для всех попрежнему «Начала» были непревзойденным образцом дедуктивного обоснования геометрии. Луч-

ше всего это можно усмотреть в геометрии Лежандра, который в основных посылах не ушел ни на шаг от Евклида.

Только XIX столетие преодолело основные методологические предпосылки аксиоматики Евклида.

Главные усилия комментаторов были направлены на доказательства V постулата Евклида. «Исходя из всех постулатов и аксиом Евклида, доказать V постулат!»—так ставили проблему комментаторы.

В решении этой проблемы крупных результатов достигли Саккери, Ламберт и Лежандр.

Так как, исключив V постулат относительно суммы углов четырехугольника, можно высказать три взаимоисключающих предположения:

$$S < 4d, S = 4d, S > 4d,$$

и так как второе предположение ($S = 4d$) эквивалентно V постулату, то Саккери и Ламберт¹⁾ надеялись доказать, что присоединение первой и третьей «гипотез» к остальным постулатам и аксиомам Евклида приведет к противоречию, откуда следовало бы доказательство V постулата. Очень тонкими рассуждениями они обнаружили, что присоединение третьей «гипотезы» ведет к противоречию. Но никакие усилия не привели Саккери, Ламберта и Лежандра к подобному же заключению о первой «гипотезе». Саккери чувствовал, что получаемые в предположении первой «гипотезы» результаты не содержат в себе противоречия. Но он отказался и от первой «гипотезы», так как одним из ее следствий было доказательство возможности асимптотического сближения прямых линий, что, по мнению Саккери, противоречило «природе прямой линии». Пример Саккери показывает нам, как некогда прогрессивная основа (методологические предпосылки, т. е. «надстройка») аксиоматики Евклида превратилась в свою противоположность, оказала регрессивное влияние, не позволив ему развить геометрию гиперболического пространства. Лежандр также не достиг цели, ибо он, как и многие, ввел в анализ предположение, эквивалентное V постулату. Только Ламберт оказался способным, хотя бы на словах, преодолеть устаревшие, ставшие тормозами развития геометрии обычные предпосылки аксиоматики Евклида. Основываясь на неудаче попыток отвергнуть первую «гипотезу», Ламберт пришел к мысли о возможности другой геометрии, отличной от геометрии Евклида. Он дерзнул высказать мысль, что не одной геометрии Евклида «дано» копировать природу пространства.

Однако бесплодность многочисленных попыток доказать V постулат, строгость и стройность результатов, получаемых в предположении первой «гипотезы», привели (и укрепили) Лобачевского в мысли о существовании геометрии, отличной от евклидовой. В 1826 г. он выступил с изложением основных принципов новой геометрии, как мы теперь говорим, — геометрии гиперболического пространства.

Лобачевский был не одинок: почти одновременно с ним гиперболическую геометрию открыли Гаусс и И. Болье.

Все основное в содержании новой геометрии было открыто Лобачевским и И. Болье, так как они не ограничились анализом начальных данных гиперболической геометрии, но и развили ее метрику.

В геометрии Лобачевского — Болье все кажется необычным, а с точки зрения «непосредственного» восприятия пространства — даже «неестественным». В природе существует абсолютная постоянная; площадь любого треугольника не может превзойти некоторой постоянной величины, сумма углов треугольника — величина переменная, меньшая $2d$, и притом способная стать равной нулю — таковы некоторые выводы геометрии Лобачевского.

¹⁾ Лежандр рассматривал три гипотезы относительно суммы углов треугольника.

Так, впервые в истории три гениальных математика «дерзнули» считать геометрию Евклида не единственно возможным учением о пространстве и развили новое учение о пространстве — гиперболическую геометрию.

Если бы современники Лобачевского — Болье поняли значение их открытия, они, по всей вероятности, обратились бы не только к разработке идей гиперболической геометрии, но и занялись бы анализом основначал геометрии в целом.

Но их современники этого не сделали. Когда Лобачевский и И. Болье опубликовали свои работы, в научном мире они не встретили никакого отклика. Даже Гаусс считал невозможным выступить в защиту нового учения, несмотря на то что он был одним из его творцов. Отвечающая обычным, повседневым представлениям пространства, дающая базу механике Ньютона и являющаяся орудием повседневной и научной практики, освященная столетиями и философией Канта, геометрия Евклида попрежнему казалась естественным, единственно возможным учением о пространстве. Наоборот, геометрия Лобачевского — Болье, как казалось, не только не давала никакой базы для механики и практики, но вела и к недоразумениям, коль скоро пытались связать ее выводы с наглядными, принятыми Евклидом представлениями о прямой и плоскости. На основании этого делался вывод, что геометрия Лобачевского — Болье не имеет никаких данных, для того чтобы претендовать на степень достоверности евклидовой геометрии. Основу этих возражений нетрудно усмотреть: развив математически безупречное учение о гиперболическом пространстве, Лобачевский — Болье не нашли тех объектов, пространственные формы которых отражались бы их геометрией. Благодаря этому они ничего, кроме логической безупречности их учения, не могли противопоставить своим противникам.

Потребовались новые усилия, чтобы разбить силу привычки мыслить, опираясь только на образы «Начал», исходить от методологических предпосылок аксиоматики Евклида, сдвинуть и направить творческую энергию ученых на разработку идей неевклидовых геометрий.

В 1827 г. Гаусс опубликовал мемуар под названием «Общие исследования о кривых поверхностях». Данные в этом мемуаре методы привели к развитию дифференциальной геометрии и послужили орудием Бельтрами и Риману.

Занимаясь вопросами картографии, Бельтрами обнаружил, что на участках поверхностей постоянной отрицательной кривизны осуществляется планиметрия Лобачевского — Болье. При этом роль прямых линий на этих поверхностях играют геодезические линии. Значение работ Бельтрами заключается в первую очередь в том, что они показали реальные образы, пространственные формы которых отражаются планиметрией Лобачевского — Болье. Стало ясным, что геометрия Евклида является не единственной наукой, дающей правильное описание пространственных форм материальной действительности, и потому постепенно отошли в прошлое все возражения против геометрии Лобачевского — Болье. Эти соображения сыграли важную роль как в развитии геометрии в целом, так и в философском осмысливании полученных результатов.

Идеи Бельтрами получили особое значение в свете работы Римана «О гипотезах, лежащих в основании геометрии». Используя, как и Бельтрами, методы Гаусса и исходя от значительно более широкого понятия пространства, Риман развил особую геометрию, в которой отрицаются суще-

ствование параллельных линий и аксиома об однозначном определении прямой линии двумя точками.

Риман показал, что три геометрии: Евклида, Лобачевского — Болье и та, которую он открыл сам,—представляют частные случаи общего учения о пространстве постоянной кривизны. Если кривизна $= 0$,—мы имеем геометрию Евклида; если кривизна постоянна и больше нуля,—мы приходим к геометрии Римана, наконец, если кривизна постоянна и меньше нуля,—мы получаем геометрию Лобачевского — Болье.

Только после блестящих открытий Римана и Бельтрами начинается детальная разработка неевклидовых геометрий, а вместе с ними и геометрии в целом. Кели, Клейн, Гельмгольц, Ли, Пуанкаре и др. закладывают первые этажи величественного здания современной геометрии¹⁾. Одним из важнейших результатов этой работы для аксиоматического обоснования геометрии было развитие имеющейся уже у Бельтрами идеи интерпретации, которая преодолела вторую методологическую предпосылку «Начал»,—веру в неразрывную связь между определениями и аксиомами.

Когда в геометрии Лобачевского — Болье мы говорим о плоскости, прямой, треугольнике и т. п., то, воспитанный на образах евклидовой геометрии человек склонен и образы геометрии Лобачевского — Болье трактовать в духе, унаследованном от геометрии Евклида. Однако Бельтрами показал, что плоскость Лобачевского — это поверхность постоянной отрицательной кривизны, прямые — геодезические линии этой поверхности и т. д. И так как аксиоматика геометрии Лобачевского — Болье отличается от аксиоматики геометрии Евклида только аксиомой о параллельных, то, пусть недостаточно отчетливо, все же становилось ясно, что аксиомы геометрии не неразрывно связаны с одной системой пространственных форм.

Последующие исследования целиком подтвердили это предположение. Оказалось, что не только различные геометрические системы отражают различные системы пространственных форм, но что и каждая в отдельности геометрическая система отражает пространственные формы различных многообразий объектов. Каждое из таких многообразий пространственных форм, которые отражаются данной геометрией, стали, следуя Бельтрами, называть интерпретацией этой геометрии.

Возьмем, например, геометрию Евклида. Неизоэренное пространственное представление связывает основные понятия этой геометрии с идеализированными образами ребра линейки, натянутой нити (прямая), конца ребра линейки (точка) и, скажем, поверхности стола, доски (плоскость) и т. п. Но эти объекты не единственные, пространственные формы которых отражаются во взаимосвязях геометрией Евклида. Современная математика может указать на ряд множеств объектов, совершенно не похожих друг на друга, отношения между пространственными формами которых отражаются, однако, той же геометрией Евклида. Из числа таких систем объектов одной из простейших можно считать систему, указанную Пуанкаре, — я говорю о связке сфер и окружностей, рассматриваемых в том же пространстве Евклида. Так же легко указать систему объектов евклидова пространства, основные отношения между которыми будут выражаться аксиомами геометрии Лобачевского — Болье. Планиметрия пространства Римана (сферического) есть не что иное, как сферическая геометрия²⁾, и т. п.

¹⁾ Однако и их работы долгое время не могли убедить людей, знающих философию, но не знающих математики. (См. Н. Г. Чернышевский «Литературное наследие». Т. II. «Письма», стр. 476—500).

²⁾ Конечно, при одном условии: две точки сферы, диаметрально противоположные, не должны быть рассматриваемы, как различные. Обо всем этом см. В. Ф. Каган «Основания геометрии». Т. II, Одесса. 1907.

Наконец, Гельмгольц показал, что система цветов спектра удовлетворяет аксиомам геометрии Евклида; тем самым было установлено, что пространственные формы являются не единственно возможными интерпретациями геометрических систем. Стало быть, в природе существуют качественно различные системы объектов, отношения между которыми (или между пространственными формами которых) могут быть отражены, описаны одной геометрией. Следовательно, аксиомы геометрии имеют переменное содержание, благодаря чему их нельзя неразрывно связывать с определениями в смысле описаний.

В порядке вызревания идеи интерпретации становилась ясной необходимость коренной переработки аксиоматики как евклидовой геометрии, так и геометрии в целом. Задача переработки диктовалась потребностями самой геометрии: не отвечающие разросшемуся фактическому содержанию геометрии методологические предпосылки аксиоматики Евклида делали ее тормозом развития геометрии. Кроме того рост отдельных геометрических дисциплин, например геометрии положения, а также и проблематика анализа (Вейерштрасс, Кантор и Дедекинд) с несомненностью показывали неполноту аксиоматики Евклида, что также не могло не усилить потребности в переработке аксиоматики геометрии. Но если вплоть до второй половины XIX в. всегда существовавшая проблема аксиоматического обоснования геометрии неизменно отождествлялась с проблемой улучшения аксиоматики Евклида, то теперь она стала проблемой ее преодоления. Она стала проблемой разработки такой аксиоматики геометрии, которая, держа полный для современного ей уровня геометрии список аксиом, полностью отвечала бы идее интерпретации. Новая аксиоматика не должна была связывать свои основные положения с обычными наглядными представлениями, но должна была придать им характер форм с переменным содержанием, как того требовала идея интерпретации.

Первые попытки решить эту проблему относятся к 80-м годам прошлого столетия и связаны с анализом аксиоматики геометрии положения. В первую очередь тут надо указать на работы Паша¹, который пополнил список аксиом Евклида аксиомами порядка, ставшими теперь неотъемлемой частью синтетической и проектной геометрии. Эти аксиомы в «Началах» Евклида отсутствовали и, если в них была необходимость, считались само собой разумеющимися. К этому времени относится начало изысканий о постулате непрерывности, что было связано с развитием теоретико-множественного обоснования анализа. Впоследствии целые школы геометров, в особенности итальянская, во главе с Пеано, занимались разработкой аксиоматики геометрии. Результаты их изысканий составили фундамент к построению современной аксиоматики геометрии. Но только Клейн и Пиери впервые сформулировали как проблему самое важное для современной аксиоматики геометрии — я говорю о доказательстве непротиворечивости аксиом геометрии. Впервые задача разработки новой аксиоматики была в первом приближении, но целиком решена Д. Гильбертом.

II. Значение аксиом геометрии

Переходя к вопросу о значении аксиом геометрии, позволю себе сделать несколько предварительных замечаний.

Ограничив себя выяснением объективного в содержании современной аксиоматики геометрии, я сосредоточу главное внимание как на логике ее развития, так, по преимуществу, и на значении ее для развития геометрии.

¹) «Vorlesungen über neuere Geometrie». 1882.

Об идеалистической трактовке вопроса о значении аксиом геометрии скажу дальше.

Я буду иллюстрировать развиваемые мною положения примерами, преимущественно заимствованными из «Оснований геометрии» Гильберта. Такой выбор не случаен: я не знаю ни одной книги по основаниям геометрии, в которой с такой же силой и всеобъемлемостью, как в этой книге Гильберта, были бы отражены все моменты логического развития современного аксиоматического обоснования геометрии.

§ 3. Цели современного аксиоматического обоснования геометрии

В 1899 г. Д. Гильберт опубликовал книгу «Grundlagen der Geometrie», которая определила на многие годы направление работ в области аксиоматического обоснования геометрии.

Даже при беглом ознакомлении с содержанием этого труда Гильберта легко обнаружить, что, по существу, автор ставил себе задачей развить аксиоматику пространства Евклида, которая удовлетворяла бы следующим, взаимно связанным условиям:

1. Система аксиом должна удовлетворять идее интерпретации.
2. Система аксиом должна быть полной.
3. Система аксиом должна создавать базу для познания сходства и отличия пространства Евклида от неевклидовых (гиперболического, эллиптического, неархимедова и т. д.).
4. На некотором этапе своего развития аксиоматика должна обращаться в метод исследования в геометрии. Последняя задача имела несколько относительный смысл: требовалось развить аксиоматику более действенной силы чем аксиоматика Евклида и других исследователей.

§ 4. Элементы и аксиомы геометрии

Современное аксиоматическое построение теории начинается с установления системы аксиом, рассматриваемой обособленно от фактического содержания геометрии.

Форма и степень обособления аксиоматики от геометрии зависит от «надстройки» в системе обоснования геометрии. Исходя из методологических предпосылок Евклида, совершенно не приходится говорить об обособленности аксиом от геометрии. Наоборот, у Гильберта и его последователей, исходящих от познанной идеи интерпретации, обособление аксиом от геометрии достигает максимальной силы, благодаря чему аксиоматика выступает самостоятельным учением. Именно в самостоятельности — основа действенной силы современной аксиоматики геометрии.

Гильберт начинает изложение «Оснований» на первый взгляд исключительно формальным утверждением: «Мы,—пишет он,—мыслим три различные системы вещей: вещи первой системы мы называем *точками* и обозначаем их *A, B, C...*, вещи второй системы мы называем *прямыми* и обозначаем их *a, b, c...*, вещи третьей системы мы называем *плоскостями* и обозначаем их, $\alpha, \beta, \gamma...$ »

«Мы мыслим точки, прямые, плоскости,—продолжает Гильберт,—находящимися в известных взаимных отношениях, и обозначаем эти отношения словами «лежит», «между», «параллельный», «конгруэнтный» и «непрерывный»¹.

Не довольствуясь таким, связанным с традиционной терминологией гео-

¹) Гильберт «Основания геометрии», русский перевод, стр. 2.

метрии формальным заданием элементов и отношений между ними, современные авторы, в том числе и сам Гильберт (D. Hilbert und P. Bernays «Grundlagen der Mathematik». Berlin. 1934), задают элементы и аксиомы геометрии на языке математической логики.

Идея интерпретации должна нам подсказать, что такой формализм имеет объективное значение. Аксиомы задаются теперь как формы с переменным содержанием, как допускающие множество интерпретаций описания отношений между изучаемыми геометрией объектами. Этим решается упомянутая выше первая задача современного аксиоматического обоснования геометрии.

В «Основаниях геометрии» Гильберт распределяет аксиомы евклидовой геометрии на пять групп:

- I₁₋₃ — аксиомы сочетания,
- II₁₋₄ — аксиомы порядка,
- III₁₋₅ — аксиомы конгруэнтности,
- IV — аксиома параллельности,
- V₁₋₂ — аксиомы непрерывности.

Первая и третья группы аксиом, а также четвертая аксиома имеются и у Евклида. Гильберт уточнил и пополнил содержание этих групп аксиом. Вторая группа аксиом — детище конца XIX в.; ее впервые разработал Паш. Выделяется пятая группа аксиом. На первом месте стоит известная аксиома Архимеда. Вторая и последняя аксиома пятой группы — аксиома полноты. Введение вместо обычной аксиомы непрерывности Дедекинда аксиомы Архимеда и аксиомы полноты вызвано двумя соображениями: во-первых, аксиома Архимеда позволяет естественнее перейти от аксиоматики пространства Евклида к аксиоматике неархимедова пространства; во-вторых, аксиома полноты позволяет яснее представить идею интерпретации.

Впоследствии система аксиом Гильберта подвергалась изменению как самим Гильбертом, так и другими исследователями в двух направлениях. Вначале в аксиоматику Гильберта вносились изменения, направленные на исключение из списка аксиом всех предложений, которые могут быть доказаны с помощью оставшихся аксиом. Далее следовали исследования, выясняющие взаимную независимость аксиом Гильберта. В этом направлении главные результаты принадлежат Пеано, Шуру, Веблену, Пиери и Кагану. Но развитие проективной геометрии и в особенности топологии показало, что аксиоматика Гильберта далека от совершенства и в других отношениях. Дело в том, что в аксиоматике Гильберта аксиомы топологические не отделены ни от проективных, ни от метрических, благодаря чему их неудобно использовать в топологии. Тем самым была поставлена и по-сейчас целиком не решенная задача разработки аксиоматики евклидовой геометрии с разделенными в ней топологическими, проективными и метрическими аксиомами. В этом направлении интересные результаты (относящиеся к проективной геометрии) получил А. Колмогоров.

§ 5. Взаимная непротиворечивость и независимость аксиом

Когда задана система аксиом как система форм с переменным содержанием, задача аксиоматического обоснования геометрии вступает во вторую стадию развития, оборачивается: возникает проблема, существует ли хоть одна система математических объектов, отношения между которыми отражаются заданной системой аксиом (задача выполнимости).

Но что значит существовать в математике?

На этот труднейший для математики вопрос целиком я отвечать не буду, ограничусь некоторыми общими замечаниями, необходимыми для выяснения значения аксиом геометрии.

Как и во всякой науке, в математике имеет право на существование то, что отражает в конечном счете какую-либо сторону материальной действительности. Следовательно, критерием истины математических теорий, как и любых научных теорий, в конечном счете является практика: «Человек идет к объективной истине через «практику»¹⁾.

Это одно из основных положений диалектического материализма идеалисты-математики пытаются дискредитировать, трактуя его грубо-эмпирически, как требование «примерять наглазок» тождество понятий математики с объектами внешнего мира, как игнорирование материализмом роли логики в развитии математики.

Нет нужды доказывать, что диалектический материализм отнюдь не предполагает точки зрения тождества научных понятий с действительностью. Против такого понимания говорит лежащая в основе диалектического материализма теория отражения.

Точно так же диалектический материализм не отрицает роли логики в развитии математики, и Ленин придавал большое значение логике для развития наук.

«Логика, — писал Ленин, — есть учение не о внешних формах мышления, а о законах развития «всех материальных, природных и духовных вещей», т. е. развития всего конкретного содержания мира и познания его, т. е. итог, сумма, вывод и с т о р и и познания мира²⁾. Таким образом, логика играет большую роль в процессе научного знания, в частности математики, даже больше того: без логики невозможно научное познание предмета. Диалектический материализм вовсе не отбрасывает и не фетишизирует, а об'ясняет значение логики для развития науки, в том числе математики.

Столь же определенно о роли логики высказался и Энгельс:

«Над всем нашим теоретическим мышлением, господствует с абсолютной силой тот факт, что наше субъективное мышление и объективный мир подчинены одним и тем же законам и что поэтому они не могут противоречить друг другу в своих конечных результатах, а должны согласоваться между собой. Факт этот является бессознательной и безусловной предпосылкой нашего теоретического мышления»³⁾.

Основываясь на этом заключении, Энгельс прямо говорил, что «если наши предпосылки верны и если мы правильно применяем к ним законы мышления, то результат должен соответствовать действительности точно так же, как вычисление в аналитической геометрии соответствует геометрическому построению, хотя то и другое являются совершенно различными методами»⁴⁾. «Но, — продолжает Энгельс, — к сожалению, этого почти не бывает, или это достигается лишь в совершенно простых действиях»⁵⁾.

Хотя Энгельс говорит здесь о роли диалектической логики, но сказанное им относится и к формальной логике. Формальная логика не бессодержательна, и она не отбрасывается, а снимается материалистической диалектикой. «Формальная логика, — говорит Энгельс, — представля-

¹⁾ Ленинский сб. IX, стр. 219, изд. 2-е.

²⁾ Там же, стр. 23.

³⁾ Энгельс «Диалектика природы», стр. 75, 6-е изд.

⁴⁾ Энгельс, «Анти-Дюринг», стр. 269, 6-е изд.

⁵⁾ Там же.

ет прежде всего метод для отыскивания новых результатов, для перехода от известного к неизвестному, и то же самое, только в гораздо более высоком смысле, представляет диалектика, которая к тому же содержит в себе зародыш более широкого мировоззрения, так как она прорывает тесный горизонт формальной логики¹⁾.

Из сказанного о существовании в математике следует, что если, задав какую-либо систему аксиом, мы сможем указать систему объектов или образовать совокупность правильных (существующих в математике) математических объектов, отношения между которыми выражаются нашей системой аксиом, то это значит, что наша система аксиом правильна.

Правильную систему аксиом справедливо называют непротиворечивой; нельзя придти к формально-логическому противоречию, если правильно рассуждать о правильных математических объектах, что возможно лишь в случае правильности исходной системы аксиом. Гарантией же правильности системы аксиом является существование математических объектов, относительно которых оказывается справедливой заданная система аксиом. Поэтому считают систему аксиом правильной, непротиворечивой, если существуют математические объекты, отношения между которыми выражаются этой системой аксиом.

Только что приведенное определение непротиворечивости, однако, не избавляет от необходимости проверять истинность математических теорий в непосредственной практике. Действительно, в предположении аксиоматического обоснования всей математики, учение о непротиворечивости ставит истинность каждой системы аксиом в безусловную зависимость от существования, по крайней мере, одной системы объектов, ей удовлетворяющих, т. е. от истинности другой системы аксиом. Значит, в конце концов для какой-либо системы аксиом доказательство ее непротиворечивости должно быть осуществлено вне математики. Такой системой должна быть система аксиом арифметики²⁾. Frege пытался доказать непротиворечивость системы аксиом арифметики посредством сведения вопросов о ее непротиворечивости к вопросу о непротиворечивости формальной логики, однако этому помешали открытые Russell'ем и другими парадоксы в области формальной логики и общей теории множеств. Они закрыли возможность использования предложенного Frege пути. Бесплодность многочисленных попыток доказать с помощью формальной логики непротиворечивость системы аксиом арифметики заставила некоторых исследователей, в том числе и Гильберта, поставить вопрос о возможности использования для этой цели объектов действительности. Немногие, например Gonseth, на этот вопрос ответили утвердительно. Однако Гильберт считает и этот путь не приводящим к цели. Для доказательства непротиворечивости системы аксиом арифметики необходимо существование бесчисленного множества объектов; по мнению же Гильберта, в действительности ничего бесконечного нет, почему, с его точки зрения, и «вопрос о существовании бесконечного множества не может быть решен апеллирующей к объектам, лежащим вне математики, но должен быть решен внутри самой математики»³⁾. Поэтому Гильберт считает необходимым вновь искать решения проблемы непротиворечивости системы аксиом арифметики средствами формальной логики. С мнением Гильберта согласиться ни в коем случае нельзя: он вынужден постулировать арифме-

¹⁾ Энгельс «Анти-Дюринг», стр. 95, 6-е изд.

²⁾ Это утверждение, базирующееся на практике математических исследований, содержит в скрытом виде гипотезу: если система аксиом непротиворечива, то существует система объектов арифметической природы, удовлетворяющая этой системе аксиом.

³⁾ D. Hilbert und P. Bernays «Grundlagen der Mathematik», S. 17.

тику натурального числа, как обоснованную особой способностью нашего духа — наглядным созерцанием, между тем как правильность арифметики натурального числа также доказана тысячелетиями практической человеческой деятельности. Кроме того если бы и удалось свести доказательства непротиворечивости арифметики к формальной логике, то и тогда вопрос еще не был бы решен до конца: непротиворечивость последней пришлось бы подтвердить экспериментально. По существу, можно сказать, что без фактически построенного примера невозможна никакая общая теория. Последняя есть не только созерцание, но раньше всего действие, и притом не над бесплотными «духами» наглядного созерцания, как это представляют себе интуитционисты, а над реально заданными объектами, ибо мысленный эксперимент возможен лишь как отражение действительного.

Именно потому, что непротиворечивость в конечном счете всегда означает выполнимость, доказательство непротиворечивости некоторой системы аксиом дает нам уверенность в правильности получаемых из этих аксиом заключений в применении к удовлетворяющим данной системе аксиом объектам. Если непротиворечивость есть следствие выполнимости, то, наоборот, противоречивость формальной системы аксиом свидетельствует об ее невыполнимости. В противном случае два противоречащих друг другу положения без борьбы, без какого бы то ни было изменения или развития, спокойно сосуществовали бы одно наряду с другим, и наша логика оказалась бы совершенно бесплодной. Ибо из внутренне-противоречивой системы аксиом вытекает как следствие правильность любого утверждения, т. е. отождествление истины с ложью. Так как в действительности это не имеет места, то из противоречивости некоторой системы аксиом мы делаем вывод о несовместимости их друг с другом.

Когда доказана непротиворечивость некоторой системы аксиом, возникает важный для аксиоматического метода и выяснения сущности аксиом вопрос об их взаимной независимости.

Установить независимость аксиомы A от других аксиом непротиворечивой системы аксиом — значит доказать непротиворечивость другой системы аксиом, отличающейся от первоначальной только одной аксиомой, противоположной A . Следовательно, из выполнимости системы аксиом, содержащей вместо аксиомы A противоположную ей, следует независимость аксиомы A от остальных аксиом системы.

Вейль считает решение вопросов о взаимной независимости аксиом скорее желательным чем обязательным¹⁾. Целиком согласиться с мнением Вейля нельзя. Доказательство независимости аксиом является одним из важнейших моментов развития современного аксиоматического метода. Вейль частично прав только в отношении задачи развития внутреннего содержания непротиворечивой системы аксиом; для доказательства теорем одной геометрии важнее всего непротиворечивость исходной системы аксиом. Но знание взаимной независимости аксиом позволяет яснее представить роль каждой аксиомы в доказательстве тех или иных теорем геометрии.

Будучи обосновано, учение о непротиворечивости позволяет подойти к оценке границ современного аксиоматического обоснования математики, в частности геометрии, т. е. ясно представлять себе границы открываемых аксиоматическим методом возможностей отыскания новых фактов в геометрии. На этом вопросе, очевидно, имеющем для нас принципиальное значе-

¹⁾ Г. Вейль «О философии математики». ГТТИ. 1934.

ние, я остановлюсь подробнее. Конкретно я разберу три момента, ограничивающих действенную силу аксиоматического метода.

Допустим, что при каком-либо исследовании оказалось целесообразным образовать систему, состоящую из n аксиом. Для использования образованной системы аксиом сперва необходимо доказать ее непротиворечивость. Обычно знают, что входящие в эту систему $n-k$ аксиомы совместны, т. е. образуют непротиворечивую систему аксиом. Поэтому вопрос о непротиворечивости ставят так: из всех систем объектов, подчиняющихся $n-k$ аксиомам, найти хотя бы одну, подчиняющуюся всем n аксиомам. Как ни ясна такая постановка задачи, однако практика математических исследований показывает, что сплошь и рядом решение ее представляет исключительные трудности.

В современной математике вопрос о невозможности решения каких-либо задач играет выдающуюся роль. С аксиоматической точки зрения этот вопрос эквивалентен проблеме доказательства противоречивости некоторых систем аксиом. Например, проблему Ферма можно заменить задачей доказательства противоречивости системы аксиом, составленной из аксиом арифметики целых чисел и аксиомы, содержащей утверждение, противоположное теореме Ферма. Представим себе, однако, как это имеет место в случае проблемы Ферма, что фактически полученные нами следствия из так образованной системы аксиом не содержат еще противоречия. Нельзя ли в таком случае—по аналогии с доказательством непротиворечивости—искать решения проблемы в не этой системы аксиом и ее следствий, на путях ее интерпретаций?

Итак, допустим, что какие-нибудь данные заставляют предположить противоречивость (несовместность) исследуемой системы аксиом. Допустим, далее, что сколько бы мы ни брали правильных областей объектов, каждый раз в этих областях исследуемая система аксиом не осуществляется, а потому и ведет к противоречиям. Можем ли мы считать получающиеся противоречия достаточным доказательством противоречивости (несовместности) исследуемой системы аксиом? Очевидно, нет: наше доказательство могло бы быть признано строгим только в том случае, если бы мы доказали, что нет ни одной области объектов, отношения между которыми могут быть описаны исследуемой системой аксиом. Ясно, однако, что последнее положение не может быть доказано непосредственной «примеркой» всех правильных систем объектов к исследуемой системе аксиом. Поэтому противоречивость некоторой системы аксиом приходится доказывать непосредственно путем действительного приведения к противоречию. Обычный метод при этом таков.

Пусть исследуемая система содержит n аксиом. Для достижения цели сперва стараются доказать непротиворечивость системы из $n-k$ аксиом, выбранных целесообразно из исследуемой системы. Если, далее, удастся показать, что присоединение $(n-k+1)$ -й аксиомы исследуемой системы ведет к противоречию, то цель достигнута. Действительно, если бы существовала область объектов, отношения между которыми описывались бы исследуемой системой из n аксиом, то мы могли перенести на нее изоморфно все выводы из $n-k+1$ аксиом вплоть до полученных противоречий.

Чтобы доказать противоречивость некоторой системы аксиом, надо явно показать, что эта система аксиом приводит к (формальному) противоречию. Это противоречие в каждом отдельном случае должно быть фактически получено, и никаких универсальных, общих методов его обнаружения аксиоматический метод как таковой не содержит.

Аксиоматический метод предполагает, что относительно любого матема-

тического объекта a можно сказать, подчиняется или не подчиняется он некоторой известной, уже непротиворечивой системе аксиом; без положительного ответа на этот вопрос ни о каких правильных заключениях об a не может быть и речи. Однако легче предполагать возможность ответа на такой вопрос, чем дать такой ответ. Трудности особенно возрастают, когда мы начинаем рассматривать математические понятия в их взаимосвязях, в их развитии. Каждый раз, когда из старых математических понятий развиваются новые, не сводящиеся к старым, т. е. подчиняющиеся какой-то пока неизвестной нам системе аксиом, мы должны оставить аксиоматический метод исследования и рассматривать эти понятия сами по себе. Мы должны изучить своеобразие свойств новых понятий, и только после этого вновь создается возможность аксиоматического их изучения; в этом случае мы идем не от аксиом к новым понятиям, а, наоборот, от новых понятий к новым аксиомам. Чтобы сделать сказанное ясным, приведем нижеследующий пример:

До начала XIX в. математики не ставили вопроса о сходимости бесконечных рядов, оперируя с ними как с простыми алгебраическими суммами. Однако вскоре заметили, что такое, ни на чем не основанное предположение ведет к противоречиям, так как в зависимости от порядка членов некоторых рядов их «сумма» принимала различные числовые значения. Что мог сказать аксиоматический метод по существу этого противоречия? По существу он нам не мог ничего раскрыть. Он мог бы лишь сказать, что либо неправильны исходные предпосылки либо же следует отбросить, как неверное, новое понятие. Напрасно было бы искать в самом аксиоматическом методе указаний на то, как следует изменить новое понятие, чтобы сохранить, с одной стороны, все богатство получаемых с его помощью правильных следствий, исключив, с другой — возможность неверных выводов.

Аксиоматический метод, конечно, являлся также неспособным предугадать, что понятие бесконечного ряда обладает более глубокими, качественно своеобразными свойствами, отличными от свойств алгебраических сумм. Между тем такое изменение понятия «суммы» в применении к бесконечным рядам было сделано Риманом на основе изучения бесконечных рядов в их развитии и оказалось весьма плодотворным.

Подобных примеров можно привести большое количество, здесь достаточно напомнить, например, историю развития понятия «числа». Все они говорят за то, что в развитии математики, помимо формальной постановки вопроса о противоречии, необходима и содержательная. В первом случае речь идет лишь о доказательстве несовместности. Напротив, во втором — о преодолении противоречия, орудием которого аксиоматический метод уже не может служить. Такие противоречия, которые нуждаются в преодолении, мы называем содержательными. Содержательные противоречия являются выражением развития новых математических понятий, основные свойства которых надо изучить, прежде чем их можно задать аксиоматически.

Но всегда ли можно ожидать появления содержательных противоречий в любой математической теории? Математика не есть лишь «свободное» творчество ума, оторванное от действительности: она практически применяется именно потому, что изучает свойства и отношения между реально существующими в мире вещами и предметами. Поэтому, когда в силу теоретических или практических задач приходится создавать новые, необходимые для их решения понятия, вопрос о распространении на них каких-нибудь математических законов сопряжен с преодолением возникающих при этом содержательных противоречий:

Современный аксиоматический метод является поэтому только моментом рассмотрения математических понятий в их взаимосвязях, в их развитии. Попытка раз навсегда обосновать математику с помощью аксиоматического метода, предпринятая Гильбертом, даже в случае, если бы Гильберту удалось доказать непротиворечивость арифметики, не может в силу этого считаться приводящей к цели.

§ 6. Аксиоматический метод как орудие отыскания новых фактов

Когда доказана непротиворечивость системы аксиом и, по возможности, их взаимная независимость, — аксиоматика вступает в последний этап своего развития, возвращается к исходному пункту, т. е. к фактическому содержанию геометрии.

Такое завершение не представляет простого возврата к исходному пункту.

Так, современная аксиоматика геометрии, в частности аксиоматика Гильберта, позволяет глубже вскрыть взаимосвязи в наличном ее содержании, т. е. дать утверждениям геометрии более строгое доказательство. Но не только со стороны более глубокого проникновения внутрь уже известного важна новая аксиоматика: при возврате к исходному пункту своего развития она перерастает в метод отыскания нового в геометрии и в этом (о чем подробнее ниже) ее главное значение. Предварительно, однако, одно небольшое замечание.

Из одних только аксиом еще не следует полностью все содержание геометрии. Даже если аксиомы являются, явно выраженными описаниями элементов и отношений между ними, то благодаря этому еще не вырисовывается с необходимостью картина целого, картина исследуемых объектов.

Аксиомы сами по себе не могут заставить выйти из них весь ряд теорем: для этого нужны еще определения основных объектов (пространственных форм).

Защищаемая часто точка зрения на определения как на простые сокращения (Рессель), которые поэтому могут быть полностью элиминированы из научной теории, явно недостаточна: она не объясняет, почему рассматриваются именно такие, а не другие комбинации элементов; она не видит за каждым новым определением аксиомы доказательства существования определяемых объектов. Следует отметить, что, оставаясь только внутри данной системы аксиом и понятий, нельзя ни ответить на вопрос о причинах выбора именно таких, а не других определений, ни доказать существование определяемых объектов. И то и другое требует выхода за пределы данной научной теории, требует обращения к отражаемым этой системой объектам и отношениям между ними.

Четыре взаимно связанных момента характеризуют современную аксиоматику, в частности аксиоматику Гильберта, как метод отыскания нового в геометрии. Они являются специфическими для современной аксиоматики; их не было и не могло быть в аксиоматическом методе Евклида.

Первый, решающий момент современного аксиоматического метода выражен в идее изоморфизма, базирующейся на идее интерпретации.

Пусть R — интерпретация непротиворечивой системы аксиом A . В развернутой форме R включает не только явно выраженные понятия элементов, но и соответственно им и аксиомам установленные понятия основных объектов (пространственных форм). Пусть R_1 — в развитой форме вторая интерпретация системы аксиом A . Если в R_1 можно выделить такие основные эле-

менты, отношения между которыми задаются системой аксиом A так же, как задаются этой же системой A отношения между элементами R и обратно, тогда мы говорим, что R и R_1 изоморфны. Каждое предложение, доказанное относительно объектов интерпретации R , в тех же терминах — но с иным, в зависимости от явно выраженных элементов, содержанием — справедливо относительно соответствующих объектов интерпретации R_1 , и нет ничего, что было бы справедливо в R , не будучи справедливо в R_1 , и наоборот. Благодаря этому нам нет необходимости порознь доказывать все теоремы об объектах R и R_1 . Достаточно доказать теоремы относительно объектов R , после чего все они могут быть перенесены на соответствующие объекты R_1 . Примером такого переноса является принцип двойственности в проективной геометрии. Метод координат Декарта позволяет пространство Евклида изоморфно отобразить на область операций линейной алгебры. Красивым примером изоморфного отображения является геометрия кругов.

Широко используемая в современной математике идея изоморфизма оказывается действенным орудием даже при изучении некоторых вопросов физики. Основываясь на законе Грассмана, согласно которому между любыми четырьмя цветами существует линейное соотношение, но в то же время между тремя цветами иногда не существует линейного соотношения, можно изобразить цвет вектором трех измерений. Установив понятие суммы, удается связать учение о цвете с геометрией.

Второй момент современного аксиоматического метода связан с существованием различных геометрий.

Мы знаем, что существуют различные геометрии, которые определяются отчасти общими, отчасти различными или противоположными аксиомами. Поэтому, обратно, мы можем взять произвольную комбинацию из этих аксиом, добавить порой еще несколько необходимых с нашей точки зрения аксиом и искать новую геометрию, подчиняющуюся заданной нами системе аксиом. Наиболее положительные результаты достигаются при этом тогда, когда удается доказать непротиворечивость заданной системы аксиом; мы открываем новую геометрию. Если система аксиом оказывается противоречивой (несовместной), то и в этом случае мы приходим к некоторому положительному результату: мы можем отрицать существование области математических объектов, подчиняющихся заданной системе аксиом.

Третий момент современного аксиоматического метода связан как с возможностью существования различных геометрий, так и с идеей изоморфизма.

Пусть даны две непротиворечивые системы аксиом. Пусть наряду с различными аксиомами они содержат по n одинаковых аксиом. Тогда все, что можно доказать на основании этих аксиом в любой интерпретации первой системы аксиом, может быть изоморфно перенесено на любую интерпретацию второй системы аксиом. Как известно, на этом пути особенно блестящих результатов добился Гильберт. Ему, например, удалось в плоскости и независимо от аксиомы Архимеда обосновать учение Евклида о пропорциях. Исходя из полученных результатов, т. е. опять-таки независимо от аксиомы Архимеда, Гильберт обосновал учение Евклида о площадях. Тем самым Гильберт доказал, что учение о площадях и пропорциях одинаково как для геометрии Евклида, так и для неархимедова пространства.

Четвертый момент современного аксиоматического метода базируется как на учении о непротиворечивости, так и на идее изоморфизма; он обосновывает способы доказательств противоречивости (несовместности) систем аксиом. О значении доказательств несовместности систем аксиом для развития современной математики говорилось раньше. Отметим только, что ши-

роко используемый в геометрии метод доказательства от противного является элементарной формой проявления четвертого момента современного аксиоматического метода.

Все перечисленные моменты современного аксиоматического метода, в особенности идея изоморфизма, дают основание современному взгляду на полноту системы аксиом: система аксиом полна, если все ее интерпретации необходимым образом изоморфны.

* * *

В заключение следует все снова и снова подчеркнуть гениальную ленинскую характеристику философского идеализма. «Философский идеализм, — писал Ленин, — есть только чепуха с точки зрения материализма грубого, простого, метафизического. Наоборот, с точки зрения диалектического материализма философский идеализм есть одностороннее, преувеличенное überschwengliches (Dietzgen) развитие (раздувание, распухание) одной из черточек, сторон, граней познания в абсолют, оторванный от материи, от природы, обожествленный»¹⁾.

Ясно, что характеристика философского идеализма, приведенная Лениным, целиком и полностью относится и к идеализму математическому.

Ленин объяснил, почему философский идеализм не представляет только чепуху, простое пустословие. «Познание человека, — много раз подчеркивал Ленин, — не есть (respectively не идет по) прямая линия, а кривая линия, бесконечно приближающаяся к ряду кругов, к спирали. Любой отрывок, обломок, кусочек этой кривой линии может быть превращен (односторонне превращен) в самостоятельную, целую, прямую линию, которая (если за деревьями не видеть леса) ведет тогда в болото, в поповщину (где ее закрепляет классовый интерес господствующих классов). Прямолинейность и односторонность, деревянность и окостенелость, субъективизм и субъективная слепота voilà гносеологические корни идеализма»²⁾.

Также с этой стороны ленинская характеристика философского идеализма целиком относится к идеализму в математике. В частности, математический идеализм так же односторонне превращал и превращает спираль развития аксиоматики в прямую линию, что ведет к одеревенению, к ограничению понимания сути аксиоматики, к отрыву ее от процессов и явлений объективной реальной действительности и к отрыву от самой математики как науки, отражающей определенные стороны этой реальной действительности.

С одним из таких моментов мы уже встречались, когда шла речь о стремлении Гильберта использовать аксиоматический метод как универсальное средство обоснования математики, и при том обоснования раз и навсегда.

Следует признать, что несмотря на гениальные работы Маркса—Энгельса—Ленина и Сталина, дающие блестящую научную критику идеализма и показывающие нам, как надо критиковать и преодолевать идеализм и поповщину в науках, нами еще крайне мало сделано на фронте математики в области научной критики математического идеализма.

---

¹⁾ Ленинский сб. XII, стр. 326.

²⁾ Там же.

КОНСУЛЬТАЦИЯ

Логика фракционной борьбы

(от оппозиции к контрреволюции)

В. Берестнев

Победоносное социалистическое наступление, рост мощи пролетарской диктатуры и ликвидация классов вызывают со стороны остатков уничтожаемых классов, со стороны всех врагов социализма бешеное сопротивление. Уничтожаемый враг не брезгает никакими средствами, идет на самые гнусные преступления.

1 декабря в Смольном, от руки злодея, подосланного классовым врагом, пал пламенный трибун революции, один из выдающихся руководителей нашей партии — Сергей Миронович Киров.

«Следствие выяснило, — говорит сообщение НКВД, — что мотивом убийства тов. Кирова явилось стремление... подпольной антисоветской группы дезорганизовать руководство советского правительства путем террористических актов, направленных против главных руководителей советской власти, и добиться таким путем изменения нынешней политики в духе так называемой зиновьевско-троцкистской платформы...

...Эта антисоветская группа представляла собой замкнутую группу, потерявшую всякую надежду на поддержку масс, политически обреченную и ставшую ввиду безнадежности осуществления своих целей на путь террора».

Случайно ли, что гнусным убийцей, извергом оказался Николаев, один из грязных последышей, подонков бывшей зиновьевской антипартийной оппозиции? Нет, неслучайно! Следствием установлено, что идейным политическим руководителем ленинградской террористической группы являлся так называемый «московский центр» зиновьевцев во главе с Зиновьевым, Каменевым, Евдокимовым, Залуцким и др.

Их имена напоминают партии, комсомолу и всему рабочему классу о том, что в продолжение многих лет эти трижды презренные люди вели двурушническую, антипартийную, контрреволюционную работу, вели борьбу против партии, против ее политики, против ее ленинско-сталинского руководства.

История этой оппозиции показывает, что на всех важнейших этапах нашей революции Зиновьев, Каменев и иже с ними всегда выступали против партии, против Ленина, пытались нанести удар в спину партии, разоружить пролетариат. На каждом решающем этапе революции в борьбе против партии они раскрывали свою штрейкбрехерскую, капитулянтскую, предательскую сущность и каждый раз, будучи разбитыми, двурушнически признавались в ошибках, чтобы под прикрытием этих признаний и клятв в верности партии продолжать свое грязное дело.

История этой оппозиции показывает, как эта борьба против ленинизма, против партии приводила их к блоку с троцкистами, к капитуляции перед Троцким — этим заклятым врагом ленинизма. Эта история показывает, как в силу логики фракционной борьбы, тщетных и безнадежных попыток

извратить ленинское учение, поколебать железное, большевистское единство партии, эти презренные предатели и враги скатились к созданию антисоветской, террористической группы, к вдохновлению грязных фашистских агентов и убийц.

Еще на январском пленуме в 1933 году товарищ Сталин указывал на необходимость «иметь в виду, что рост мощи советского государства будет усиливать сопротивление последних остатков умирающих классов», в своей ненависти к пролетарской диктатуре готовых на самые гнусные средства. Товарищ Сталин указывал также, что «на этой почве могут ожить и зашевелиться разбитые группы старых контрреволюционных партий эсеров, меньшевиков, буржуазных националистов центра и окраин, могут ожить и зашевелиться осколки контрреволюционных оппозиционных элементов из троцкистов и правых уклонистов. Это, конечно, не страшно. Но все это надо иметь в виду, если мы хотим покончить с этими элементами быстро и без особых жертв.

Вот почему революционная бдительность является тем самым качеством, которое особенно необходимо теперь большевикам»¹).

На XVII съезде товарищ Сталин, определяя задачи партии, с особой силой подчеркнул необходимость усиления «идеологической работы во всех звеньях партии», необходимость усиления идейно-политической, воспитательной работы партии, необходимость разоблачения идеологии враждебных ленинизму течений.

Наша партия и товарищ Сталин неоднократно указывали, что важнейшим условием повышения идейного уровня партии, вооружения членов партии на борьбу за выполнение величайших задач социалистического строительства, вооружения их для борьбы со всеми и всякими проявлениями оппортунизма, со всеми враждебными ленинизму течениями, для воспитания революционной бдительности является изучение истории нашей партии.

История нашей великой коммунистической партии есть руководство для революционного действия, и поэтому «нет лучшего опыта, нет лучшего оружия воспитания нашей молодежи в духе марксизма-ленинизма, чем история нашей партии»²).

Изучение истории нашей партии, особенно с 1917 года и в последующие периоды борьбы за социализм, должно обеспечить воспитание членов партии, способных организовать массы и руководить ими в борьбе за проведение линии партии, способных отстоять ее и разоблачить и разбить всех и всяких оппортунистов и двурушников. Поэтому особое значение приобретает изучение того, в борьбе с какими антипартийными группировками партия проводила свою генеральную линию, изучение тактики и приемов борьбы партии, которыми она разоблачила приемы этих группировок и разгромила их, в какой бы форме они ни выступали.

Зиновьевская антипартийная, контрреволюционная группировка является самой гнусной и подлой из всех антипартийных группировок, с которыми вела борьбу партия, ибо эта контрреволюционная группировка в своей борьбе против партии в силу логики фракционной борьбы скатилась к фашистским методам борьбы, к террору, двурушничеству прикрывая свою предательскую, грязную работу.

В настоящей статье мы попытаемся подойти к изучению конкретных условий возникновения и развития этой группировки, раскрытию ею своей истинной сущности в ходе борьбы, к изучению борьбы и разгрома ее партией под руководством великого, непоколебимого товарища Сталина.

¹) Сталин «Вопросы ленинизма», стр. 510. 10-е изд.

²) Каганович «За большевистское изучение истории партии», стр. 15. Партиздат. 1932.

Переход от восстановления народного хозяйства к социалистической реконструкции его явился переломом в развитии народного хозяйства, ибо он означал переход к осуществлению коренных изменений в экономике и соотношении классовых сил в стране и к решающему этапу в построении фундамента социалистической экономики — ликвидации классов и построению бесклассового, социалистического общества.

Товарищ Сталин, говоря о периоде реконструкции промышленности и сельского хозяйства на базе социализма, указывал, что реконструкция «представляет наступление социализма против капиталистических элементов народного хозяйства по всему фронту. Это есть серьезнейший сдвиг рабочего класса нашей страны в сторону построения социализма»¹⁾.

Переход от восстановительного периода к реконструктивному был подготовлен предшествующим бурным развитием тяжелой промышленности и сельского хозяйства на основе восстановления разрушенного войной народного хозяйства. Директива XIII съезда партии о поднятии металлопромышленности была выполнена с таким успехом, что через год товарищ Сталин в докладе об итогах XIV партконференции, в 1925 г., отмечая значительный рост металлопромышленности по сравнению с предшествовавшим годом, указал, что это говорит «о том, что в смысле налаживания индустрии, представляющей основную базу социализма, мы вышли уже на широкую дорогу развития... что наша страна может и должна стать металлической...»²⁾.

Отметив неизмеримое международное значение развития нашей металлопромышленности, товарищ Сталин поставил вопрос об индустриализации страны и кооперировании сельского хозяйства, что потом нашло свое выражение в окончательном утверждении курса на индустриализацию на XIV партсъезде.

«Нам нужно, — говорил товарищ Сталин, — миллионов 15—20 индустриальных пролетариев, электрификация основных районов нашей страны, кооперирование сельского хозяйства и высокоразвитая металлическая промышленность. И тогда нам не страшны никакие опасности. И тогда мы победим в международном масштабе.

Историческое значение XIV конференции в том именно и состоит, что она ясно наметила путь к этой великой цели»³⁾.

Переход от восстановительного периода к реконструктивному происходил в условиях значительных изменений как в международной, так и внутренней обстановке.

Новое в международном положении заключалось в наступлении временной стабилизации капитализма, в некотором отливе революции, наступившем после поражения германской и болгарской революций (1923 г.). Этот отлив, происходивший внутри третьего стратегического периода, третьего этапа революции, имеющего своей целью свержение буржуазии во всем мире, был выражением той закономерности революционного процесса, которая характеризуется тем, «что революция развивается обычно не по прямой восходящей линии, в порядке непрерывного нарастания подъема, а путем зигзагов, путем наступлений и отступлений, путем приливов и отливов, закаляющих в ходе развития силы революции и подготавливающих ее окончательную победу»⁴⁾.

С другой стороны, новым и особенным в международном положении являлось бурное развитие хозяйственной и политической мощи Советского

¹⁾ Сталин «Вопросы ленинизма», стр. 387. 9-е изд.

²⁾ Там же, стр. 131.

³⁾ Там же, стр. 133.

⁴⁾ Там же, стр. 110.

союза, создавшее прочную стабилизацию советского строя. «Мы имеем, таким образом,—говорит товарищ Сталин,—две стабилизации: временную стабилизацию капитализма и стабилизацию советского строя. Достижение некоторого временного равновесия между этими двумя стабилизациями—такова характерная черта переживаемого нами международного положения»¹⁾.

Наличие двух стабилизаций на двух полюсах: капиталистическом и социалистическом — связано с тем, что мир раскололся на два непримиримых лагеря, соотношение сил между которыми определяет международное положение.

Закон неравномерности капиталистического развития, обуславливающий рост и обострение противоречий империализма, приводит к накоплению условий для его уничтожения. Вскрывая диалектику развития капитализма в период стабилизации, товарищ Сталин приходит к выводу о том, что из самой стабилизации вырастает усиление всеобщего кризиса капитализма и нарастание нового революционного под'ема.

«Из частичной стабилизации вырастает усиление кризиса капитализма, нарастающий кризис разваливает стабилизацию — такова диалектика развития капитализма в данный исторический момент»²⁾.

Этот прогноз товарища Сталина подтвердился целиком: из стабилизации выросло усиление кризиса, отлив революции сменился новым революционным под'емом.

Но в условиях частичной стабилизации капитализма и отлива революции перед компартиями капиталистических стран выдвигалась задача укрепления и большевизации, превращения их в действительно массовые партии, опирающиеся на профсоюзы, задача сплочения крестьянства и трудящихся вокруг пролетариата и подготовка его в духе пролетарской революции и диктатуры пролетариата.

В этих условиях, говорит товарищ Сталин, «задача состоит в том, чтобы сомкнуть коммунистические партии с профсоюзами»³⁾.

Бороться за единство профдвижения, за единый фронт борьбы против капитала — эта задача являлась важнейшим условием для победы пролетариата.

Такова в основных чертах та новая обстановка, в которой совершался переход от восстановительного периода к реконструктивному. Таковы основные задачи, стоящие перед партией. Таковы те трудности, которые преодолевала партия, проводя под руководством товарища Сталина ленинскую линию социалистического строительства.

Эти трудности создавались об'ективной обстановкой исторического развития в данный период, когда международная и внутренняя обстановка характеризовалась обострением и усложнением классовой борьбы, связанными с новым этапом в борьбе между капитализмом и СССР, с одной стороны, и между социалистическими и капиталистическими элементами внутри нашей страны, — с другой.

Товарищ Сталин в тезисах «Об оппозиционном блоке в ВКП(б)» устанавливает эту связь между внутренними и внешними трудностями.

«Если попытки мирового капитала к экономическому окружению нашей страны, к ее политической изоляции, к замаскированной блокаде и, наконец, к прямой помощи рабочим СССР борющимся рабочим Запада и угнетенным народам Востока создают трудности внешнего порядка,— то переход нашей страны от восстановительного периода к периоду перестройки промышленности и хозяйства вообще на основе высшей техники и

¹⁾ Сталин «Вопросы ленинизма», стр. 110. 9-е изд.

²⁾ Сталин. Отчет ЦК XV с'езду ВКП(б), стр. 9. Изд. 1926 г.

³⁾ Сталин «Вопросы ленинизма», стр. 115. 9-е изд.

усложняющаяся в связи с этим борьба между капиталистическими и социалистическими элементами нашего хозяйства создают трудности внутреннего порядка»¹⁾.

Этот переломный период требовал от партии сплоченности, единства, ясной перспективы, упорного преодоления трудностей, мобилизации на борьбу с ними миллионов масс рабочего класса.

Партия бодро смотрела вперед, уверенно и твердо осуществляла политику строительства социализма и руководила массами в их борьбе за социализм.

**
*

В связи с этой новой обстановкой в области международных отношений и трудностями, связанными с переходом от восстановления народного хозяйства к его социалистической реконструкции, возник вопрос о том, как отразится временная стабилизация на строительстве социализма в нашей стране, с особой остротой встал вопрос о возможности построения фундамента социалистической экономики и полного построения социализма своими силами в нашей отсталой в технико-экономическом отношении стране. Учение о законе неравномерного развития капитализма при империализме и возможности победы социализма в одной, отдельно взятой стране, данное Лениным в 1915 г. в борьбе с Троцким, приобрело исключительно важное значение на данном этапе.

Товарищ Сталин в своем докладе об итогах XIV партконференции дал глубокий анализ противоречий развития нашей страны. Он указывал, что «наша страна представляет две группы противоречий. Одна группа противоречий — это внутренние противоречия, существующие между пролетариатом и крестьянством. Другая группа противоречий — это противоречия внешние, имеющиеся между нашей страной, как страной социализма, и всеми остальными странами, как странами капитализма»²⁾.

Товарищ Сталин указал, далее, что противоречия, существующие между основными классами, между пролетариатом и крестьянством, могут быть преодолены собственными силами. «Когда говорят: можно ли построить социализм своими собственными силами? — то этим хотят сказать: преодолены ли противоречия, существующие между пролетариатом и крестьянством в нашей стране или непреодолимы?»

Ленинизм отвечает на этот вопрос положительно: да, мы можем построить социализм, и мы его будем строить вместе с крестьянством, под руководством рабочего класса»³⁾, ибо, кроме этих противоречий, у пролетариата и крестьянства имеются общие интересы по коренным вопросам развития, покрывающие эти противоречия, и которые «являются базой, основой союза рабочих и крестьян». Эти общие интересы заключаются в том, что диктатура пролетариата обеспечивает развитие крестьянства по социалистическому пути, в котором оно кровно заинтересовано.

Противоречия внешнего порядка, противоречия между страной социализма и капиталистическим окружением, противоречия, состоящие в том, что при наличии капиталистического окружения существуют опасность интервенции и опасность реставрации капитализма, — эти противоречия не могут быть вполне преодолены собственными силами диктатуры пролетариата. Для преодоления этих противоречий, для создания полной гарантии от интервенции, а значит, и окончательной победы социализма необходима победа социализма, по крайней мере, в нескольких странах.

Партия строго различает эти два ряда противоречий. Диалектика раз-

¹⁾ Сталин «Об оппозиции», стр. 311.

²⁾ Сталин «Вопросы ленинизма», стр. 120. 9-е изд.

³⁾ Там же.

решения этих противоречий такова, что если внутренние противоречия могут быть разрешены в форме преодоления внутренними силами — силами диктатуры пролетариата — капиталистических элементов нашей страны, то для разрешения внешних противоречий — преодоления международной буржуазии — необходима победа пролетариата в нескольких странах.

«Кто смешивает, — говорил товарищ Сталин, — первую группу противоречий, совершенно преодолемых усилиями одной страны, со второй группой противоречий, требующих для своего разрешения усилий пролетариев нескольких стран, — тот допускает грубейшую ошибку против ленинизма, тот либо путаник, либо неисправимый оппортунист»¹).

Если разрешение внутренних противоречий на основе внутренних сил нашей революции означает построение социализма в нашей стране, то разрешение второго ряда противоречий, противоречий внешних, будет означать окончательную победу социализма в решающих странах мира. Разрешение внутренних противоречий и построение социализма являются важнейшим условием, приближающим разрешение внешних противоречий.

Ленинской теории пролетарской революции в целом, теории о возможности победы социализма в одной, отдельно взятой стране троцкизм противопоставляет меньшевистскую, контрреволюционную «теорию» перманентной революции. Эта теория Троцкого является эклектической, по существу, меньшевистской теорией, которая «берет у большевиков призыв к решительной революционной борьбе пролетариата и к завоеванию им политической власти, а у меньшевиков — «отрицание» роли крестьянства»²).

Эта троцкистская теория исходит из невозможности разрешения противоречий между пролетариатом и крестьянством собственными силами пролетарской диктатуры. Эти противоречия, по Троцкому, «смогут найти свое разрешение только в международном масштабе, на арене мировой революции пролетариата», только при «прямой государственной поддержке европейского пролетариата»³).

В своей резолюции о победе социализма в нашей стране XIV конференция нашей партии указывала, что «составной частью троцкистской теории перманентной революции является утверждение, что «подлинный подьем социалистического хозяйства в России станет возможным только после победы пролетариата в важнейших странах Европы» (Троцкий, 1922 г.) — утверждение, обрекающее пролетариат СССР в нынешний период на фаталистическую пассивность».

Конференция указала также на программное положение Ленина о том, что при наличии власти в руках пролетариата, власти государства на все крупные средства производства при наличии союза пролетариата и крестьянства под руководством пролетариата, при кооперировании крестьянства, в нашей стране есть «все необходимое и достаточное» для построения социалистического общества.

Поэтому теорию перманентной революции, отрицающую возможность победы социалистического строительства в СССР вследствие его технико-экономической отсталости и отсутствия «объективных предпосылок для социализма», товарищ Сталин квалифицировал как меньшевизм, как сухановщину в основном вопросе о характере и перспективах нашей революции.

XIV партконференция в резолюции о задачах Коминтерна, вскрывая расхождение ленинской линии Исполкома Коминтерна с троцкизмом по вопросу о тактике Коминтерна в период замедленного развития мировой революции, указывала на каутскианскую ревизию Троцким ленинской теории империализма и на поддержку им группы Брандлера в 1923 г., которая рассма-

¹ Сталин «Вопросы ленинизма», стр. 125.

² Ленин. Собр. соч. Т. XVII, стр. 317.

³ Троцкий «1905 год». Предисловие.

тривала тактику единого фронта как коалицию с социал-демократами. Сравнивая с известными оговорками данную эпоху с эпохой между двумя революциями (1908—1914 гг.) и проводя параллель между задачами, которые стояли тогда перед русскими большевиками, и между задачами Коминтерна в данный период, партия требовала проведения борьбы на два фронта.

«Отсюда линия на большевизацию, которая (большевизация) сопровождается борьбой против ликвидаторских настроений (правая в Чехословакии), а также и против ультралевых уклонов»¹⁾.

В той же резолюции партия указывала на две опасности в нашей партии в данный период, выражающиеся в уклоне к пассивности, вытекающей из переоценки частичной стабилизации и из замедленного темпа международной революции, а вследствие этого — в отсутствии импульса к работе по построению социализма в СССР и уклоне к национальной ограниченности, к забвению интернациональных обязанностей по отношению к развивающейся международной революции, к пренебрежению, непониманию зависимости судьбы СССР от международной революции и непониманию значения роста мощи и упрочения пролетарского государства СССР для победы революционного пролетариата в других странах.

XIV конференция указывала, что «РКП должна видеть обе эти опасности и дать решительный отпор обоим возможным уклонам»²⁾.

Товарищ Сталин, вскрывая впоследствии капитулянтскую сущность зиновьевско-троцкистского блока, указывал, что конференция, «говоря о первом уклоне, имела в виду уклон к неверию в победу социалистического строительства в нашей стране, распространенный среди троцкистов»³⁾.

Переход к реконструктивному периоду во внутреннем положении Советского союза происходил в условиях трудностей, связанных с самым ростом народного хозяйства. Эти трудности создавались осложнением борьбы между социалистическими и капиталистическими элементами нашего хозяйства. Относительное уменьшение удельного веса частного капитала происходило при его некотором абсолютном росте. При общем хозяйственном росте деревни происходило известное расслоение крестьянства. В ряде районов имело место колебание некоторой части середняков в сторону кулачества. Имелись также известные противоречия между пролетариатом и крестьянством в отношении цен на промышленные и с.-х. товары. Эти трудности и противоречия обострялись наличием пережитков военного коммунизма в деревне, где значительно выросла политическая активность крестьянства.

Новые условия, связанные с изменением международной обстановки и замедленным темпом развития революции, требовали учета новых отношений, складывающихся между пролетариатом и крестьянством.

Эти новые условия диктовали «выбор наименее болезненных, хотя бы и длительных, путей для приобщения крестьянства к социалистическому строительству, для строительства социализма вместе с крестьянством»⁴⁾.

Новая обстановка требовала укрепления союза пролетариата с крестьянством, укрепления диктатуры пролетариата. Диалектический учет складывающейся новой обстановки, нового соотношения сил был необходим для того, чтобы наметить правильную политическую линию, чтобы выделить главное, на чем должны быть сосредоточены силы.

Наша партия считала главным для того периода не обострение классовой борьбы, как предлагали троцкисты: она считала главным — «с п л о -

¹⁾ «ВКП(б) в резолюциях». Ч. II, стр. 145.

²⁾ Там же.

³⁾ Сталин «Об оппозиции», стр. 353.

⁴⁾ Сталин «Вопросы ленинизма», стр. 127. 9-е изд.

тить середняков вокруг пролетариата, завоевать их вновь»¹⁾.

«Главное, — говорил Сталин, — теперь состоит в том, чтобы сомкнуться с основной массой крестьянства, поднять ее материальный и культурный уровень и двинуться вперед вместе с этой основной массой по пути к социализму. Главное состоит в том, чтобы строить социализм вместе с крестьянством, обязательно вместе с крестьянством и обязательно под руководством рабочего класса, ибо руководство рабочего класса является основной гарантией того, что строительство пойдет по пути к социализму.

В этом теперь основная задача партии»²⁾.

На основе решений XIV партконференции партия проводила свою политику в деревне, ведя борьбу с кулачеством в направлении его экономической и политической изоляции, путем укрепления смычки рабочего класса с середняцкими массами крестьянства при опоре на бедноту. Ряд мероприятий, проведенных партией в направлении включения крестьянского хозяйства в систему хозяйственного строительства через кооперацию, мероприятия по линии укрепления советов в деревне и ликвидации пережитков военного коммунизма и методов администрирования, по линии расширения прав аренды и найма труда — ряд этих мероприятий обеспечил преодоление имевшихся трудностей и укрепление союза пролетариата с середняком. Смысл этих решений, принятых XIV партконференцией, заключался в укреплении хозяйственной смычки с середняком и подготовке условий для перехода к развернутому наступлению социализма по всему фронту.

Но обусловленное трудностями переломного периода колебание известных слоев мелкой буржуазии города и деревни, которые «окружают пролетариат со всех сторон мелкобуржуазной стихией, пропитывают ею его, развращают его, вызывают постоянно внутри пролетариата рецидивы мелкобуржуазной бесхарактерности, раздробленности, индивидуализма, переходов от увлечения к унынию»³⁾, колебание — шатание — этих слоев влияло на некоторые слои пролетариата и отражалось на некоторых неустойчивых элементах нашей партии.

Выясняя объективные условия возникновения разногласий в партии, товарищ Сталин говорил: «Естественно, что при каждом повороте в развитии классовой борьбы, при каждом обострении борьбы и усилении трудностей разница во взглядах, в навыках и в настроениях различных слоев пролетариата должна неминуемо сказаться в виде известных разногласий в партии, а давление буржуазии и ее идеологии неминуемо должно обострить эти разногласия, дав им выход в виде борьбы внутри пролетарской партии»⁴⁾.

Переход от восстановительного периода к реконструктивному сопровождался появлением шатаний, колебаний, уклонений вправо и «влево» от генеральной линии партии: как в сторону правого оппортунизма, так и в сторону троцкизма.

Правооппортунистические элементы рассматривали мероприятия партии на новом этапе нашей экономической политики как этап «расширения нэпа». На апрельском пленуме (1925 г.) Бухарин выдвинул ошибочный лозунг «обогащайтесь», который был не нашим, а кулацким лозунгом и от которого он затем отказался. Бухаринская «школа» (Слепков, Айхенвальд и др.) ухватилась за этот лозунг. Оппортунистически понимая новую обстановку и политику партии как политику предоставления полной свободы развитию капитализма, эта школа построила целую теорию отрицания классов-

¹⁾ Сталин «Вопросы ленинизма», стр. 127—128. 9-е изд.

²⁾ Там же, стр. 128.

³⁾ Ленин. Т. XXV, стр. 190.

⁴⁾ Сталин «Об оппозиции», стр. 445.

вой борьбы в деревне и мирного вращивания кулака в социализм. Эта теория ревизовала ленинское учение о природе мелкотоварного крестьянского хозяйства, стихийно, в массовом масштабе рождающего капитализм, ревизовала ленинское учение о том, что в условиях преобладания мелкотоварного хозяйства для капитализма остается более прочная база чем для социализма, ревизовала ленинское учение о путях и средствах социалистической переделки сельского хозяйства.

В этот же период, между XIV партконференцией и XIV съездом, в связи с обострением противоречий СССР с капиталистическими странами, ростом трудностей и обострением классовой борьбы в стране, в связи с новыми задачами в партии возникает другой уклон, выразителем которого является так называемая «новая» оппозиция, возглавляемая Каменевым и Зиновьевым.

Еще накануне XIV партконференции Каменев и Зиновьев выступили в Политбюро, по существу, с сухановской позицией отрицания возможности справиться с внутренними трудностями социалистического строительства вследствие технической и экономической отсталости нашей страны, если не подоспеет международная пролетарская революция.

Не найдя сочувствия среди членов ЦК, Зиновьев и Каменев на XIV партконференции формально выступили за резолюцию конференции о возможности построения социализма в нашей стране.

Но уже осенью 1925 г. Зиновьев в своей книге «Ленинизм» выступает с утверждением, которое товарищ Сталин характеризовал как антиленинскую позицию, «которая прямо подходит и подает руку идейной позиции троцкизма».

«Строить социалистическое хозяйство, зная, что не построишь, — вот до чего докатился Зиновьев»¹⁾.

Тогда же Зиновьев сделал попытку извратить ленинское учение о нэпе. Отрицая временный характер предпринятого партией отступления для перегруппировки сил с целью нового наступления на капиталистические элементы для построения социализма, Зиновьев писал: «Нэп — это отступление. Когда созреет пролетарская революция в других странах и пролетариат Запада придет к нам на помощь, тогда мы снова начнем наступление. Пока же мы имеем лишь передышку».

Обострение классовой борьбы с кулачеством вызывает растерянность, панику у Зиновьева и Каменева.

В сентябре 1925 г. Каменев на пленуме ЦК выступил с панической оценкой состояния деревни и причин затруднений хлебозаготовок и, пользуясь явно неверными цифрами, утверждал, что кулак, составляющий в деревне 14%, держит в своих руках 61% хлебных излишков и что «кулак регулирует» в хлебозаготовках.

Зиновьев, который на XII партсъезде призывал партию «уклониться» в сторону крестьянства, «поклониться» и даже «преклониться» перед ним, теперь резко изменил свою позицию.

Неустойчивость, «постоянное вихляние» Зиновьева в крестьянском вопросе, характеризовалось также тем, что с улучшением положения в деревне Зиновьев «сделал «поворот» от увлечения, взяв под подозрение середняка и провозгласив лозунг нейтрализации. Спустя некоторое время он сделал новый «поворот», потребовал, по сути дела, пересмотра решений XIV конференции («Философия эпохи») и, обвиняя в крестьянском уклоне чуть ли не весь ЦК, стал «уклоняться» более решительно против середняка»²⁾.

Товарищ Сталин на XIV съезде партии подверг уничтожающей критике

¹⁾ Сталин «Об оппозиции», стр. 355.

²⁾ Там же, стр. 221.

уклон Зиновьева в сторону недооценки середняка, а также извращение Зиновьевым ленинского учения о лозунгах партии по отношению к крестьянству. Игнорируя третий лозунг Ленина о союзе с середняком, Зиновьев подменил его лозунгом нейтрализации середняка, лозунгом, который в данный период означал разрыв союза с середняком, срыв политики партии в деревне.

В тесной связи с вопросами о перспективах социалистического строительства и политики партии, с вопросами, в которых «новая оппозиция» скатывалась к троцкизму, находится и та борьба, которую оппозиция вела против партии в организационном вопросе.

На XIV съезде товарищ Сталин, рассматривая историю разногласий с оппозицией, вскрыл тенденцию развития ее по линии отхода от организационных принципов ленинизма и перехода к фракционной борьбе против партии.

Скатываясь к троцкизму по всем основным вопросам расхождения с партией, оппозиция формально вела еще борьбу с Троцким. С большевистской проницательностью товарищ Сталин уже тогда отмечал скатывание оппозиции на путь фракционной борьбы с партией, на путь блока с троцкизмом и остатками прежних разгромленных партий оппозиционных групп.

Еще в конце 1924 г. разногласия ЦК с группой ленинградцев по вопросу о Троцком выявили расхождение оппозиции с партией в организационном вопросе.

«В этом первом столкновении внутри большинства ЦК сказалась основная разница между ними в вопросах организационной политики в партии»¹⁾.

Подготовка к XXII ленинградской партконференции, к XIV съезду партии и предсъездовская дискуссия были использованы зиновьевской оппозицией для выступления против линии партии по всем основным вопросам. Для вербовки и обработки сторонников оппозиции зиновьевцы организовали фракционные собрания, кружки, на которых развивали свои антипартийные взгляды, рассматривая нэп как отступление, госпредприятия, как госкапиталистические, отрицая политику союза с середняком и выдвигая лозунг нейтрализации середняка, обвиняя партию и ЦК в кулацком уклоне и т. д.

Нарушая внутрипартийную демократию, зиновьевцы всеми средствами старались подобрать в состав райкомов и губкома, в состав делегации на XIV съезд своих сторонников, не останавливаясь перед угрозами. Например, в делегацию на съезд не были избраны тт. Комаров и Лобов, отказавшиеся принять платформу борьбы против ЦК партии.

Свою борьбу против линии партии и свою фракционную деятельность зиновьевцы скрывали как от партийной массы, так и от ЦК партии, двурушнически прикрывая эту деятельность криком об усилении борьбы с троцкизмом и ошибками группы Бухарина.

В своей борьбе против партии оппозиция демагогически выставляла себя защитницей интересов пролетариата и борцом за увеличение пролетарского состава партии. Она выдвинула требование, чтобы в течение года партия приняла в свои ряды 90% рабочих от станка, что означало прием в партию почти всех рабочих страны. Это требование вело к стиранию различия между партией и беспартийными массами, к ослаблению партийного руководства и диктатуры пролетариата.

Требование оппозиции вытекало из того взгляда на прием в партию, который выдвигал Зиновьев против Ленина, считая необходимым сократить стаж, взгляда, который Ленин считал «крайне опасным».

Особенно энергичную деятельность зиновьевцы развернули среди ленинградской организации комсомола. «Обработка» работников комсомола, пропаганда антипартийных взглядов, противопоставление комсомола партии

¹⁾ Сталин «Об оппозиции», стр. 223.

имели целью вербовку сторонников оппозиции и подготовку кадров для фракционной борьбы против партии и ее ЦК.

Под руководством зиновьевцев ленинградский губкомол пытался без ведома и согласия ЦК комсомола созвать почти всероссийскую конференцию комсомола для собирания сил на борьбу против партии.

ЦК партии разоблачил эту попытку, принял меры к освежению ЦК комсомола, снял с работы руководителя ленинградского губкомла — зиновьевца Сафарова.

Вся эта фракционная, разлагающая работа зиновьевцев среди молодежи, воспитание среди комсомольцев недоверия и ненависти к руководству партии, обучение их двурушничеству, привитие им идеологии, враждебной партии и ленинизму, — вся работа зиновьевской оппозиции привела к выращиванию таких кадров, как Румянцев, Котольнов и др., которые впоследствии превратились в отъявленных негодяев, в продажную агентуру классовых врагов, в грязные подонки зиновьевщины, в подлых злодеев и убийц.

Товарищ Сталин, рассматривая на XIV партс'езде историю разногласий, говорил, что эта попытка зиновьевцев использовать комсомол в борьбе против ЦК, «этот инцидент показал, что ленинградские товарищи имеют тенденцию превратить свою Ленинградскую организацию в центр борьбы против ЦК»¹⁾.

Зиновьевцы пытались организовать в Ленинграде свой специальный орган «Большевик», параллельный московскому «Большевику», под редакцией Зиновьева, Сафарова, Бердина, Саркиса и Тарханова, но ЦК партии запретил выход фракционного органа.

«Этот инцидент показал, — говорит товарищ Сталин, — что ленинградская верхушка хочет обособиться в особую группировку»²⁾.

Переход к фракционной борьбе оппозиции против партии нашел свое выражение также в фактах требования на октябрьском Пленуме ЦК открытой дискуссии, в клеветническом утверждении Залуцкого о термидоре и в призыве Зиновьевым ленинградской организации к борьбе против московской, которая осудила взгляды оппозиции.

«Объективная логика фракционной борьбы» привела оппозицию к выставлению в противовес докладчику — товарищу Сталину — содокладчика по отчету ЦК на XIV с'езде партии — Зиновьева, что в противоположность крикам об единстве прямо свидетельствовало о борьбе зиновьевцев против единства партии.

На XIV с'езде зиновьевско-каменевская «новая оппозиция» во всех основных вопросах выступила против линии партии: в вопросе о строительстве социализма в одной стране, о сущности нэпа и госкапитализма, о политике в отношении кулака и середняка и др.

Во всех этих вопросах оппозиция скатывалась на позиции троцкизма. Это особенно ясно выразилось в ее взглядах в вопросе о перспективах социалистического развития. В этих взглядах нашли свое выражение переоценка оппозицией частичной стабилизации и троцкистское неверие в возможность построить социализм вследствие технико-экономической отсталости нашей страны.

В условиях переломного периода, переживаемого нашей страной, как во внутреннем, так и внешнем положении, когда этот «переломный период заново поставил ребром основные вопросы нашей революции»³⁾, «актуальнейший вопрос в нашей партии теперь, — говорит товарищ Сталин, — это вопрос о построении социализма в нашей стране»⁴⁾. Товарищ Сталин отмечает ту

¹⁾ Сталин «Об оппозиции», стр. 224.

²⁾ Там же.

³⁾ Там же, стр. 446.

⁴⁾ Там же, стр. 481.

совокупность объективных и субъективных условий и причин, которые определили особую актуальность этого вопроса.

К ним относятся: замедление темпа революции в других странах и наступление «частичной стабилизации капитализма», введение нэпа и допущение на известных условиях капитализма, временное отступление для перегруппировки сил и перехода в наступление, завоевание благоприятных условий для восстановления хозяйства страны и строительства новой экономики в нашей стране.

Эти обстоятельства и явились причинами того, что перед партией стал вопрос о том, какую линию вести в условиях нэпа и частичной стабилизации капитализма. Эти вопросы не могли не вызывать возросшего интереса к вопросу о судьбах социализма и возможности полного построения социализма в условиях нэпа и при частичной стабилизации капитализма.

Таким образом, вопреки мнению оппозиции, считавшей вопрос о строительстве социализма в СССР имеющим лишь теоретический интерес, наша партия, в то время когда мы «вступили в полосу перестройки всего народного хозяйства на новой технической основе», считала, что он, этот вопрос, «... имеет теперь громадное практическое значение». Без ясных перспектив, без ясных целей партия не может руководить строительством. «Без уверенности построить социализм, не может быть воли к строительству социализма»¹⁾, — говорит товарищ Сталин.

«Строим ли мы для того, чтобы унавозить почву для буржуазной демократии, или для того, чтобы построить социалистическое общество,—в этом теперь корень нашей строительной работы. Есть ли у нас возможность строить социалистическое хозяйство теперь, в условиях нэпа, при частичной стабилизации капитализма,—в этом теперь один из важнейших вопросов нашей партийной и советской работы»²⁾.

Руководимая товарищем Сталиным партия, основываясь на учении Ленина, ответила на этот вопрос положительно.

Неоценимой заслугой товарища Сталина является то, что он отстаивал это учение Ленина о победе социализма в нашей стране и развил его дальше в борьбе с оппозицией, разъяснил партии и рабочему классу исключительное и решающее значение этого учения, обогатил его, сплотил партию, мобилизовал рабочий класс и трудящиеся массы нашей страны на великую борьбу за решающие победы строительства социализма.

В то время когда оппозиция выражала напор мелкобуржуазной стихии на партию и сопротивление классовых врагов наступлению пролетарской диктатуры, впадала в панику перед трудностями, пыталась сбить партию с твердого ленинского пути, по которому вел ее великий Сталин, пыталась тащить партию назад, товарищ Сталин на XIV съезде партии выдвинул величайшую задачу индустриализации страны как основу генеральной линии партии и построения социалистического общества в нашей стране.

«Превратить нашу страну из аграрной в индустриальную, способную производить своими собственными силами необходимое оборудование, — вот в чем суть, основа нашей генеральной линии»³⁾.

Зиновьевская оппозиция выступала против ленинского учения о возможности победы социализма в нашей стране, скатываясь в этом основном вопросе к троцкизму. «Новая оппозиция, — говорит товарищ Сталин, — перешла на сторону троцкизма в основном вопросе о возможности победы социализма в нашей стране, или — что одно и то же — в вопросе о характере и перспективах нашей революции»⁴⁾.

¹⁾ Сталин «Об оппозиции», стр. 361.

²⁾ Там же, стр. 464.

³⁾ Там же, стр. 204.

⁴⁾ Там же, стр. 356.

Из неверия оппозиции в победу социализма в нашей стране вытекали и все ошибки оппозиции в вопросе о нэпе, госкапитализме, о среднем крестьянстве и др.

«Я думаю, — говорит товарищ Сталин, — что неверие в победу социалистического строительства, является основной ошибкой новой оппозиции. Ошибка эта является, по-моему, основной потому, что из нее проистекают все остальные ошибки новой оппозиции.

Ошибки новой оппозиции по вопросу о нэпе, о госкапитализме, о природе нашей социалистической промышленности, о роли кооперации при диктатуре пролетариата, о методах борьбы с кулачеством, о роли и удельном весе среднего крестьянства—все эти ошибки являются производными от основной ошибки оппозиции, от неверия в возможность построения социалистического общества силами нашей страны»¹⁾.

Новую экономическую политику оппозиция рассматривала как отступление, как капитализм, не понимая существа нэпа, ее двойственной природы. «Если бы нэп был капитализмом,—говорил товарищ Сталин,—то тогда нэповская Россия, о которой говорил Ленин, была бы Россией капиталистической. Но разве нынешняя Россия есть капиталистическая, а не переходная от капитализма к социализму?»²⁾. И товарищ Сталин дает свое глубочайшее определение нэпа.

«Нэп есть особая политика пролетарского государства, рассчитанная на допущение капитализма, при наличии командных высот в руках пролетарского государства, рассчитанная на борьбу элементов капиталистических и социалистических, рассчитанная на возрастание роли социалистических элементов в ущерб элементам капиталистическим, рассчитанная на победу социалистических элементов над капиталистическими элементами, рассчитанная на уничтожение классов, на постройку фундамента социалистической экономики. Кто не понимает этой переходной, двойственной природы нэпа, тот отходит от ленинизма»³⁾.

Зиновьевская оппозиция, ревизуя ленинское понимание госкапитализма, рассматривала наш экономический строй как госкапитализм, а госпредприятия—как госкапиталистические.

Товарищ Сталин, борясь против извращения оппозицией вопроса о госкапитализме, указывал, что «госкапитализм в условиях диктатуры пролетариата есть такая организация производства, где представлены два класса: класс эксплуатирующий, владеющий средствами производства, и класс эксплуатируемый, не владеющий средствами производства»⁴⁾. Указывая, далее, что государственные предприятия являются последовательно-социалистическими по своему типу, товарищ Сталин отмечал, что «в них представлены не два класса, а один класс, класс рабочих, который владеет орудиями и средствами производства и который не эксплуатируется, ибо максимум того, что получается в предприятии сверх заработной платы, идет на дальнейшее развертывание промышленности, т. е. на улучшение положения всего рабочего класса в целом»⁵⁾.

Каменев и Зиновьев не хотели видеть разницу между обстановкой 1921 и 1925 гг., считали госкапитализм преобладающей формой нашего хозяйства, искажали социалистическую природу госпромышленности, подходили «к вопросу о госкапитализме не диалектически, а схоластически, метафизически» (Сталин).

Вскрывая методологические корни ошибок новой оппозиции, товарищ Сталин говорил: «Основная ошибка гг. Каменева и Зиновьева состоит в том,

¹⁾ Сталин «Вопросы ленинизма», стр. 228. 9-е изд.

²⁾ Сталин «Об оппозиции», стр. 211.

³⁾ Там же.

⁴⁾ Стенографический отчет XIV партс'езда, стр. 31.

⁵⁾ Там же.

что они рассматривают вопрос о госкапитализме схоластически, не диалектически, вне связи с исторической обстановкой»¹).

Сокольников, так же не видевший двойственной, противоречивой природы нэпа и торговли, договорился до объявления нашей внешней торговли, государственного банка, денежной системы, железных дорог и кооперации госкапиталистическими, скатываясь тем самым также к оппортунистической и метафизической позициям.

Вскрывая существо ошибок Сокольникова, товарищ Сталин отметил, что «...Сокольников не понимает двойственной природы нэпа, двойственной природы торговли в нынешних условиях борьбы, социалистических элементов с элементами капиталистическими, он не понимает диалектики развития в обстановке диктатуры пролетариата, в обстановке переходного периода, где методы и оружие буржуазии используются социалистическими элементами для преодоления и ликвидации элементов капиталистических. Дело во-все не в том, что торговля и денежная система являются методами «капиталистической экономии». Дело в том, что социалистические элементы нашего хозяйства, борясь с элементами капиталистическими, овладевают этими методами и оружием буржуазии для преодоления капиталистических элементов, что они с успехом используют их против капитализма, с успехом используют их для построения социалистического фундамента нашей экономики. Дело в том, стало быть, что, благодаря диалектике нашего развития, функции и назначение этих инструментов буржуазии меняются принципиально, коренным образом, меняются в пользу социализма, в ущерб капитализму. Ошибка тов. Сокольникова состоит в том, что он не понял всей сложности и противоречивости происходящих в нашей экономике процессов»²).

В теснейшей связи со взглядами зиновьевской оппозиции на социалистические перспективы и природу нашего экономического строя находились и ее взгляды на политику партии в деревне, выражавшиеся в игнорировании середняка, в подмене ленинского лозунга о прочном союзе с ним лозунгом нейтрализации, в рассмотрении вопроса о борьбе с кулаком вне связи с вопросом о роли середняка, в игнорировании ленинского кооперативного плана, в проповеди равенства, в обвинении ЦК в извращении ленинизма в крестьянском вопросе.

Под руководством товарища Сталина партия отвергла и разбила антиленинские, антипартийные взгляды зиновьевской оппозиции.

XIV съезд партии одобрил политику ЦК и признал необходимым повести решительную борьбу «с неверием в дело строительства социализма в нашей стране», ибо «в области экономического строительства социализма съезд исходит из того, что наша страна, страна диктатуры пролетариата, имеет «все необходимое для построения полного социалистического общества» (Ленин). Съезд считает, что борьба за победу социалистического строительства в СССР является основной задачей нашей партии»³).

Съезд послал в Ленинград делегацию из членов ЦК во главе с тт. Молотовым, Ворошиловым, Орджоникидзе, Калинин и Кировым для разъяснения партийной организации решений съезда и для борьбы с зиновьевской оппозицией. Ленинградские большевики единодушно одобрили решение съезда и выступили против фракционной, антипартийной деятельности оппозиции, против извращения ею ленинского учения.

Ленинградская организация избрала своим руководителем тов. Кирова, который повел решительную, упорную борьбу за линию партии, борьбу с зиновьевцами. Под его руководством в Ленинграде была окончательно раз-

¹) Сталин «Об оппозиции», стр. 212.

²) Там же, стр. 214—215.

³) «ВКП(б) в резолюциях». Ч. II, стр. 165, 167.

бита зиновьевская фракционная группа, укреплена и очищена от оппозиционеров ленинградская организация.

Подонки зиновьевской оппозиции — подлые убийцы тов. Кирова — рассчитывали на то, как сами признались на следствии, что «устранение Кирова ослабит существующее руководство ВКП(б): с Кировым у бывшей оппозиции имеются свои особые счета в связи с той борьбой, которую он организовал против ленинградских оппозиционеров...».

Разбитая партией, оппозиция не отказалась от продолжения своей борьбы против партии и стала готовить силы для этой борьбы. Зиновьев с трибуны с'езда дал сигнал к объединению в одну силу всех оппозиционных течений, предложив «призвать к работе все силы всех бывших групп в нашей партии и дать им возможность работать под руководством ЦК»¹).

Этот призыв был направлен по адресу троцкистов, которые всегда боролись за свободу группировок, за объединение их в борьбе против ленинской партии. Троцкий понимал эту тенденцию зиновьевцев к блоку с троцкизмом, и этим объясняется его отказ от выступления на с'езде против оппозиции. Этим объясняется и его поведение на апрельском Пленуме ЦК (1926 г.), где троцкисты и представители оппозиции несмотря на свои поправки к тезисам Рыкова о хозяйственном положении обнаружили свою линию на создание блока, линию, которая привела к тому, что на июльском Пленуме ЦК и ЦКК (1926 г.) уже был формально сколочен блок против партии. На этом Пленуме Троцкий и представители новой оппозиции отказались от своих апрельских оговорок и путем беспринципной взаимной «амнистии» за счет принципов партии сколотили блок против партии.

В противоположность своим прежним заявлениям о том, что Троцкий ревизует ленинизм, Зиновьев на июльском Пленуме 1926 г. дал «беспринципнейшую» амнистию троцкизму. «Мы говорим, — указывал он, — что сейчас уже не может быть никакого сомнения в том, что основное ядро оппозиции 1923 г., как это выявила эволюция руководящей линии фракции (т. е. большинства ЦК), правильно предупредило об опасностях сдвига с пролетарской линии и об угрожающем росте аппаратного режима»²).

В свою очередь Троцкий, отрекаясь от своих «Уроков Октября», в которых он обвинял Каменева и Зиновьева в оппортунизме, заявлял: «Несомненно, что в «Уроках Октября» я связывал оппортунистические сдвиги политики с именами Зиновьева и Каменева. Как свидетельствует опыт идейной борьбы в ЦК, это было грубой ошибкой»³).

Это, говорит товарищ Сталин, была уже «прямая и открытая беспринципная сделка»⁴). Эта сделка была новым пунктом в развертывании оппозиционным блоком борьбы против партии с троцкистских позиций по всем основным вопросам марксистско-ленинской теории, политики и организации партии.

Июльский Пленум ЦК и ЦКК (1926 г.) явился новым этапом в развитии разногласий внутри партии. К этому периоду завершилась та эволюция «новой оппозиции», которая привела ее к троцкизму.

Разногласия, возникшие в силу определенных объективных условий и особенностей исторического развития революции, вызванные влиянием на пролетариат и партию мелкобуржуазной стихии и связанные в своем развитии с развитием классовой борьбы в стране, — эти разногласия развивались также и в силу своей внутренней логики.

Товарищ Сталин, считая этот переход «новой оппозиции» к троцкизму

¹) Стенографический отчет XIV партс'езда, стр. 467.

²) Сталин «Об оппозиции», стр. 329.

³) Там же.

⁴) Там же.

«основным фактом в развитии внутрипартийных отношений в ВКП(б) после XIV съезда», вскрыл единство тех объективных классовых и субъективных обстоятельств, которые определили этот переход, а также и связь этого перехода со штрейкбрехерством Каменева и Зиновьева в октябре 1917 г.

Этими обстоятельствами товарищ Сталин считал: «а) усталость, колебания, чуждые пролетариату упадочные настроения и пораженчество среди сторонников «новой оппозиции» перед лицом новых трудностей в переживаемый переломный период, при чем нынешние колебания и пораженчество тт. Каменева и Зиновьева возникли не случайно, а как повторение, рецидив тех колебаний и упадочных настроений, которые проявили эти товарищи девять лет назад, в Октябре 1917 г., перед лицом трудностей тогдашнего переломного периода; б) полное поражение «новой оппозиции» на XIV съезде и возникшее в связи с этим стремление добиться во что бы то ни стало объединения с троцкистами для того, чтобы объединением двух групп, троцкистов и «новой оппозиции», возместить слабость и оторванность этих групп от пролетарских масс, тем более, что идейные позиции троцкизма вполне отвечали нынешним упадочным настроениям «новой оппозиции»¹⁾.

Меньшевистское, троцкистское отрицание возможности построения социалистического общества в СССР и явилось той общей основой, которая привела зиновьевско-каменевскую оппозицию к блоку с Троцким, ибо они говорили на одном, троцкистском языке.

Говоря о штрейкбрехерской позиции Каменева и Зиновьева в период Октября, товарищ Сталин устанавливает прямую связь этой их позиции с переходом к блоку с Троцким. Товарищ Сталин указывал, что «они прямо говорили тогда, что, подымая восстание, мы идем к гибели, что нужно ждать Учредительного собрания, что условия для социализма не созрели и не скоро созреют. Из этой же установки исходил Троцкий, когда он шел на восстание. Ибо он прямо говорил, что ежели победоносная пролетарская революция на Западе не подоспеет на помощь в более или менее близком будущем, то глупо было бы думать, что революционная Россия может устоять против консервативной Европы...

Вот почему Троцкий и Каменев с Зиновьевым нашли общий язык на десятом году Октябрьской революции»²⁾.

Ленин и Сталин неоднократно отмечали, что оппортунистические ошибки Каменева и Зиновьева накануне Октября не были случайными. И до Октябрьской революции весь путь Зиновьева и Каменева отмечен целым рядом оппортунистических шатаний и ошибок.

Известно, что Каменев в эпоху реакции в 1907 г. выступал против Ленина и партии, пытаясь навязать партии тактику бойкота III Думы; известна примиренческая позиция Каменева к Троцкому, за соглашение с которым ратовал Каменев в период борьбы с ликвидаторами, к наиболее опасному виду которых принадлежал тогда Троцкий; известно поведение Каменева на царском суде в 1915 г., когда он для доказательства своей непринадлежности к ленинцам выдвигал своим свидетелем социал-патриота Иорданского; известны его оппортунистические взгляды по вопросу об империализме; известен также и позорный факт приветствия Каменевым Михаила Романова в 1917 г. и его—Каменева, полуборонческое отношение к империалистической войне и поддержке Временного правительства после Февральской революции 1917 г. и его меньшевистско-троцкистская позиция отрицания возможности победы социалистической революции в России.

В 1916 г. Зиновьев вел двурушническую линию в вопросе об издании теоретического органа ЦК «Сборник социал-демократа», пытаясь вместе со

¹⁾ Сталин «Об оппозиции», стр. 315—316.

²⁾ Стенографический отчет XIV партсъезда, стр. 75—76.

Шляпниковым прикрыть шатания Бухарина, но был разоблачен Лениным, квалифицировавшим поведение Зиновьева как «отречение от всей нашей политики»¹).

Накануне Октября Зиновьев вместе с Каменевым также занимал меньшевистскую позицию отрицания возможности победы социалистической революции в России, выступал против восстания, был изменником, дезертиром, «штрейкбрехером» Октябрьской революции.

Своей борьбой против партии, против ленинизма зиновьевская оппозиция расчищала путь троцкизму для продолжения его борьбы против партии, выступив, по меткому определению товарища Сталина, в незавидной роли «дворника у Троцкого, прочищающего ему дорогу».

Эволюция оппозиции показывает, как, отходя от ленинизма, она самой логикой внутрипартийной борьбы скатывалась на позиции троцкизма.

Диалектика внутрипартийного развития, диалектика развития борьбы привела оппозицию, начавшую формально с борьбы против троцкизма, к завершению ее эволюции окончательной капитуляцией перед троцкизмом — этим заклятым врагом ленинизма, созданием антипартийного блока во главе с Троцким и переходом на путь фракционной борьбы с партией, на путь создания новой партии.

Своим объединением с троцкизмом разбитая партией зиновьевская оппозиционная группа пыталась усилить троцкизм для борьбы против ленинизма, против ленинской партии.

В этом процессе возникновения беспринципного антипартийного блока проявилась та закономерность фракционной борьбы, которую Ленин вскрыл на основе изучения борьбы с фракционностью в нашей партии.

«Есть объективная логика фракционной борьбы, которая даже лучших людей, если они настаивают на занятой ими неправильной позиции, неизбежно приводит к положению, ничем фактически не отличающемуся от беспринципной демагогии. Этому учит вся история фракционных войн (пример — объединение «впередовцев» и меньшевиков против большевиков»²).

История нашей партии, история борьбы с уклонами и фракционностью обогатилась новым примером политической беспринципности и демагогической борьбы против партии, которую вел оппозиционный блок во главе с Троцким.

Товарищ Сталин в своем докладе на VII пленуме ИККИ (1927 г.), анализируя общее и особенное оппозиционного блока и касаясь внешних особенностей оппозиции, отметил, что оппозиция является объединенной, прикрывающей свой правый оппортунизм «левой» фразой и своей характерной чертой имеет принципиальную бесформенность, объединяя в одном блоке все оппортунистические течения, осужденные и разбитые партией.

Разгромленные на XIV съезде партии, зиновьевцы устами Зиновьева призывали все антипартийные группировки к объединению и после XIV съезда действительно вместе с троцкистами объединили осколки скатывающейся к контрреволюции группы «демократического централизма» Сапронова — В. М. Смирнова, группы «рабочей оппозиции» Шляпникова — Медведева и др. Общим для всех этих оппортунистических, антипартийных групп является их борьба против линии партии, их ненависть к ленинизму. Борьба с ленинизмом и ленинской партией, борьба, которую эти группы вели с самого своего возникновения, явилась той общей базой, на которой сплотился этот беспринципный блок оторванных от масс обанкротившихся группок.

Троцкистско-зиновьевская оппозиция оказывала поддержку контрреволюционеру Оссовскому, выступавшему с требованием защиты партией «всех

¹) «Пролетарская революция» 1934 г., № 4, стр. 77.

²) Ленин. Соч. Т. XXVI, стр. 93.

наличных интересов страны, в том числе и капиталистических предпринимателей».

Троцкистско-зиновьевский оппортунистический блок пытался объединить вокруг себя отъявленных врагов ленинизма, ренегатов: Корша, Урбанса, Маслова, Суварина и др. — для борьбы с Коммунистическим интернационалом.

Разногласия, которые когда-то разделяли эти группки между собой, теперь искусственно затушеваны, скрыты под покровом политического лицемерия и беспринципного «единства».

К этому конгломерату, внутренне противоречивому, политически лицемерному и беспринципному, вполне подходят следующие слова Ленина:

«По отношению к идейно-политическим направлениям надо сказать, что лицемерие есть то прикрытие, за которое хватаются группы внутренне не однородные, составленные из разношерстных, случайно сошедшихся элементов, чувствующих себя слабыми для открытого, прямого выступления»¹⁾.

Оппозиционный блок во главе с троцкизмом возник в то время, когда страна переживала переломный период, период перехода к новому, реконструктивному этапу социалистического строительства в условиях обострения противоречий и классовой борьбы, усложненной внутренней и международной обстановки. Так как этот «переломный период заново поставил ребром основные вопросы нашей революции и так как все эти течения расходились и продолжают расходиться с нашей партией по тем или иным вопросам революции, то естественно, что итоговый характер нынешнего периода, подводя баланс всем нашим разногласиям, должен был толкнуть все эти течения в один блок, в блок против основной линии нашей партии»²⁾.

Товарищ Сталин отмечает также, что «могучая сила и сплоченность нашей партии, с одной стороны, слабость и оторванность от масс всех без исключения оппозиционных течений, с другой стороны, не могли не сделать разрозненной борьбу этих течений против партии, явно безнадежной, ввиду чего оппозиционные течения неминуемо должны были стать на путь объединения сил для того, чтобы сложением отдельных групп компенсировать их слабость и поднять тем самым, хотя бы внешним образом, шансы оппозиции»³⁾.

К этим обстоятельствам надо добавить, что факт образования блока во главе с Троцким объясняется также тем, что «троцкизм является наиболее законченным течением оппортунизма в нашей партии из всех существующих оппозиционных течений»⁴⁾ и что троцкизм умеет как ни одно другое течение искусно маскировать свой оппортунизм «левой» фразой.

Все эти условия определили тот факт, что троцкисты и «новая оппозиция» «вполне закономерно встретились на общей платформе социал-демократического уклона и беспринципного объединения разнообразных антипартийных элементов в борьбе против партии, образовав, таким образом, оппозиционный блок, представляющий — в новой форме — нечто вроде рецидива «Августовского блока» (1912—1914 гг.)»⁵⁾.

Неверие в возможность построения социализма внутренними силами нашей революции в условиях замедления темпа развития мировой революции приводило оппозицию в отчаяние и к скатыванию с почвы марксистского научного анализа на почву знахарства, к признанию английской забастовки 1926 г. признаком окончания временной стабилизации капитализма. Оппози-

¹⁾ Ленин. Соч. Т. XIV, стр. 158.

²⁾ Сталин «Об оппозиции», стр. 446—447.

³⁾ Там же, стр. 447.

⁴⁾ Там же.

⁵⁾ Там же, стр. 316.

ция стремилась к срыву тактики единого фронта, требовала отказа от завоевания профсоюзов на Западе и замены профсоюзов новыми пролетарскими организациями. Товарищ Сталин, разоблачая капитулянтский смысл этих требований, определил их как «авантюризм в политике оппозиционного блока».

Экономическая политика нашей партии — политика социалистической индустриализации страны при неразрывном развитии индустрии и сельского хозяйства и на базе неуклонного под'ема материального положения основной массы крестьянства, — эта политика была направлена на укрепление смычки социалистической индустрии с сельским хозяйством и на укрепление руководящей роли пролетариата в хозяйственном строительстве.

Не веря в гегемонию пролетариата, в возможность привлечения крестьянства к строительству социализма, поскольку это крестьянство рассматривалось как враждебная среда, оппозиция скатывалась на путь капиталистической индустриализации, считая крестьянство «колонией для промышленности». Оппозиция требовала на июльском Пленуме проведения сверхиндустриализации за счет повышения цен, увеличения налогового нажима на крестьянство и т. п., что неизбежно повело бы к разорению крестьянства, сужению рынка, падению курса рубля, снижению реальной заработной платы и к срыву смычки, к разладу между пролетариатом и крестьянством, к подрыву основ индустриализации. Зиновьев и Смирнов обещали миллиарды за счет этих мер, причем последний требовал пересмотра нашего бюджета, считая, что «лучше пережить у нас разлад с середняком, чем идти к неизбежной гибели».

Партия пролетариата как основной инструмент основной движущая сила диктатуры пролетариата, есть «единство воли, несовместимое с существованием фракций» (Сталин).

Противопоставляя внутрипартийную демократию партийной дисциплине, смешивая внутрипартийную демократию со свободой фракций, оппозиция вела борьбу против «режима» в партии, против партаппарата, за свободу дискуссий, за свободу фракций, что было направлено к подрыву единства партии, ослаблению диктатуры пролетариата, к образованию новой партии, к развязыванию тех сил в нашей стране, которые недовольны режимом диктатуры пролетариата.

Указывая на раскольническую политику оппозиционного блока, на его недовольство «режимом» в партии и скатывание к меньшевизму, товарищ Сталин вскрывает социальные корни оппозиции, которая в своей борьбе против партии и ее политики отражала недовольство непролетарских элементов в стране режимом пролетарской диктатуры. На XV съезде он дает глубокую характеристику социальных корней оппозиции: «...Социальные корни оппозиции таятся в факте разорения мелкобуржуазных слоев города в обстановке нашего развития, в факте недовольства этих слоев режимом диктатуры пролетариата, в стремлении этих слоев изменить этот режим, «улучшить» его в духе установления буржуазной демократии... в результате нашего продвижения вперед, в результате роста нашей промышленности, в результате роста удельного веса социалистических форм хозяйства одна часть мелкой буржуазии, особенно городской буржуазии, разоряется и идет ко дну. Оппозиция отражает ропот и недовольство этих слоев режимом пролетарской революции. Вот где социальные корни оппозиции»¹⁾.

Мелкобуржуазные корни оппортунистического блока обуславливают ту его характерную особенность, что он, являясь выражением социал-демократического, оппортунистического уклона, защищавшего, по существу, правую политику, облекает свою деятельность «левой», «революционной» фразеоло-

¹⁾ Стенографический отчет XV съезда партии, стр. 79.

гией, критикует партию «слева». Этим оппозиция стремилась привлечь к себе внимание и обмануть революционных рабочих, которые, будучи воспитаны партией Ленина—Сталина в духе преданности ленинизму, в духе революционных традиций, ненавидят оппортунизм.

Для разоблачения и разгрома оппозиции партия должна была выявить за видимостью «революционной», «левой» маскировки глубоко оппортунистическую сущность оппозиции.

Ленин учил, что «в собственном смысле диалектика есть изучение противоречий в самой сущности предметов»¹⁾.

Подводя итоги внутривнутрипартийной борьбе во время дискуссии о профсоюзах, Ленин, говоря о «логике фракционной борьбы», в силу которой происходит развитие разногласий, указывал на то, что «надо изучать не только абстрактную сущность разногласий, но и конкретное развертывание и видоизменение их в развитии разных этапов борьбы»²⁾.

Эту задачу выяснения развития сущности разногласий как средства для достижения быстрого и верного преодоления их Ленин формулирует следующим образом:

«Надо, чтобы все члены партии с полным хладнокровием и величайшей тщательностью принялись изучать: 1) сущность разногласий и 2) развитие партийной борьбы. Необходимо и то и другое, ибо сущность разногласий развертывается, разъясняется, конкретизируется (а сплошь да рядом и видоизменяется) в ходе борьбы, которая, проходя разные этапы, показывает нам всегда на каждом этапе не одинаковый состав и число борющихся, не одинаковые позиции в борьбе и т. д. Надо и изучать то и другое, обязательно требуя точнейших документов, напечатанных, доступных проверке со всех сторон. Кто верит на слово, тот безнадежный идиот, на которого машут рукой»³⁾.

Применяя материалистическую диалектику в выяснении сущности разногласий, товарищ Сталин конкретизирует и разрабатывает ленинское учение об изучении сущности внутривнутрипартийных разногласий, которые во внутривнутрипартийной борьбе развиваются, изменяясь на различных этапах борьбы. Товарищ Сталин в борьбе с троцкизмом, с правым и «левым» оппортунизмом дал партии блестящие уроки диалектического изучения «объективной логики фракционной борьбы», преодоления противоречий в партии путем борьбы и укрепления партии на основе этого преодоления.

Товарищ Сталин в тезисах об оппозиционном блоке, принятых на XV конференции, указывал, что «партия должна обратить особое внимание на разоблачение «революционной» маскировки и выявление оппортунистической сущности оппозиционного блока»⁴⁾. Сущность блока, его платформа, «есть платформа социал-демократического уклона, платформа правого уклона в нашей партии». Товарищ Сталин вскрыл внутренние противоречия между словом и делом оппозиции, между видимостью и сущностью, свойственные оппортунистическим оппозициям в нашей партии. «Оппозиция лишь маскируется «левой» фразой, а на самом деле она является оппортунистической оппозицией. Мы знаем, как правая оппозиция часто маскируется в «левию» тогу для того, чтобы ввести в заблуждение рабочий класс. «Рабочая оппозиция» тоже считала себя левее всех, однако, она оказалась на деле правее всех. Нынешняя оппозиция тоже считает себя левее всех, однако, практика и вся работа нынешней оппозиции доказывают, что она является центром стягивания и очагом всех правых оппортунистических течений от «рабочей

¹⁾ Ленинский сб. XII, стр. 163.

²⁾ Ленин. Собр. соч. Т. XXVI, стр. 93.

³⁾ Там же, стр. 87.

⁴⁾ Сталин «Об оппозиции», стр. 323.

оппозиции» и троцкизма до «новой оппозиции» и всяких там Сувариных»¹⁾.

Позднее, на XVI съезде партии, товарищ Сталин характеризовал существо троцкизма, которое состоит в отрицании возможности построения социализма пролетариатом в союзе с крестьянством нашей страны, в отрицании возможности вовлечения основных масс крестьянства в социалистическое строительство и в отрицании необходимости железной дисциплины партии и в признании свободы фракций, группировок, образования троцкистской партии. Товарищ Сталин разоблачил его буржуазную капитулянтскую природу, прикрываемую «левой» фразой, его противоречие между формой и содержанием. «Капитулянтство на деле, как содержание, «левые» фразы и «революционно»-авантюристские замашки, как форма, прикрывающая и рекламирующая капитулянтское содержание, — таково существо троцкизма»²⁾.

Развивая ленинское учение о преодолении разногласий путем борьбы, товарищ Сталин дает глубочайший анализ развития идейных, тактических и организационных разногласий в борьбе с оппозиционным блоком. Гениально пользуясь орудием марксистско-ленинской диалектики, он вскрывает сущность разногласий, оппортунистическую сущность оппозиционного блока, изучает развитие сущности разногласий, вскрывая тенденцию дальнейшего развития оппозиции в направлении все большего отхода от линии партии, в направлении ревизии марксизма-ленинизма, подмены его троцкизмом, в направлении образования новой партии, вскрывает тактику и приемы борьбы оппозиции против партии. На этой основе на каждом этапе развития разногласий, в тесной связи с изменением обстановки, условий классовой борьбы, товарищ Сталин вырабатывает тактику и методы борьбы с оппозицией для ее решительного разгрома.

Товарищ Сталин воспитывает партию и рабочий класс в духе революционной бдительности, в духе беззаветной преданности партии марксизму-ленинизму, в духе большевистской непримиримости и способности быстро разоблачать за «левой» фразой правые дела оппортунистов всех мастей и разбивать их.

Логика фракционной борьбы оппозиции привела к тому, что, заключив беспринципный блок с троцкизмом, оппозиция в своей борьбе против партии и ее сталинского руководства не стеснялась в выборе средств борьбы. Игнорируя решения съезда и важнейшие требования большевистской партийности, требования дисциплины, единства партии, оппозиционный блок пришел к созданию нелегальной фракционной организации с особой платформой и дисциплиной.

Оппозиция перешла к устройству нелегальных конспиративных собраний, перепечатыванию и рассылке нарочито подобранных секретных документов, направленных на дискредитирование линии партии, посылала своих агентов в другие города (например поездка Гр. Беленького в Одессу) для организации там подпольных фракционных групп.

В начале июня 1926 г. Гр. Беленький организовал нелегальное фракционное собрание оппозиционеров в лесу, на собрании выступал с докладом Лашевич, бывший тогда кандидатом в члены ЦК партии, который призывал к борьбе против партии и ЦК.

Июльский объединенный Пленум ЦК и ЦКК (1926 г.) отметил, что «все нити этих фракционных шагов оппозиции ведут к аппарату ИККИ, во главе которого стоит член Политбюро Зиновьев». Используя аппарат Исполкома Коминтерна, оппозиция принимала меры к установлению блока с ренегатами коммунизма типа Корша и Суварина и к перенесению в братские компартии фракционной борьбы (дело Гуральского, Вуйовича).

¹⁾ Сталин «Об оппозиции», стр. 486.

²⁾ Сталин «Вопросы ленинизма», стр. 559.

Пленум резко осудил фракционную деятельность оппозиции, исключил Лашевича из состава ЦК ВКП(б) со строгим выговором и предупреждением, а Зиновьева — из состава Политбюро ЦК и предупредил их и всех оппозиционеров, что партия примет более суровые меры, если они не прекратят фракционной работы.

Прикрываясь двурушническими заявлениями о подчинении партии, руководители оппозиции готовили против нее новую атаку.

Осенью 1926 г. оппозиция сделала новую попытку нападения на партию, апеллируя к низовым ячейкам. Троцкий, Зиновьев, Евдокимов и др., выступили на собраниях ячеек завода Авиоприбор, на Рязано-Уральской железной дороге в Москве, на «Красном путиловце» в Ленинграде против линии партии. Эти попытки кончились полным провалом как в Москве, так и в Ленинграде. Партия, руководимая ленинским ЦК во главе с товарищем Сталиным, сумела ответить на демагогию троцкистов решительным ударом. Низовые организации, втянутые партией в обсуждение всех вопросов партийной жизни, дали оппозиционерам жестокий отпор, что явилось также опровержением заявлений оппозиции об отсутствии и о подавлении в партии внутрипартийной демократии. Получив отпор в партийных организациях, оппозиция начала отступление для того, чтобы при более благоприятной для себя обстановке вновь начать борьбу с партией.

Потерпев поражение, оппозиционные «генералы без армии» подали 4 и 16 октября заявления в ЦК об отказе от фракционной работы, отказе от поддержки ренегатов Рут Фишер, Маслова и др., об обязательности для них решений XIV съезда партии.

Позднее, в марте 1928 г. Троцкий в письме к Урбансу писал о том, какое значение имели для оппозиции эти заявления, двурушнически прикрывавшие ее гнусную фракционную работу. Он писал: «Что касается ваших многочисленных и резких критических замечаний о наших «заявлениях» (16 октября 1926 г., 8 августа 1927 г. и на XV съезде), то вы обнаруживаете непонимание одной простой вещи, что все эти заявления не были нашими пропагандистскими документами, а были публично отданными приказами о временном отступлении» (цит. по статье Ярославского «У последней черты», «Большевик» № 23—24 за 1928 г., стр. 18).

На XV конференции и VII пленуме ИККИ лидеры оппозиции снова выступили с защитой троцкистских взглядов о невозможности построения социализма в нашей стране. Эти выступления показали, что оппозиция, по существу, не отказалась от своих антипартийных позиций, этими выступлениями, всем своим поведением она показала, что подписанное ею заявление от 16 октября было обманом партии. Эти выступления явились сигналом оппозиционерам к продолжению фракционной борьбы против линии партии.

XV конференция единогласно приняла тезисы товарища Сталина «Об оппозиционном блоке ВКП(б)», в которых он констатировал переход «новой оппозиции» к троцкизму и квалифицировал «взгляды Троцкого и его единомышленников как социал-демократический уклон в нашей партии в основном вопросе о характере и перспективах нашей революции»¹⁾. Конференция поставила важнейшей задачей партии в борьбе за единство идейную борьбу и идейный разгром оппозиции.

Пленум ИККИ также осудил взгляды оппозиции, утвердил решения XV партконференции ВКП(б).

Период наступления новых трудностей, связанных с изменениями в международном положении СССР, с поражением китайской революции, с разрывом англо-советских отношений и с обострением классово-борьбы внутри страны, был использован оппозицией для новых атак на партию, для дема-

¹⁾ Сталин «Об оппозиции», стр. 315.

гогических обвинений партии в перерождении, в «сползании с рельс классово-политики», в ослаблении и перерождении диктатуры пролетариата и т. д.

На беспартийном собрании, посвященном пятнадцатилетию «Правды», Зиновьев выступил с апелляцией к беспартийным, с критикой политики партии.

Летом 1927 г. оппозиция выступает с заявлением 83, в котором клеветнически обвиняет партию и ЦК в перерождении, в ослаблении пролетарской диктатуры и т. д. В июне на президиуме ЦКК Троцкий выдвинул клеветническое обвинение партии в термидорианстве.

9 июня троцкисты во главе с Троцким и Зиновьевым организовали политическую антипартийную демонстрацию на Ярославском вокзале под предлогом проводов Смилги.

В момент усиления угрозы империалистической войны против СССР оппозиция устами Троцкого выдвинула пораженческий, контрреволюционный тезис о Клемансо, по смыслу которого (тезиса) нужно было сменить руководство партии и государства как термидорианское, прежде чем организовать оборону СССР¹⁾.

Оппозиция развивает активную фракционную работу, нарушая партийность и дисциплину, способствуя этим разоружению пролетариата перед лицом военной опасности, становится на путь раскола партии, образования новой партии, на путь раскола Коминтерна и организации в Германии второй партии во главе с исключенными из партии ренегатами Масловым и Рут Фишер.

Объединенный Пленум ЦК и ЦКК потребовал от лидеров оппозиции — Троцкого и Зиновьева — отказа от тезиса о Клемансо, от политики раскола партии и Коминтерна и объявил им строгий выговор с предупреждением.

Однако и после Пленума оппозиция продолжает подпольную работу, организует фракционные центры и типографии для печатания своих антипартийных документов, связывается с группой буржуазных интеллигентов, в свою очередь связанных с контрреволюционной организацией, скатываясь на путь перерождения и контрреволюции. За обман партии октябрьский Пленум ЦК и ЦКК исключил Троцкого и Зиновьева из состава ЦК.

«... Самым ярким показателем оппортунистического перерождения оппозиции, самым ярким признаком банкротства и падения оппозиции, — говорил товарищ Сталин, — является ее голосование против манифеста ЦИК Союза ССР»²⁾, против исторического постановления ЦИК СССР о 7-часовом рабочем дне.

Из зародыша новой партии оппозиция становится к осени 1927 г. новой троцкистской партией со своим ЦК, губернскими и местными комитетами, партийной кассой и типографией.

Еще на VII пленуме ИККИ товарищ Сталин указывал, что отрицание оппозицией возможности строительства социализма в нашей стране ведет к образованию другой партии. «Теория двух партий или теория новой партии есть прямой результат отрицания возможности строительства социализма, прямой результат перспективы перерождения»³⁾.

Практика подтвердила правильность прогноза товарища Сталина. Оппозиция скатилась к образованию новой партии, к полному перерождению.

Логика борьбы оппозиции с партией привела к превращению ее из борьбы внутрипартийной в борьбу за пределами партии, в антисоветские выступления оппозиции, в попытку организовать контрдемонстрацию в годовщину десятилетия Октябрьской революции.

¹⁾ Сталин «Об оппозиции», стр. 674—680.

²⁾ Там же, стр. 737.

³⁾ Там же, стр. 543.

14 ноября 1927 г. ЦК и ЦКК исключили Троцкого и Зиновьева из рядов партии и поставили вопрос об оппозиции в целом на обсуждение XV с'езда партии.

В борьбе с троцкистами партия, вырабатывала методы преодоления и разгрома оппозиции, учитывая всю совокупность условий и выясняя этапы развития внутривнутрипартийной борьбы, вскрывая тенденцию развития оппозиции.

На первых этапах борьбы, когда оппозиция не выходила за рамки партийной легальности, партия ставила перед собой задачу, не исключая и необходимых организационных мер, «вести решительную идейную борьбу с социал-демократическим уклоном в нашей партии, разъясняя массам ошибочность принципиальных взглядов оппозиционного блока и выставляя на свет оппортунистическое содержание этих взглядов, какими бы «революционными» фразами они ни прикрывались»¹⁾.

Товарищ Сталин на Пленуме ЦК ВКП(б) в ноябре 1928 г., говоря о методах борьбы с уклонами, указал, что в борьбе с троцкистско-зиновьевской оппозицией партия стала применять в сколько-нибудь широком масштабе организационные выводы «после того, когда троцкисты организовались во фракцию, создали свой фракционный центр, превратили свою фракцию в новую партию и стали звать людей на антисоветские демонстрации»²⁾.

В процессе развертывания и обострения фракционной борьбы оппозиции, в процессе разоблачения ее антипартийной сущности, менялись и методы борьбы партии с ней.

На октябрьском объединенном Пленуме ЦК и ЦКК в 1927 г., констатируя изменение линии оппозиции по всем основным вопросам разногласий и причины перехода оппозиции на путь перерождения и превращения ее в орудие третьей силы, в орудие контрреволюционной буржуазии, товарищ Сталин указывал на изменение принципиальной линии и организационной «схемы» лидеров оппозиции и на изменение политики партии к ним.

В вопросе о перерождении партии, который является вопросом «об отрицании наличия диктатуры пролетариата в СССР», раньше Троцкий выступал против аналогии меньшевиков и либералов о термидоре, а теперь сам перешел на их позицию в борьбе против партии, сам обвиняет партию в термидорианстве.

«От троцкизма к «меньшевизму» и «либерализму» в основном вопросе о перерождении,—таков путь троцкистов за последние три года.

Изменились троцкисты. Должна была измениться и политика партии в отношении троцкистов»³⁾.

В организационном вопросе, в вопросе о дисциплине в партии, являющейся «одним из основных условий сохранения диктатуры пролетариата и успешного строительства социализма в нашей стране», троцкизм также изменился. Хотя «разногласия нашей партии с Троцким, собственно говоря, никогда не прекращались» (Сталин), но Троцкий и троцкисты раньше подчинялись решениям партии. Оппозиционный блок перешел теперь на рельсы раскола партии, на рельсы создания новой партии. «...От лояльности в отношении партии к политике раскола в партии» (Сталин).

«Изменились троцкисты. Должна была измениться и организационная политика партии в отношении троцкистской оппозиции»⁴⁾.

Борьба оппозиционного блока против партии, против ее марксистско-ленинской политики, скатывание на путь перерождения и антисоветской борьбы нашли свое отражение в повышении интереса к оппозиции со стороны

¹⁾ Сталин «Об оппозиции», стр. 324.

²⁾ Сталин «Вопросы ленинизма», стр. 381. 9-е изд.

³⁾ Сталин «Об оппозиции», стр. 743.

⁴⁾ Там же, стр. 744.

кадетов, социал-демократов и всех антисоветских элементов, которые увидели в ней силу, направленную на борьбу против диктатуры пролетариата.

Указывая на неслучайность этого, товарищ Сталин говорил, что «оппозиция отражает не настроение пролетариата нашей страны, а настроения непролетарских элементов, недовольных диктатурой пролетариата, озлобленных против диктатуры пролетариата и ждущих с нетерпением ее разложения, ее падения».

Таким образом, логика фракционной борьбы нашей оппозиции привела на деле к тому, что фронт нашей оппозиции слился объективно с фронтом противников и врагов диктатуры пролетариата»¹⁾.

В борьбе между капитализмом и социализмом в рабочем классе возможна либо политика коммунизма либо политика меньшевизма. Именно поэтому «попытка оппозиции занять третью позицию при заострении борьбы против ВКП неминуемо должна была кончиться тем, что позиция была сброшена ходом фракционной борьбы в лагерь противников ленинизма»²⁾.

Эта логика фракционной борьбы вела троцкистскую оппозицию к прямому превращению в орудие и агентуру врагов диктатуры пролетариата.

XV съезд партии определил, что «идеология оппозиции, открыто сблочновавшейся с ренегатами международного коммунизма (Маслов—Суварин и К°), в настоящее время сложилась и оформилась как меньшевизм в его своеобразной троцкистской формулировке. Отрицание социалистического характера советских государственных предприятий, отрицание возможности победоносного социалистического строительства в нашей стране, отрицание политики союза рабочего класса с основными массами крестьянства, отрицание организационных принципов большевизма (политика раскола ВКП(б) и Коминтерна) логически привели троцкистско-меньшевистскую оппозицию к клевете на СССР, как переродившееся термидорианское государство, к отрицанию пролетарской диктатуры в СССР и контрреволюционной борьбе против нее.

В итоге оппозиция идейно разорвала с ленинизмом, переродилась в меньшевистскую группу, стала на путь капитуляции перед силами международной и внутренней буржуазии и превратилась объективно в орудие третьей силы против режима пролетарской диктатуры»³⁾.

Поскольку тактически разногласия между партией и оппозицией переросли в программные и поскольку оппозиция объективно стала фактором антисоветской борьбы, съезд объявил «принадлежность к троцкистской оппозиции и пропаганду ее взглядов несовместимыми с пребыванием в рядах большевистской партии»⁴⁾.

Съезд исключил из партии 75 активных деятелей троцкистской оппозиции, в числе которых были Троцкий, Зиновьев, Каменев, Евдокимов, Бакаев, Залуцкий и др. Среди исключенных были и гнусные убийцы тов. Кирова: Румянцев, Котловых и др.

Троцкистская оппозиция вновь пыталась обмануть доверие партии и повторить прежний маневр — выступить с заявлением, в котором обещала прекратить фракционную работу и отстаивать свои взгляды в рамках устава партии.

Съезд единодушно отверг это двурушническое предложение оппозиции.

Под сокрушительными большевистскими ударами партии разбитый оппозиционный блок закончил свое бесславное существование.

Сплотившись вокруг своего ленинского ЦК, под руководством своего

¹⁾ Сталин «Об оппозиции», стр. 477.

²⁾ Там же, стр. 478.

³⁾ «ВКП(б) в резолюциях». Ч. II, стр. 407—408.

⁴⁾ Там же, стр. 408.

вождя товарища Сталина партия разбила троцкизм, преодолела внутрипартийные разногласия путем решительной борьбы со всеми попытками разрушить ее идейное и организационное единство.

В этой борьбе наша партия еще более выросла, окрепла, закалилась, сделалась еще более мощным рычагом пролетарской диктатуры. Эта борьба как и борьба со всеми другими оппортунистическими течениями явилась важнейшим средством укрепления монолитности и единства нашей партии.

Товарищ Сталин на XV конференции ВКП(б) говорил: «...Борьба с принципиальными ошибками оппозиции является единственным средством их преодоления, а преодоление этих ошибок — единственным путем действительного единства в нашей партии... В ходе внутрипартийной борьбы и в ходе отражения наскоков оппозиции партия сплотилась воедино, как никогда, на основе социалистических перспектив нашего строительства...»

Партия, сплотившаяся на основе социалистических перспектив нашего строительства, это — тот самый рычаг, который так нужен теперь для того, чтобы двинуть вперед социалистическое строительство в нашей стране.

Этот рычаг выковали мы в борьбе с оппозиционным блоком»¹⁾.

Дальнейшая эволюция троцкизма после его разгрома является завершением того пути, который он проделал от фракции меньшевизма, чем он являлся до 1917 г., до вступления троцкистов в нашу партию, через временное пребывание (1917—1927 гг.) в нашей партии в качестве фракции коммунизма, через борьбу внутри нашей партии за свое влияние, за легализацию своей фракции, поскольку они не отказались от своих антибольшевистских взглядов, к возвращению опять к контрреволюционному меньшевизму. Круг оказался замкнутым. «Собака вернулась к своей блевотине».

Выброшенный из партии и из пределов советской страны, Троцкий продолжает вести бешеную борьбу против нашей партии и советской власти по всем вопросам внутренней и международной политики, против Коминтерна, не останавливаясь перед самой гнусной клеветой.

«Троцкизм,—пишет товарищ Сталин,—давно уже перестал быть фракцией коммунизма. На самом деле троцкизм есть передовой отряд контрреволюционной буржуазии, ведущей борьбу против коммунизма, против советской власти, против строительства социализма в СССР», ибо троцкизм «дал контрреволюционной буржуазии духовное оружие против большевизма в виде тезиса о невозможности построения социализма в нашей стране, в виде тезиса о неизбежности перерождения большевиков» и т. д., тактическое оружие в виде попыток борьбы против диктатуры пролетариата и «организационное оружие в виде попыток устройства подпольных антисоветских организаций»²⁾.

После XV съезда партии Каменев и Зиновьев и ряд других лидеров оппозиции еще раз подали заявление в ЦК с полным признанием своих ошибок и уверениями в преданности партии. Но эти заявления о раскаянии оказались вновь обманом партии, были двурушничеством. Об этом свидетельствует попытка летом 1928 г. создания блока с Бухариным, который искал у троцкистов поддержки своей правооппортунистической позиции в борьбе против линии партии.

Обнаруженный позднее документ с записью разговоров Каменева с двумя троцкистами, Каплинским и Переверзевым, происходивший 22 сентября 1928 г., также показал, что Каменев не разоружился, не порвал с троцкизмом, что бывшие лидеры оппозиции целиком оставались на троцкистских позициях.

¹⁾ Сталин «Об оппозиции», стр. 374.

²⁾ Сталин «Вопросы ленинизма», стр. 612—613.

Каменев заявил «собеседникам», что «приходится сожалеть, что произошел разрыв. Жизнь подтвердила все положения оппозиции. Диагноз, поставленный оппозицией, абсолютно верен»¹⁾.

Об отношении Каменева к Троцкому свидетельствуют его слова о том, что «оценка июльского Пленума ЦК, данная Л. Д. Троцким, абсолютно верна». В этой же беседе Каменев характеризовал экономическое положение в СССР так, что страна будто бы «вступает в более острый экономический кризис» и что «руководство довело страну до такого положения, когда мер хозяйственного порядка, способных вывести страну из кризиса, и своими собственными средствами, уже нет»²⁾.

Это панически обрисованное Каменевым положение, по его мнению, может быть устранено только путем смены руководства партии и изменения ее политики.

«Единственно возможными мерами в данный момент, — вещает этот двурушник, — являются меры политического порядка, т. е. смена руководства, выпрямление линии в направлении большей классовой четкости с разработкой ряда мер с длительными сроками проведения, политической мобилизации масс, активизации их»³⁾. Слова насчет мобилизации и активизации масс являются, конечно, обычной демагогией.

Тов. Молотов на Пленуме ЦК ВКП(б) 13 ноября 1929 г. существо этих взглядов Каменева характеризовал как взгляды «настоящего буржуазного либерала». «В его декларации, — говорит тов. Молотов, — насчет необходимости новых мер «политического порядка» нельзя не услышать призыва к срыву большевистской политики и замаскированных тенденций к буржуазной демократии».

В «записи» беседы говорится, далее, что «выходом из этого положения Л. Б. (Каменев) считает вхождение в партию, постепенное занятие ответственных советских и профессиональных должностей». Каменев прямо формулирует свою подлую, двурушническую цель, свою буржуазно-либеральную линию: «Кризис зреет, и когда он дойдет до известного предела, мы об этом скажем, заявим партии и рабочему классу. В настоящее же время надо принять меры к тому, чтобы работать вместе»⁴⁾.

Это и все последующее поведение лидеров оппозиции показало, что они ни на минуту не складывали оружия, ни на минуту не прекращали своей борьбы против партии, что они сделали двурушничество своей основной тактикой в борьбе против партии.

Будучи вновь принятыми в партию, Каменев и Зиновьев не прекращали борьбы с ней, они поддерживали связь с контрреволюционной группой Рютина—Слепкова, пытавшейся «создать подпольным путем под обманном флагом «марксизма-ленинизма» буржуазную кулацкую организацию по восстановлению в СССР капитализма и в частности кулачества»⁵⁾, за что были в октябре 1932 г. исключены ЦКК из партии.

В 1933 г. они вновь обратились в ЦК с письмом, в котором заявляли о своем раскаянии. Но эти двурушники вновь обманули партию и использовали ее доверие для продолжения своей гнусной, предательской работы.

Подпольная контрреволюционная группа во главе с «ленинградским центром», организованная гнусными подонками зиновьевской оппозиции, воспитанными ею в духе ненависти к партии и ее руководству, в духе двуруш-

¹⁾ Цит. по докладу тов. Молотова на ноябрьском Пленуме ЦК ВКП(б) 1929 г. «Большевик» № 2 за 1930 г., стр. 24.

²⁾ Там же, стр. 22—23.

³⁾ Там же, стр. 23.

⁴⁾ Там же, стр. 24.

⁵⁾ Постановление Президиума ЦКК ВКП(б) от 9 октября 1932 г.

ничества и способности не брезговать никакими средствами в борьбе с партией, — эта группа своим руководителем имела так называемый «московский центр» во главе с Зиновьевым и Каменевым и др., который систематически, на протяжении ряда лет, руководил подпольной контрреволюционной деятельностью как московской, так и ленинградской групп.

Подпольная контрреволюционная организация ставила своей задачей перестройку методов подпольной работы и сохранения в партии основных кадров оппозиции путем двурушничества.

«Эти двурушнические, изменнические методы контрреволюционной деятельности составляют характерную особенность приемов борьбы, усвоенных и широко практиковавшихся участниками подпольной контрреволюционной зиновьевской группы, не остававшейся для достижения своих целей ни перед какими средствами»¹⁾.

Один из лидеров бывшей зиновьевской оппозиции — Евдокимов — в своем заявлении суду говорил: «Ослепленные злобным отношением к руководству партии, мы не видели, что делается в городе и на селе, мы не видели колоссальнейших успехов социалистического строительства. Громадные исторические процессы в нашей стране, влияющие на международное рабочее движение, проходили мимо нас. Мы брали трудности, встававшие в процессе роста страны, и расценивали их как враги, злорадствуя по поводу неудач и бросая обвинение в этих неудачах по адресу партруководства... Мы злобно шипели о том, что партии нет, что нет ЦК, нет внутрипартийного режима, бросая по адресу товарища Сталина злобные контрреволюционные инсинуации... Мы ничем не отличались от международной контрреволюционной сволочи. Мы точно так же, как эта сволочь, ждали краха, мы жили надеждами на этот крах»²⁾.

Другой зиновьевец — Федоров — на следствии заявил, что зиновьевской оппозицией «применялись все гнуснейшие средства, заимствованные из арсенала фашизма». (Обвинительное заключение).

Естественно поэтому, что контрреволюционные подонки бывшей оппозиции стали продажными агентами империалистов, что в своей бешеной ненависти к партии и ее вождям они перешли к последнему антисоветскому средству — террору. Воспитанные зиновьевской оппозицией, Николаев, Румянцева, Котлянов и др., не случайно стали орудием классового врага, не случайно стали убийцами одного из лучших людей партии — тов. Кирова.

Вся предательская, двурушническая деятельность зиновьевской оппозиции была направлена на борьбу любыми средствами против партии и ее сталинского руководства.

Ни одна из существовавших ранее в партии оппозиционных групп не применяла таких предательских методов борьбы с партией, какие применяла контрреволюционная, зиновьевская группа.

Двурушничество — этот метод классового врага: провокаторов, вредителей, разведчиков враждебных сил — зиновьевская оппозиция сделала основным методом, системой всей своей контрреволюционной деятельности, превратившись в замаскированную белогвардейскую организацию.

Презренные предатели, двурушники, подлые агенты классового врага, фашистские убийцы понесли заслуженную кару.

От оппозиции и фракционной борьбы против партии — к превращению в белогвардейскую подпольную организацию, действующую фашистскими методами, в отъявленных врагов рабочего класса, в орудие буржуазии, в ее передовой отряд контрреволюции — таков позорный, предательский путь зи-

¹⁾ «Правда» от 16/1 1935 г. Обвинительное заключение.

²⁾ Там же. «Из зала суда».

чьевской группировки, такова беспощадная логика борьбы против партии, против диктатуры пролетариата.

Партия Ленина — Сталина непоколебима.

Беспощадная борьба с двурушниками, со всеми проявлениями оппортунизма, укрепление революционной бдительности, воспитание в духе преданности марксизму-ленинизму, преданности партии и ее вождю товарищу Сталину — эти задачи являются важнейшими задачами партии.

Под руководством гениального вождя и учителя товарища Сталина наша партия одерживает величайшие, всемирноисторические победы в строительстве социализма в нашей стране, в строительстве народного хозяйства, социалистической культуры.

Из отсталой в хозяйственном отношении и неграмотной страны партия во главе трудящихся превратила нашу страну в передовую мировую державу. На строительстве новых промышленных гигантов, вооружении нашего народного хозяйства передовой техникой, в строительстве новой культуры, науки, искусства вырастают, воспитываются, крепнут новые люди, перевоспитываются старые.

Наша техника достигла теперь такого уровня, когда для полного ее использования у нас не хватает кадров.

Лозунг товарища Сталина «Кадры решают все» означает начало новой полосы в развитии нашей страны.

Товарищ Сталин говорил, что «только те кадры хороши, которые не боятся трудностей, которые не прячутся от трудностей, а наоборот — идут навстречу трудностям для того, чтобы преодолеть и ликвидировать их. Только в борьбе с трудностями куются настоящие кадры»¹⁾.

«Наш народ, — говорится в передовой «Правды», — впитывает в себя культуру большевизма, его традиции, его методы и идеи». В упорной борьбе с трудностями, с оппортунизмом, в борьбе за победу социализма, под руководством нашей партии и ее великого вождя товарища Сталина воспитываются, растут, крепнут негнбимые большевики, партийные и непартийные, преданные своей партии, своей стране, своему гениальному, могучему и любимому Сталину.

¹⁾ Речь товарища Сталина на выпуске академиков Красной армии 4 мая 1935 г., стр. 15. Партиздат.

ИВАН ВЛАДИМИРОВИЧ МИЧУРИН
(1854—1935)

С НАУЧНОГО ФРОНТА

Иван Владимирович Мичурин

(1854 — 1935)

Скончался Иван Владимирович Мичурин, заслуженный деятель науки и техники, почетный академик, орденосец, советский ученый, всемирно известный селекционер-садовод, — великий мастер социалистического плодоводства.

Вся жизнь этого замечательного человека заключалась в упорной творческой деятельности в области селекции плодовых растений. Еще в сентябре прошлого года был торжественно отмечен 60-летний юбилей его деятельности.

Никогда не забудут садоводы-мичуринцы совхозных и колхозных полей задушевных слов приветствия, высказанных в этот день Мичурину нашим вождем и другом Сталиным, правительством и колхозниками, ибо эти торжества были действительно всеобщими торжествами побед социалистического садоводства.

Иван Владимирович был великим новатором и организатором формообразовательных процессов растений. Он вывел 350 новых ценных и совершенных сортов плодовых растений, для которых широко открыты ныне ворота необъятного моря совхозных и колхозных полей. Он создал северное плодоводство, беспредельно расширив географические границы садоводства.

Иван Владимирович начал великое дело преобразования природы в условиях старой, гнилой России одиноким, гонимым и презираемым, в постоянной нужде, но обладая беспредельной любовью к плодоводству и талантом выдающегося экспериментатора.

«Правительство царской России, — как отмечает сам Мичурин, — совершенно не заботившееся об удовлетворении потребностей в плодах трудящихся масс, мало интересовалось и делом развития нашего садоводства. В течение целых столетий не принималось почти никаких мер к его улучшению, в особенности в средней и северной частях Европейской России»¹⁾.

На колоссальных площадях средней и северной полос бывшей царской России почти вовсе не было садов. Из 600 тыс. га садов трудовое крестьянство имело ничтожную часть, $\frac{9}{10}$ садов находилось в руках помещиков, попов и кулаков, т. е. тех бездельников и паразитов, которые рабским трудом насаждали себе вишневые сады. И в этих условиях всякая творческая мысль в области садоводства была в беспросветном загоне.

«Свои работы я начал, — рассказывает нам Иван Владимирович, — в 1875 г., во времена остатков крепостничества, на заре русского капитализма, когда не было вообще научного плодоводства (кафедра по плодоводству учреждена впервые в 1915 г.), когда вся русская наука была облечена в александровский мундир. Короче говоря, я не имел примера для научной постановки работы по выведению новых сортов плодово-ягодных растений. Передо мной даже не было скольнибудь серьезного опыта других...»

«Печальная картина русского садоводства вызывала во мне острое до боли

¹⁾ И. В. Мичурин «Итоги шестидесятилетних работ», стр. 15.

желание переделать все это, по-иному воздействовать на природу растений, и это вылилось в мой особый, ставший теперь общеизвестным принцип: «Мы не можем ждать милостей от природы; взять их у нее — наша задача». Этот принцип я и положил в основу своей работы и руководствуюсь им до сих пор»¹).

И действительно, Иван Владимирович не удовлетворялся «антоновкой», «боровинкой», «скрижалелью», «грушевкой», «анисовкой», «бессемянкой» да «тонковеткой»: он упорно искал выхода из этого крайне скудного сортимента плодов. Еще 20-летним юношей, отказывая себе в самом необходимом и накапливая небольшое сбережение от ничтожного заработка на железной дороге, Мичурин снимает пустующую усадьбу на Полтавской улице г. Козлова, которая вскоре оказалась переполненной растениями.

Любопытна и поучительна биография Мичурина. Родился он в 1855 г. в Пронском уезде, Рязанской губернии. Учеба в рязанской гимназии, куда он поступил, ему не удалась вследствие обеднения и распада семьи, и он был вынужден устроиться на железную дорогу. 12 лет он работал на железной дороге сначала в качестве помощника начальника станции, а затем «разжалованного» в товарной конторе. На восьмом году службы в товарной конторе он получил должность мастера по ремонту часов и сигнальных аппаратов на участках Рязань—Козлов—Ртицево. Эта работа дала возможность Мичурину увеличить сбережения и, наконец, купить 6 десятин земли под слободой Турмасово, где он закладывает исключительно собственными руками плодовой питомник²).

Скромна была база для научной деятельности Ивана Владимировича как в материальном отношении, так и в научно-методическом. И естественно, немало пришлось сделать ему ложных ходов с потерей времени, прежде чем он дошел до гибридизации растений, скрещивания растений, удаленных по своим географическим и видовым признакам.

В течение целых 10 лет Иван Владимирович экспериментировал на основе ложнонаучной теории об акклиматизации растений доктора Грелля, привлекая для своих опытов южных и даже иностранных «пришельцев».

Сам Иван Владимирович свидетельствует, что, применяя пресловутую акклиматизацию, «иностранные пришельцы — деревца — страдали, хирели и в конце концов, за весьма редкими исключениями, окончательно погибали. Вместе с тем своим болезненным ослаблением они создавали благоприятную почву к развитию массы различных вредителей; чем заражали все наши сады из местных выносливых сортов, еще не видавшие до этого у себя такого нашествия врагов»³).

Еще несколько лет потерял Иван Владимирович на так называемый массовый отбор. «Путем выращивания и отбора сеянцев, — давал сам себе он критику впоследствии, — из семян лучших наших и иностранных сортов я старался получить новые сорта. Однако вскоре выяснилось, что отборные сеянцы лучших местных сортов давали лишь незначительный перевес в своих качествах против старых сортов, а сеянцы из семян иностранных сортов в большинстве случаев оказывались невыносливыми»⁴).

Второй этап экспериментов был более продуктивен чем первый. Правда, в результате первых изысканий обнаруживалась не только почва для развития различных вредителей, но и намечались пути для дальнейших исследований.

Однако эти оба этапа работ Ивана Владимировича были малопродуктивными. «Здесь, — говорит Иван Владимирович по поводу этих работ, — нахожу полезным для будущих последователей моих работ хотя бы в кратком очерке упомянуть и о моих ошибках в приемах ведения дела и неправильном вначале пони-

¹) И. В. Мичурин «Итоги моей шестидесятилетней работы», стр. 8.

²) А. Н. Бахарев «И. В. Мичурин», стр. 19.

³) И. В. Мичурин «Итоги шестидесятилетних работ», стр. 16.

⁴) И. В. Мичурин «Итоги моей шестидесятилетней работы», стр. 8.

мании некоторых явлений из жизни растений. В большинстве случаев ошибки эти были основаны на том, что по своей в ту пору неопытности я слишком доверял чужим суждениям авторитетных тогда садоводов и самостоятельно не проверял эти суждения.

Такие ошибки отняли у меня массу напрасно затраченного времени, труда и средств. В выполнении некоторых деталей дела пропали целые десятки лет непроизводительно затраченного труда. И надо отметить, что даже в настоящее время, по прошествии более сорока лет, остатки этих ошибочных убеждений иногда резко проявляются у некоторых садоводов и приносят несомненный вред делу. Так например существует давнее мнение, что прививка в крону может ускорить наступление плодоношения у молодого гибрида или что прививка нежного сорта на холодостойкий подвой может придать ему свойство выносливости, что проповедывал в свое время известный московский садовод Грельль. Также существует утверждение тогдашних ботаников, что видовые, а тем более родовые гибриды невозможны и что если иногда и являются таковые, то они обязательно все бесплодны и т. д.¹⁾

Беспрерывно изыскивая пути улучшения садоводства, не смущаясь ошибками и не останавливаясь перед новыми экспериментами, Иван Владимирович дошел до гибридизации. Сначала он скрещивал два лучших местных сорта, местные сорта с южными и затем удаленные по своему географическому признаку и отдаленные или межвидовые растения. Итоги этих экспериментов оказались разительными. К Октябрьской революции он имел в своем питомнике до 800 видов исходных растительных форм, включающих в свой состав самых отдаленных чужестранцев: Северной и Южной Дакоты, США, Канады, Японии, Манчжурии, Кореи, Китая, Тибета, Индии, Памира, Индонезии, Средней Азии, Кавказа, Крыма, Альп, Франции, Англии, тундры и т. д.

Официальная наука не признавала научных открытий гениального самоучки.

Богатство экспонатов, многообразие опытов и исключительных результатов не сделали Ивана Владимировича в условиях мрачного исторического прошлого заметным человеком, признанным ученым. О его опытах несравнимо лучше знали за границей чем в России.

И лишь Октябрьская революция впервые оценила по достоинству гениальное творчество Мичурина, величайшие его заслуги перед наукой. В годы ожесточенной классовой борьбы, в дыму и огне революции и в годы голода величайший вождь революции Владимир Ильич Ленин открывает этого чудесного селекционера и новатора. Он уже тогда видел сквозь голод и нищету тех дней нынешние тучные поля страны социализма и наши необъятные перспективы. Он нашел в Мичурине беззаветно преданного человека, который не ждет милостей от природы, а берет от нее все, что может она дать.

Исключительным вниманием Ленина и Сталина подводится мощная социалистическая база под селекционное дело Мичурина. Питомник развернулся во все-союзный центр плодоводства и селекции, давших к последним дням Ивана Владимировича до 350 совершенных сортов яблок, груш, слив, вишен, абрикосов, персиков, винограда, смородины, барбариса, айвы, актинидии, из которых 200 сортов созданы уже в революционный период.

Октябрьская революция разорвала кастовость науки, уничтожила монополию эксплуататорских классов на науку, сделал ее всенародным достоянием.

В городе Мичуринске, бывшем Козлове, создан Научно-исследовательский институт плодоводства всесоюзного значения, где успешно проводятся широкие электробиологические работы. Этот Научно-исследовательский институт объединяет 14 зональных станций, размещенных по всей стране. В Мичуринске создан мощный комбинат имени Мичурина на площади в 7 тыс. га, из которых 2,5 тыс. га

¹⁾ И. В. Мичурин «Итоги шестидесятилетних работ», стр. 18.

заняты под садами. Там же созданы вуз, техникум, центральная генетическая лаборатория.

Мичурин оставил стране социализма не только 350 ценнейших и совершеннейших сортов, но и методику их создания и сотни и тысячи мичуринцев — энтузиастов плодоводства, которые преобразовывают всю страну. Не даром город Мичуринск стал Меккой наших колхозников, ученых-садоводов и иностранных специалистов. Методы Мичурина уже широко применяются советскими селекционерами и плодоводами. Например дальневосточные плодоводы Лукашев и Тихонов добились исключительно ценных сортов груш и слив для Дальневосточного края.

Особо близок нам Иван Владимирович тем, что он выкопал в себе материалистическое и диалектическое воззрение не в кабинете, а с лопатой в руке, не словом, а делом, упорной практикой. Он беспредельно близок нам и потому, что он до последнего вздоха был примером творческой деятельности на благо страны социализма. Последние дни, когда его пульс уже угасал, он интересовался, «появилась ли у крыжовника завязь», как ведут себя гибриды миндаля с персиком, груши «лесная красавица» и айвы и др. А когда он незадолго до смерти вышел из забытья и увидел сына Николая, он задает вопрос: «Ты видел мой орден?» Он хотел показать своему сыну врученные ему партией и правительством орден Ленина и орден Трудового красного знамени и напомнить, каким путем можно заслужить эти высшие награды. И действительно, своим примером он показал этот путь Николаю и всем мичуринцам. «Я встретил, — рассказывает нам Мичурин, — Октябрьскую революцию как должное, исторически необходимое по своей справедливости и неизбежности и немедленно обратился ко всем честным специалистам сельского хозяйства с призывом перейти на сторону советской власти и безоговорочно идти по пути рабочего класса и его партии. А тем, кто доказывал, «что лучше пользоваться испытанным старым, чем стремиться к неизвестному новому», я тогда отвечал: «Нельзя цепляться за часть, когда целое неудержимо стремится вперед»¹⁾.

Бесповоротно шел Мичурин этим путем, поэтому в 1923 г. он получил высшую награду — диплом ЦИК СССР, в 1925 г. — орден Трудового красного знамени и в 1931 г. — орден Ленина.

Поэтому же в последние дни жизни Мичурина ежедневно прилетали 4—5 самолетов, привозивших из Москвы профессоров, друзей к его постели. Поэтому же вся страна, вся многомиллионная армия труда совхозных и колхозных полей так чутко прислушивалась к биению пульса Мичурина.

Иван Владимирович своей упорной творческой практикой выкопал революционное мировоззрение. Он был материалистом, впоследствии глубоко познавшим диалектику сложных органических процессов природы.

«Для диалектики, — говорил Иван Владимирович словами Энгельса, — «нет ничего раз навсегда установленного, безусловного, святого, на всем и во всем она видит печать неизбежного падения, и ничто не может устоять перед ней, кроме непрерывного процесса возникновения, бесконечного восхождения от низшего к высшему» (Ф. Энгельс «Диалектика природы»).

Этот принцип является всегда основным принципом в моих работах, проходя красной нитью через все мои многочисленные опыты, которые я ставил в деле улучшения существующих и в деле выведения новых сортов плодово-ягодных растений»²⁾.

Мичурин — человек практики. Его дело идет впереди теоретических рассуждений. Он прежде всего много раз опытным путем проверит, а затем обобщит. Он не боялся идти вразрез установившимся взглядам, ибо с начала же научной деятельности он своей 10-летней упорной работой убедился в ложности преждевременных теоретических обобщений. В некоторых отношениях он существенно расходился с общепринятыми положениями современной генетики.

¹⁾ И. В. Мичурин «Итоги моей шестидесятилетней работы», стр. 12.

²⁾ И. В. Мичурин «Итоги шестидесятилетних работ», стр. 9.

«Иван Владимирович, — пишет акад. Б. А. Келлер, — в своих опытах по методу менторов и вегетативного сближения доказывает, что между привоем и подвоем существует более глубокое взаимодействие, причем могут изменяться и наследственные свойства того и другого. Иван Владимирович, далее, является сторонником возможности унаследования свойств, получаемых растением от приемов культуры. Он считает, например, что растение можно приучить к размножению черенками и т. д.

Есть и такие вопросы, где наука только в последнее время пришла к тем или сходным выводам, которые уже давно применял на практике Иван Владимирович»¹).

Это авторитетное заявление акад. Б. А. Келлера характеризует положительное качество великого новатора Ивана Владимировича Мичурина.

Опознав великие тайны растениеводства, Иван Владимирович оставил колоссальное наследство трудящимся страны социализма и завещание на будущее.

«Теперь перед нами, — говорил он, — стоит довольно трудная, но почетная, имеющая государственное значение задача — мы обязаны при проведении социалистической реконструкции плодово-ягодного хозяйства в ближайшее время восстановить и поднять урожайность, а следовательно, и товарность существующих садов, а также создать новое, социалистическое садоводство на основе передовой техники, возможной механизации и строгой плановости, используя испытанные социалистические методы труда — социальное соревнование и ударничество. Такое хозяйство ставит себе целью дать сырье для перерабатывающих предприятий и дать плоды для экспорта.

Мы должны прежде всего рассмотреть пригодность с этой точки зрения наших старых сортов плодовых растений в сортикетах каждой отдельной области: северной, средней и южной частей бывшей Европейской России, Приуралья, Восточной и Западной Сибири, Кавказа и Средней Азии. При этом все сорта, оказавшиеся малопродуктивными при культуре в садах, нужно беспощадно исключить из разведения. Такими, на мой взгляд, у нас, к сожалению, окажется большинство из имеющихся в садах сортов. После основательной чистки для каждого станет очевидным, как в сущности бедны списки действительно высокопродуктивных сортов, и резко бросится в глаза крайняя необходимость пополнить их количество подбором новых сортов, качественно улучшенных»²).

* * *

Вычистить наши сады от малопродуктивных и низкокачественных сортикетов плодовых растений; расширить наши сады до 3 млн. га к концу второй пятилетки социалистического строительства; раздвинуть северные границы садоводства; создать вокруг новых гигантов социалистической индустрии мощные кольца плодоносных садов; изменить пейзаж страны социализма, разукрасив и обогатив его аллеями плодоносных садов, — таковы наши задачи и завещание Ивана Владимировича Мичурина.

Научные и экспериментальные работы Мичурина и Института его имени являются новым ценным вкладом в науку, обогатившим теорию развития и изменения видов, имеют огромное значение для дальнейшего развития теоретического естествознания и в особенности биологии.

Делу Мичурина открыто огромное и славное научное будущее. Ученики и последователи великого ученого поведут смелую широкую экспериментальную и научно-исследовательскую работу на основе сознательного применения теории диалектического материализма, к которой пришел в результате многих десятков лет героического труда и творчества И. В. Мичурин.

Г. Муравьев

¹) Предисловие акад. Б. А. Келлера к I тому «И. В. Мичурин «Итоги полувековых работ».

²) И. В. Мичурин «Итоги шестидесятилетних работ», стр. 17.

РАБОТА ИНСТИТУТА ЭКСПЕРИМЕНТАЛЬНОЙ БИОЛОГИИ

(Москва)

Институт экспериментальной биологии (ИЭБ) существует с осени 1917 г. За это время он вырос в один из крупнейших в Союзе институтов, занимающихся проблемами теоретической биологии. Содержание его работы значительно изменялось в различные периоды его существования. Общее его направление определялось изучением внешних и внутренних факторов эволюции, соотношения наследственности и среды.

Наиболее значительная работа ведется Институтом в области генетики, что и понятно при том огромном значении, которое имеет эта дисциплина для уяснения закономерностей эволюционного процесса. В этой области Институт экспериментальной биологии является наряду с лабораторией генетики Академии наук СССР крупнейшим научным учреждением в Союзе. В настоящее время в многосторонней работе генетического отдела ИЭБ ведущую роль играет изучение гигантских хромосом в слюнных железах дрозофилы, проводимое, по методу американского ученого Пэйнтера, заводчиком проф. Н. П. Дубининым и его сотрудниками: В. В. Сахаровым, Г. Г. Фризенем и Н. Н. Соколовым. Этот метод, разработанный впервые в СССР и широко примененный в ИЭБ, дает возможность точно морфологически устанавливать местоположение отдельных генов в хромосомах, вплотную подводя нас к возможности видеть в микроскоп отдельные гены; уже сейчас можно, таким образом, видеть группы в 3—4 гена. Благодаря этому изучение механизма основных явлений наследственности может быть поднято на неизмеримо более высокую ступень чем до сих пор; характер, содержание, результаты транслокаций (перемещения кусков одной хромосомы в другую, негомологичную ей хромосому) могут быть изучены с чрезвычайной точностью. Как раз в связи с изучением транслокаций здесь удалось установить чрезвычайно широкое распространение так называемого «эффекта положения», т. е. различия в характере действия генов в зависимости от их местоположения в хромосоме. Так например рецессивный ген «прерванная локтевая жилка», находящийся в одной из IV хромосом дрозофилы, может стать доминантным, если происходит транслокация куска какой-либо из первых трех хромосом на другую IV хромосому. При этом эффект положения сказывается не только на генах, непосредственно прилегающих к месту разрыва хромосомы при транслокации, но и на генах, находящихся на некотором расстоянии от этого места. Изучение эффекта положения чрезвычайно важно не только методологически (поскольку оно показывает нам генетическое единство хромосомы, наличие неразрывной взаимосвязи между генами), но оно может иметь также огромное значение для понимания физико-химической природы хромосом, особенно в свете гипотезы проф. Н. К. Кольцова, который предполагает, что хромосомы состоят из пучков гигантских органических молекул, проходящих по всей их длине, причем гены соответствуют отдельным атомным группам в этих молекулах. Эффект положения придает также совершенно новое значение морфологическим изменениям хромосомного комп-

лекса, заставляя признать, что эти изменения необходимо влекут за собой также и изменение действия самих генов.

Однако значение изучения этих гигантских хромосом в слюнных железах далеко не исчерпывается разработкой проблемы эффекта положения. Непосредственное микроскопическое наблюдение отдельных генов или групп генов позволяет гораздо глубже, чем это возможно на обычно изучаемых хромосомах из половых клеток, проникнуть в сущность таких основных явлений генетики, как конъюгация хромосом и кроссинговер (обмен частями между гомологичными хромосомами при конъюгации). Данные, полученные в результате непосредственного микроскопического наблюдения над отдельными генами или их группами, подтверждают то положение, которое уже ранее высказывалось как советскими, так и иностранными специалистами, а именно, что конъюгация хромосом основана на взаимопротяжении аллеломорфных генов, причем устанавливается также осевая ориентированность этого протяжения: предполагается, что каждый ген притягивается к своему аллеломорфу одной определенной стороной.

В тесной связи с проблемой конъюгации хромосом стоит проблема кроссинговера. Связью кроссинговера с полом занимается старший научный сотрудник Г. Г. Фризен, который показал как эволюцию этого явления, так и возможность вызвать кроссинговер там, где его обычно не бывает (у самцов дрозофилы), при помощи рентгеновского облучения.

Тем же сотрудником также при помощи рентгеновского облучения получены у дрозофилы рентгеноморфозы: из личинок старших возрастов, а также молодых куколок, облученных рентгеновскими лучами, массами развивались аномальные мухи с изменениями, морфологически неотличимыми от определенных генных мутаций («вырезки на крыльях», «растопырки», «грубые глаза» и др.), но, конечно, ненаследственными. Теоретическое значение этого открытия, показывающего на способность организма морфогенетически (но не наследственно) реагировать одинаковым образом на столь различные раздражения, как действие мутировавшего гена и рентгеновских лучей, вероятно, сейчас еще трудно полностью оценить.

В области искусственного получения собственно генных мутаций отделению в лице старшего научного сотрудника В. В. Сахарова принадлежит заслуга первого исчерпывающего доказательства возможности получения этих мутаций химическими воздействиями (иодом).

Наконец, нельзя не отметить работ проф. Н. П. Дубинина и Д. Д. Ромашова, исследующих изменения, совершающиеся автоматически в геномном составе естественных популяций. Как показано этими авторами, во всякой популяции идут процессы так называемой ими «сизогаметации»: концентрация каждого гена (т. е. частота, с которой он встречается в популяции) стремится или к нулю или к 100%. Иначе говоря, геномный состав популяции медленно изменяется даже при отсутствии собственно эволюционных процессов, отбора.

С лабораторией генетики тесно связана протистологическая лаборатория, возглавляемая проф. Г. В. Эпштейном, занимающаяся изучением изменчивости и наследственности у простейших и бактерий. В этой лаборатории получен ряд чрезвычайно интересных данных по изменчивости туберкулезной палочки; в частности, совершенно бесспорно (реакцией по Фельген-Россенбеку) установлено наличие у нее на определенных стадиях обособленного клеточного ядра, существование которого у бактерий еще недавно отрицалось. Работами отделения на этом объекте по-новому ставится проблема естественного отбора у бактерий: имеются веские основания предполагать, что переход бактериальных колоний из так называемой «гладкой» в «неровную» форму, имеющей важнейшее значение для медицинской бактериологии, основан на процессах селекции, вытеснения одних форм другими, причем оба типа бактерий, очевидно, могут возникать из одной исходной особи путем неравного деления. В лаборатории ведутся также работы по инфузориям. Исследуются их ядерные циклы (Л. С. Пешковская), влияние темпе-

ратуры на темп размножения (В. И. Олифан), связь жизненных циклов паразитических инфузорий с жизненным циклом хозяина, в данном случае лягушки (В. П. Трофимович).

Другим отделом, неразрывно связанным с генетическим, является цитологический отдел, до недавнего времени возглавлявшийся проф. П. И. Живаго, а в настоящее время руководимый непосредственно директором Института проф. Н. К. Кольцовым. Большое значение имеют кариологические работы отдела. Сравнительное изучение хромосомных комплексов определенных таксономических групп с полной ясностью показывает неразрывную связь общей органической эволюции с эволюцией хромосомного комплекса; эти вопросы в Институте разрабатываются проф. Живаго и старшими научными сотрудниками Свешниковой, Вендровским, Фроловой, Соколовым и Тиняковым. В некоторых случаях спорные таксономические вопросы могли быть разрешены на основании кариологических данных (работы Фроловой, Вендровского).

Цитогенетическая работа самого директора Института проф. Н. К. Кольцова (при участии С. Л. Фроловой) по искусственному партеногенезу у тутового шелкопряда имеет выдающееся не только теоретическое, но и практическое значение: нечего и говорить о той огромной экономии средств и увеличении продукции шёлка, которую могла бы дать нам возможность партеногенетически выводить хозяйственно-ценных мутантов тутового шелкопряда, без сложной генетической очистки в ряде поколений. Партеногенез у шелкопряда получался нагреванием неоплодотворенной гены, а также различными химическими воздействиями.

Таким путем в Ташкентском институте шелководства уже получены тысячи партеногенетических бабочек в трех поколениях.

Вторая группа работ цитологического отдела ближе связана с проблемами физиологии развития. Сюда относятся прежде всего работы проф. Г. К. Хрущева и его сотрудников, занимающихся изучением роста тканей в культурах вне организма. Узловой проблемой этих работ является вопрос об условиях роста, размножения и дифференцировки тканей, о специфике взаимодействия между отдельной клеткой или тканью и организмом в целом. Данные, полученные лабораторией культур тканей ИЭБ, с одной стороны, показывают, что многие чрезвычайно важные свойства определенных клеток или тканей связаны с жизнедеятельностью всего организма. Это относится даже к такому кардинальному явлению, как необходимость созревания и оплодотворения яйцеклетки для начала дробления: в опытах Хрущева и Диомидовой по культивированию коры яичника млекопитающих молодые, незрелые овоциты начинали дробиться партеногенетически. С другой стороны, проф. Хрущеву, работающему над проблемой размножения изолированной клетки в условиях тканевой культуры, удалось добиться первых положительных результатов в этом направлении, чего долго и безуспешно добивались крупнейшие зарубежные ученые; таким образом, в этом пункте общепринятое мнение переоценивало роль если не организма, то ткани в целом для жизнедеятельности клетки. То же относится к значению определенных веществ, содержащихся в тканевых соках, так называемых десмонов: А. А. Свинкина под руководством Хрущева показала, что интенсивность роста и количество клеточных делений в первичных культурах остаются неизменными как в присутствии, так и в отсутствии эмбрионального экстракта.

Сюда же примыкают работы В. Д. Вендровского по влиянию рентгеновских лучей на рост тканевых культур. Ему удалось установить различие в действии между смешанным, нефилтрованным и монохроматическим, избирательно отфильтрованным рентгеновским облучением, что имеет существенное значение для понимания природы биологического действия этого излучения, играющего столь значительную роль в экспериментальной биологии и в медицине.

Наконец, большое значение имеют работы доцента Б. В. Кедровского, занимающегося проблемами белкового обмена клеток. Как известно, знаменитое положение Энгельса «жизнь есть форма существования белковых тел» полностью

подтвердилось всеми данными последующего, слишком полувекowego развития естествознания; и поэтому понятно, насколько важно для теоретической биологии изучение клеточного белкового обмена. Кедровский, изучая определенные, образующиеся при прижизненном окрашивании грануляции, наблюдаемые во многих животных клетках, пришел к выводу, что в основе этих образований лежит известный специфический материал в синтезе новой протоплазмы. Возможность непосредственно микроскопически наблюдать такое важнейшее звено в процессе белкового обмена, понятно, открывает широчайшие возможности для его дальнейшего изучения.

Эти исследования близко примыкают к работам следующего отдела — физико-химической биологии, возглавляемого проф. В. Н. Шредер. Работы этого отдела ведутся в двух направлениях. Первая группа исследований, ведущаяся В. Н. Шредер и Г. П. Раменской, посвящена проблеме искусственного разделения методом катафореза спермиев. Метод основан на том, что при определенных условиях X (определяющие мужское потомство) и Y (определяющие женское потомство) спермии приобретают разные электрические заряды и потому при пропускании через разбавленную сперму электрического тока направляются к противоположным полюсам. Доведение до конца этой работы, помимо ее крупного теоретического значения, дает возможность, производя оплодотворение спермой с анода или с катода, получать, по желанию, мужское или женское потомство. Легко понять, каким огромным вкладом это будет в дело повышения темпов развития социалистического животноводства. Работы, ведущиеся в основном на кроликах, в истекшем году ведутся также и на овцах. Как уже сообщал в общей печати директор ИЭБ проф. Н. К. Кольцов, по инициативе которого были поставлены эти работы, первые же полученные данные оказались весьма обнадеживающими. В настоящее время получены на значительном материале совершенно определенные результаты: при температуре в 10° сперма кроликов, взятая с анода, давала в потомстве 83% самок и 17% самцов, при температуре $24-25^{\circ}$ — наоборот, 75—100% самцов и 0—25% самок; сперма, взятая с катода, давала обратные отношения. Кроме температуры на электрический заряд сперматозоида, очевидно, влияет и целый ряд других условий, подлежащих сейчас детальному изучению.

Вторая группа работ В. Н. Шредер и ее сотрудников посвящена проблеме старения. Исследования посвящены главным образом изучению изменения физико-химических и коллоидно-химических свойств крови как при нормальном старении, так и при типичных болезнях старости, именно при артериосклерозе. Последнее заболевание вызывалось у кроликов экспериментально, путем кормления их холестерином; в результате наблюдалось повышение содержания в крови как самого холестерина, так и других липоидных фракций и, далее, повышение содержания глобулинов по сравнению с альбуминами, а в связи с этим повышение вязкости сыворотки, понижение коллоидно-осмотического давления и, как общее правило, повышение окислительно-восстановительного потенциала. Данные эти имеют большое значение как для диагностики, так и для понимания патогенеза артериосклероза, являющегося, как известно, одной из главнейших причин смертности у человека: так называемая смертность «от старости» в основном является смертностью от артериосклероза.

Наконец, последний из основных отделов ИЭБ — отдел механики развития, возглавляемый проф. Д. П. Филатовым. Работы отдела, естественно, концентрируются вокруг проблемы детерминации — центральной проблемы всей этой дисциплины. Проф. Филатов, воспроизведший на совершенно новом материале, именно на рыбах, классические опыты по детерминации развития различных органов, мог показать, что в основном характер детерминации здесь тот же, что и у амфибий. Например точно так же глазная чаша является организатором для развивающегося хрусталика, слуховой пузырек — для слуховой капсулы. Продолжение этих исследований представляет выдающийся интерес

для теории эволюции. Как известно, до сих пор эволюционная сравнительная эмбриология имеет почти исключительно описательный характер; экспериментальная же эмбриология, механика развития, позволяющая гораздо глубже проникнуть в закономерности индивидуального развития, была метафизически оторвана ее создателями и главнейшими представителями от эволюционного учения. Почти все крупные работы в этой области сделаны на очень ограниченном количестве объектов. Расширение круга этих объектов поэтому имеет отнюдь не узко специальный, а крупный, общепрофессиональный интерес, так как оно открывает возможность изучения эволюционных изменений закономерностей индивидуального развития.

В работах старшего научного сотрудника Г. А. Шмидта исследуется детерминационная роль различных зародышевых листков и пространственное расчленение организмов. Работы эти отличаются большой точностью и сложностью методики; производятся пересадки эмбриональных зачатков от жерлянки к тритону, так что образуются своеобразные химеры, причем организатор столь отличного хозяина тем не менее оказывает специфическое детерминационное воздействие на пересаженную к нему чужеродную ткань, например: туловищная эктодерма зародыша жерлянки, пересаженная в область продолговатого мозга к зародышу тритона, неизменно развивала типичный слуховой пузырек. В других опытах производились пересадки от травяной лягушки к зеленой, причем удалось показать, что организатором для хвоста является не вся верхняя губа первичного рта зародыша, как это обычно принималось, но лишь ее боковые края.

Наконец, научный сотрудник Г. В. Лопашов показал, что свойство головной части эмбриона развивать одни определенные органы, а хвостовой части — другие зависит от их взаимосвязи в организме зародыша; на ранних стадиях развития любая достаточно большая часть способна дать целый организм. Таким образом, если, например, у эмбриона пересадить головную часть ему самому на брюхо, то развиваются два зеркально расположенных полных зародыша. В других опытах исследовалась величина массы зародышевого материала, необходимого для развития целого эмбриона, причем из достаточно больших фрагментов одной лишь головной мезодермы удавалось получать полные (но лишённые энтодермальных органов) зародыши.

Советская наука по целому ряду научных и в том числе биологических дисциплин вышла на одно из первых мест в мире. Это относится, в частности, к генетике, цитологии и ряду других отраслей биологии. В ряде советских научных учреждений, выполняющих задачу — «догнать и перегнать передовые капиталистические страны», на фронте научно-исследовательской работы Института экспериментальной биологии принадлежит почетное место.

В. Вендровский

БИБЛИОГРАФИЯ

Джозеф Пристли

Избранные сочинения

*Под ред. и с предисл. А. А. Ческиса. (Ин-т философии Комкадемии)
Соцэкиз. М. 1934. Ц. в пер. 5 р. 50 коп.*

С именем Джозефа Пристли связана одна из наиболее ярких страниц борьбы за материализм в Англии. Параллельно развитию материализма в Франции XVIII в. Англия эпохи промышленного переворота и расцвета естествознания выдвигает целую плеяду мыслителей, продолжающих, в противовес господствующей идеалистической философии Беркли, Юма и Рюда, учения материализма XVII столетия, примыкая к Локку и Толанду и воззрениям свободомыслящих философов, представителей деизма.

Пристли не доходит до полного атеизма; он остается в пределах взглядов одной из наиболее крайних рационалистических сект, являясь даже священником и религиозным проповедником, но вместе с тем смелым оппозиционером по отношению к правящему классу и господствующей церкви.

Его интеллектуальные интересы распределяются между научными исследованиями и «практической теологией», и такое парадоксальное сочетание — соединение естественно-научного материализма с защитой религиозных догматов — отражает противоречия общественного развития Англии, когда буржуазия, став «скромной, но признанной частью господствующих классов Англии» (Энгельс) в результате классового компромисса между буржуазией и обуржуазившейся земельной аристократией, получила дополнительный стимул к сохранению и укреплению религии. Чтобы держать эксплуатируемую массу народа в надлежащей покорности, надежным оружием для английского буржуа служила религия. «Он (буржуа. — В. П.) и сам, — говорит Энгельс, — был религиозен; его религия доставила ему знамя, с которым он победил короля и лордов. Не так давно он открыл также в этой религии средства, чтобы обрабатывать своих естественных подданных»¹).

Этой социально-политической обстановкой Англии объясняется, почему борьба между идеализмом и материализмом, отражающая внутренние противоречия господствующих классов, не приводит материалистическое течение, представленное образованными демократическими слоями городской буржуазии, к полному отрицанию религии и воинствующему атеизму, характерному для французского материализма этой эпохи.

В лице Джозефа Пристли мы имеем сочетание выдающегося естествоиспытателя, радикального политического мыслителя, сторонника идей Французской революции и диссидентского проповедника, пытающегося соединить науку и религию.

Как естествоиспытатель, Пристли оставляет глубокий след в истории химии, открыв ряд неизвестных до него газов и газообразных соединений элементов. Им одновременно и независимо от Шееле открыт и описан кислород, который он (оставаясь до конца жизни последователем теории флогистона) называл дефлоги-

¹) Ф. Энгельс «Развитие социализма от утопии к науке», стр. 28. 1926.

стированным воздухом¹⁾, он исследует углекислый газ, называемый им «сгущенным воздухом», добывает из серной кислоты двуокись серы, из азотной кислоты—окись азота (NO), выделяет хлористоводородный газ, аммиак, закись азота и окись углерода. В истории физики Пристли известен как автор «Истории электричества» и «Истории оптики». Как философ-материалист, он подчеркивает практическое значение научных исследований для увеличения власти человека над природой: «Так как мы сами представляем собою части системы, — говорит он в своем «Учении о природе», — то отсюда с ясностью следует, что чем совершеннее наши познания о законах природы, тем больше власти мы приобретаем над природой и тем искуснее мы можем изменять и направлять процессы природы в выгодном для нас смысле»²⁾.

Решительным сторонником материализма Пристли является в вопросе о душе. Как ученик и последователь Гартли, он отвергает нематериальность души в полемике с платоником Прайсом, объявляет душу функцией мозга, результатом колебательных движений частиц мозга. Психологию он сводит к физиологии нервной системы.

Для преодоления идеалистических предубеждений против материализма Пристли ставит своей задачей доказать, что ходячее представление о материи как плотной и косной массе, неспособной к самостоятельному движению и действию, неверно. Он доказывает, что непроницаемость и плотность — это не первичные, а производные свойства материи, что материя по своей внутренней природе проницаема и самым существенным ее свойством является способность отталкивания и притяжения. Ссылаясь на современные ему физические исследования, Пристли говорит: «Нужно удивляться, что философы раньше не задумались над тем, что, быть может, этому свойству (т. е. плотности) совсем нечего делать, что и вообще такой вещи не может быть в природе». Способность материи к сопротивлению, говорит Пристли, не есть результат косности или пассивности и, наоборот, является доказательством ее активности, наличия в ней силы отталкивания, и нет никакой необходимости наряду с этой силой отталкивания и способностью притяжения приписывать материи прирожденную косность или пассивность.

Пристли является продолжателем линии Толанда, учившего о самодвижении материи, и вместе с тем подытоживает развитие современной ему физики, в особенности учения о свете и электричестве. В вопросе о строении материи Пристли объявляет себя сторонником (хотя и с оговорками) Босковича и представляет материю в виде совокупности физических точек, являющихся центрами взаимодействующих сил.

Таким образом Пристли делает известный шаг вперед от механического материализма. Однако он не преодолевает механического материализма, не видит развития материи и потому по своему методу остается механистом. Вместе с тем его теологизм заставляет его искать путей примирения материализма со спиритуализмом. Отрицание плотности и непроницаемости как основных свойств материи, по взгляду Пристли, стирает грань между материей и духом и ведет к их отождествлению. Поэтому он готов идти на уступки своим противникам-спиритуалистам и согласиться с их тезисом о нематериальности первоосновы мира. «Если они говорят, — замечает он, — что, согласно моей гипотезе, не существует такой вещи, как материя, и что все есть дух, то я не возражаю против этого, лишь бы они провели такое же большое различие среди духов, которое они до сих пор проводили среди субстанций»³⁾.

Эти колебания Пристли являются логическим источником его перехода на теологические позиции. Он всячески стремится доказать, что его учение совмести-

¹⁾ Исследования Пристли относительно газов собраны в труде «Experiments and observation on different kind of air» (1774—1777).

²⁾ Priestly «Vorsuche und Beobachtungen über verschiedene Teile der Naturlehre». Нем. перев. (1780).

³⁾ Д. Пристли. Избр. соч., стр. 125.

мо с богословием и не дает никакого места для «нечестивой системы», делающей материю не зависимой от божественной силы. Вместе с тем он опасается, как бы его точку зрения не смешали со взглядом Спинозы, от которого он решительно отмежевывается. «Но это мнение, — говорит он по поводу своей концепции, — совершенно не похоже на точку зрения Спинозы. Ибо я предполагаю существование источника бесконечной силы и высшего ума, от которого происходят все низшие существа» (стр. 129).

В учениях Пристли отразились противоречия его эпохи. В области химии делаются блестящие открытия, но большинство исследователей еще всецело в плену старой натурфилософии. Пристли, открывший кислород и подготовивший новый этап в развитии химии горения, сам до конца жизни остается сторонником теории флогистона. Он, по выражению Энгельса, не распознал истины, хотя и упирался в нее лбом. Решительный материалист, наносивший самые сокрушительные удары спиритуализму и половичине, он пытается примирить материализм с богословием; демократ и сторонник идей Французской революции, он не чуждается роли религиозного проповедника.

Изучение произведений Пристли дает возможность ближе ознакомиться с одним из этапов развития материалистической философии в соответствии с прогрессом научного значения, а также уяснить классово исторические причины ограниченности этого материализма.

Поэтому издание избранных произведений Пристли в серии «Библиотека материализма» Институтом философии Комкадемии следует признать необходимым и своевременным. Конечно, такое издание должно удовлетворять всем требованиям научности в смысле выбора материала, наличия примечаний, указателей и научного предисловия, дающего анализ прогрессивных сторон учений мыслителя, а также их недостатков и противоречий.

Посмотрим, в какой мере выполнены эти условия по отношению к данному изданию.

В то время как достаточно полно представлены философская и политическая части, естественно-научная часть имеет некоторые пробелы. Для характеристики взглядов Пристли на строение материи и физическую природу света было бы целесообразно дать соответствующие отрывки из его «Истории открытий, касающихся зрения, света и цвета».

Далее, нельзя было ограничиться механическим отсечением теологических глав философских сочинений Пристли, тем более, что и в оставшихся главах имеется заметная доза теологизма. Критику теологизма следовало дать в примечаниях; примечания были бы необходимы и для естественно-научной части сочинений Пристли, и их отсутствие следует признать существенным пробелом издания.

Издание сочинений снабжено в общем удовлетворительными, хотя и недостаточно тщательно проредактированными именным и предметным указателями, но в нем отсутствует библиография: нет списка произведений Пристли, который представил бы известный интерес для читателя, так как характеризует разносторонность изучаемого писателя.

Предисловие редактора составлено содержательно с фактической стороны, но не свободно от недостатков.

Основным недостатком предисловия надо признать отсутствие анализа противоречий во взглядах Пристли, причин как классовых, так и гносеологических, переплетения его материализма с теологизмом. Кроме того предисловие подчеркивает положительные стороны учения, при одновременном затушевывании его ограниченностей. Так например нельзя признать правильным утверждение автора предисловия, что Пристли изображает путь развития научного познания «вполне материалистически» и «правильно» (стр. XXX), тогда как в действительности в этом вопросе Пристли стоит на рационалистических позициях, характерных для механического материализма.

Из отдельных недочетов предисловия следует отметить ошибочное примечание на стр. XIV о Спинозе, утверждающее, что Пристли «обходит молчанием систему Спинозы», и на стр. XX весьма запутанное и неверное сопоставление Пристли со Штаммлером, из которого вытекает, что идеология буржуазии эпохи империализма — фатализм. В действительности крайним выражением этой идеологии является фашистский актуализм.

Отсюда видно, к каким результатам может приводить упрощенчество, хотя бы и производимое с назидательными целями.

Задача марксистско-ленинской истории философии заключается не в дидактическом противопоставлении «славного» прошлого буржуазной идеологии ее печальному настоящему, а в глубоком анализе классовых корней философских учений, в правильной оценке прогрессивных сторон эпохи развития промышленного капитализма и вместе с тем в раскрытии всех противоречий отрицательных явлений и ограниченностей, присущих развитию буржуазной культуры.

В. Познер

К марксистской истории техники

«История техники». Отв. редактор акад. Г. М. Кржижановский. Вып. II. Москва. Изд. ОНТИ. 1934. 230 стр. 6 руб. 15 000 экз.

Исполнилось пять лет со дня решения ноябрьского Пленума ЦК ВКП(б) 1929 г. о технических кадрах, Пленума, предложившего по докладу тов. Кагановича «обеспечить в программах вузов марксистскую историю техники». Перед новой дисциплиной была поставлена задача — стать одним из средств воспитания хороших специалистов, вооруженных широким политехническим кругозором, четко разбирающихся в вопросах и задачах технической политики нашей партии.

Способствуя выработке материалистического мировоззрения у трудящихся, история техники вместе с тем расширяет у них и практический кругозор. Использование современной техникой богатого опыта прошлого уже дает свои результаты в целом ряде отраслей нашей промышленности: разведка металлов (золото, олово), применение древних строительных материалов, сейсмостойких (устойчивых при землетрясениях) конструкций, возрождение на новой технической основе забытых механизмов и пр. История техники властно вступает в жизнь, входя в тематику научных съездов и институтов. Так например на предстоящем Всесоюзном архитектурном съезде, а также на съезде по водоснабжению будет работать специальная историческая секция. А в авиации, одной из самых модных и молодых отраслей техники, настольной книгой инженера и конструктора становятся сборники и труды по истории авиотехники¹⁾. Умение раскрыть и понять забытые страницы истории дает как раз эта новая наука. Современный инженер ни на минуту не должен забывать, что техника непрерывно движется вперед и абсолютно технического совершенства не может существовать.

---

¹⁾ «История авиации». Вып. I. Изд. МАИ.

²⁾ Насколько велик интерес среди инженерно-технических работников и философов к подобного рода изданиям, показывает тот факт, что сборник «История техники» № 1 менее чем через год вышел повторным изданием. Редакция поступила совершенно правильно, удалив из сборника путаную статью Э. Лейкина «Капитализм и система механического производства».

Московские сборники «История техники»²⁾ выгодно отличаются от трех выпусков своего ленинградского собрата—«Архива истории науки и техники» Академии наук. В сборниках наряду со статьями, посвященными анализу конкретных моментов истории техники, уделено достаточное внимание разработке общих методологических вопросов, совершенно забытых во всех томах «Архива». Конкретность—таково требование, которое редакция пред'являет к работам по истории техники.

Напомним статью тов. Зворыкина «Основные вопросы преподавания и изучения истории техники», заслуживающую внимания как попытка поставить и разрешить боевые вопросы этой новой науки.

Статья дает яркие примеры классового использования истории техники национал-социалистическим правительством Германии. Так, по мнению германского министра Фрика, «техника является одной из таких сил, творящих историю», так как «с ее помощью коренным образом перестраиваются формы человеческого существования»; силой же, творящей технику, является «немецкий дух».

Комментируя программу Фрика по истории техники, автор статьи журнала «VDJ Nachrichten» в № 20 излагает те «научные» принципы, которые отныне должны быть положены в основу курса. «Она способствует, — пишет он, — сглаживанию социальных противоречий, она показывает на бесчисленных примерах движение и успехи талантливых людей. История великих людей (техников), вышедших из народа, показывает, что Германия и в этом отношении «не уступает никакой другой стране». Такую же демагогию развивает и Гитлер. На первом конгрессе организации «Немецкий рабочий фронт» («Deutscher Arbeiter Front») он заявил: «Мы знаем, что огромное число людей, основавших нашу промышленность, происходит не из среды собственников, а из людей труда. Только у этих людей сила мышц превратилась в гениальность духа, они были вдохновенными (божьей милостью) изобретателями и организаторами. Этим людям мы и наши соотечественники обязаны своим существованием. Без их труда пропитание и жизнь 65 млн. людей на ограниченном пространстве нашей страны оказались бы совершенно невозможными».

Тов. Зворыкин сознательно остановился на этой фашистской философии техники, развиваемой людьми, которые отныне командуют развитием официальной науки в Германии, и правильно делает вывод, что задача марксистской истории техники заключается не только в разоблачении этой, с позволения сказать, «истории техники», но и в показе ее классовой основы.

Что является спорным в статьях тов. Зворыкина? Он делает усиленное ударение на отдельных отраслях техники. Изучение истории этих отраслей должно, по тов. Зворыкину, предшествовать построению общей критической истории технологии. Если же взять такие «отраслевые» курсы, как история машиностроения, то комплексный ее характер делает совершенно невозможным ее изучение иначе, как в общей исторической связи.

«Ахиллесовой пятой» тов. Зворыкина является общая история техники. Забвение общей истории техники чревато большими последствиями и уже сейчас приносит вред.

При периодизации также необходимо считаться с конкретными особенностями отдельных отраслей техники. Если, например, периоды в развитии строительной техники в основном совпадают с историческими формациями — авиация и радио тоже успели «родиться вовремя», являясь кровным детищем империализма, — то как быть с прядильной техникой, в истории которой изобретения XVIII в. играют роль рубежа.

Второй сборник открывается большой редакционной статьей «Ленин и техника», которая содержит в себе первую в нашей литературе попытку систематического изложения учения Ленина о техническом прогрессе. Ленин всегда чрезвычайно внимательно следил за развитием и применением техники. В одной из ран-

них своих работ «Аграрный вопрос и «критики Маркса» Ленин выдвигает следующий руководящий принцип всякого научного исследования: «Экономист всегда должен смотреть вперед, в сторону прогресса техники, иначе он немедленно окажется отставшим, ибо кто не хочет смотреть вперед, тот поворачивается к истории задом». Далеко не всем известно, какое исключительное внимание уделял Ленин вопросам истории техники. Подобно Марксу он не ограничивался простым требованием создания «критической истории технологии», а затрагивал самое существо технологических процессов, давая отдельным этапам развития техники изумительные по своей глубине характеристики.

В своих философских тетрадах (IX сборник) Ленин оставил нам ценнейшие высказывания по истории техники, основанные на тщательной проработке трудов Гегеля, Маркса, Энгельса, а также современных естествовников и техников: Данемана, Фолькмана, Гааса, Дармштедтера и др.

«Продолжение дела Гегеля и Маркса, — говорит Ленин, — должно состоять в диалектической обработке истории человеческой мысли, науки и техники»¹). И дальше: «...Надо углубить познание материи до познания (до понятия) субстанции, чтобы найти причины явлений... Не «примеры» тут должны быть — сравнение не есть доказательство, — а квинтэссенция той и другой истории (естествознания и философии. — Н. В.) + истории техники»²).

На самых различных этапах своей многообразной революционной деятельности Ленин находит время и место для занятий историей техники.

Из многих названий книг по технике, заказанных и читанных Лениным в 1921 г., значится и книга англичанина Тойнби «Промышленный переворот XVIII века» (XXIII «Ленинский сборник»). История Англии интересовала Ленина своей великой технической революцией в связи с планами советского «промышленного переворота».

В это же время Ленин заставляет И. И. Степанова писать книгу «Электрификация РСФСР» и после выполнения ее автором «от всей души рекомендует вниманию всех коммунистов» эту замечательную книгу, впервые освещающую проблемы электротехники в историческом аспекте.

Однако, кроме философской и практической стороны, история техники интересовала Ленина и своей экономической сущностью. Ярчайшим примером этого является его гениальная работа «Развитие капитализма в России».

После анализа противоречий технического развития при империализме передавая статью второго сборника вплотную подводил читателя к ленинскому анализу материального базиса социализма. В замечаниях о работах Тейлора, о книге Джилберта и других своих трудах Владимиром Ильичем намечена конкретная программа подготовки технической базы социализма.

Машиностроение, электричество и аграрная техника, сверхскоростной транспорт и гелиотехника, электропуг и Волга—Дон—вот некоторые важнейшие моменты, взятые из ленинской программы развития техники, которые полнокровно влились в индустриальный поток пятилеток.

В своем учении о технике Ленин придает решающее значение людям и классам: развитие и расцвет техники определяются тем, в руках какого класса эта техника находится, кто ею командует, кто властвует, господствует над нею: на современном этапе развития капитализм ограничивает, давит, сужает технику, которую сам когда-то породил, вызвал к жизни; пролетариат в лице своего единственного пролетарского государства в мире — СССР — является величайшим творцом современной техники и ее провозвестником.

«При капиталистической организации народного хозяйства автомобили являются достоянием только самого узкого круга богатых людей. Промышленность

¹) «Ленинский сборник» IX, стр. 121.

²) Там же, стр. 143.

могла бы поставлять сотни тысяч автомобилей, но нищета массы народа задерживает развитие и вызывает крахи, после нескольких лет «блестящего» роста.

Между прочим. Автомобильное дело, при условии обслуживания большинства населения, имеет громадное значение, ибо общество объединенных рабочих заменит автомобилями очень большое количество рабочего скота в земледелии и в извозной промышленности¹⁾.

Заслуга статьи «Ленин и техника» в рецензируемом сборнике тем более значительна, что она анализирует грандиозную работу нашей социалистической родины исключительно в свете ленинских гениальных предвидений и освещает всемирноисторическую роль вождя мирового пролетариата товарища Сталина в деле технической реконструкции народного хозяйства СССР на социалистической основе.

В своей исторической формуле «Техника в период реконструкции решает все» товарищ Сталин указал на решающее значение техники для одного определенного этапа развития. Но уже здесь товарищ Сталин поставил вопрос и о людях, большевиках, которые должны овладевать техникой и для которых нет, не существует таких крепостей, которые они не могли бы взять. Всяким оппортунистическим теориям «невмешательства» в технику он противопоставил лозунг овладения техникой. В докладе на январском Пленуме ЦК (1933 г.) товарищ Сталин снова подчеркнул это: «Пафос нового строительства дополнить энтузиазмом, пафосом освоения новых заводов и новой техники».

В своей речи, произнесенной на выпуске академиков Красной армии, товарищ Сталин вместо прежнего лозунга «Техника решает все» выдвинул новый лозунг «Кадры решают все», ибо «техника без людей, овладевших техникой, — мертва; техника во главе с людьми, овладевшими техникой, может и должна дать чудеса».

Этот лозунг об овладении новой техникой обязывает нас, историков техники, исключительно многому. Он предполагает серьезное изучение всего предшествующего этапа развития техники. Историк техники должен не только изложить историю технического развития, но также показать историческую ограниченность капиталистической техники и критическое ее освоение в СССР.

В передовой статье «Ленин и техника» проводится та интересная мысль, что наряду с общей «Историей заводов» необходимо создать техническую историю производства и сократить тем самым многие «детские болезни» пусковых периодов. В ней также анализируются такие интересные вопросы, как вопрос о путях развития двигателя и тех неожиданностях, связанных с использованием его в стратоплане и в подземном газогенераторе. Автор передовой рассматривает, какие редкие сплавы и хитроумные пластмассы для роторных деталей должны приготовить химики, в каких контурах замкнутся термодинамические циклы грядущих двигателей; он также небезуспешно пытается прощупать те многочисленные искания и вопросы, которые встают перед теплотехниками.

Статья тов. Б. Кузнецова «Исторические корни работ Фарадея» как нельзя более кстати освещает забытую, но волнующую страницу истории. Длительная дискуссия, происходящая между академиком Миткевичем, который, к чести его надо сказать, не будучи заражен модным сейчас на Западе гнилым позитивистским, махистским поветрием в физике, отстаивает материалистическую фарадеевскую концепцию в электричестве²⁾, и физиками — феноменалистами Френкелем и Гамовым, получает теперь несколько иное направление. Тов. Кузнецов, возможно, сам того не подозревая, показал с достаточной четкостью, как развивающаяся наука, подтверждая правильность материалистических взглядов Фарадея, шагнула далеко вперед по сравнению с тогдашним фарадеевским представлением о строении материи.

1) Ленин. Соч. Т. XVI, стр. 537.

2) «ПЗМ» №№ 4 и 6 за 1933 г. Письма Миткевича и Кольмана.

Большая часть статьи посвящена популярному изложению исторического развития знаний о природе электричества и магнетизма, начиная с незапамятных времен. Статья очень мало места уделяет самим работам Фарадея. В конце статьи намечается перспектива развития учения о природе явлений и развития энергетики в социалистическом обществе. Очевидно, именно поэтому работы Фарадея не являются предметом главного внимания, а одним из промежуточных звеньев развития материалистического учения о сущности электричества, материи и энергии. Не останавливаясь на этом этапе, надо подготовиться к предстоящему в 1941 г. юбилею Фарадея действительно классический анализ работ основоположника современной электротехники. Буржуазной науке эта задача не по плечу.

Следовало бы более подробно остановиться на том перевороте, который произведен электронной теорией в представлениях о строении материи, теорией, целиком подтверждающей объективную истину диалектического материализма и опрокидывающей гнилые феноменалистические установки физических идеалистов (Френкеля и др.). Этому вопросу автор недостаточно коснулся в своей статье.

Статья подчеркивает диалектику развития учения об электричестве, энергии и т. д. и показывает связь, которая существует между развитием науки и техники и обществом. Впервые широко использованы высказывания Энгельса об электричестве в «Диалектике природы».

Статья проф. Милонова Ю. К. «Из истории строительной техники рабовладельческого общества» освещает следующие проблемы: 1) «Технические последствия отделения ремесла от земледелия», 2) «Усовершенствование орудий обработки дерева», 3) «Развитие каменной кладки», 4) «Изобретение кирпича», 5) «Появление механики и математики» и 6) «Профиль архитектора».

К сожалению, редкая страница обходится без пяти; а иногда даже больше цитат и всякого рода ссылок.

Мы не против мобилизации научного аппарата и ссылок на первоисточники. Однако давно пора уже историкам техники пощадить неумеру терпеливого читателя и дать ему переваренный материал.

Следующая работа Э. Корневского—«Из истории инструмента»—также не дает ни одного более или менее законченного очерка.

Хорошо разработана юбилейная статья А. Молотова «Менделеев и периодическая система элементов».

Известна высокая оценка Энгельсом периодической системы: «Менделеев, применяя бессознательно гегелевский закон о переходе количества в качество, совершил научный подвиг...»¹⁾.

Автор статьи справедливо подчеркивает, что «Энгельс не даром отмечает «бессознательность» применения Менделеевым гегелевского закона..., ибо мышление последнего отличалось, как и у подавляющего большинства всех ученых буржуазного общества, метафизичностью».

Следует, однако, отметить надуманность и претенциозность заключения статьи. «Субъективно,— утверждает Молотов,— Менделеев был жестоким врагом социализма. Объективно же и исторически его фигура является кричащим несоответствием между узостью и уродством феодально-капиталистического строя и теми гигантскими возможностями, которые способна дать наука и ее лучшие представители. Только в социалистическом обществе люди, подобные Менделееву, могут полностью развернуть свои таланты и свою энергию. И с этой точки зрения следует сказать, что Менделеев родился слишком рано» (стр. 195).

Это место статьи дает, конечно, неверную, надуманную оценку исторической роли Менделеева: оно не связано совершенно со всей наукой эпохи и рассматривает Менделеева совершенно оторванно от исторического этапа развития.

Все предыдущие статьи (передовая, статья тт. Кузнецова, Милонова, Молотова и т. д.) максимально используют историко-технические указания Энгельса. По-

¹⁾ «Диалектика природы», стр. 129, 6-е изд. Разрядка моя.— Н. В.

этому сборник является хорошим научным памятником — подарком к сорокалетию со дня смерти Энгельса, исполняющемуся в этом году. В этом одно из больших достоинств сборника.

Изучение истории техники, как правильно подчеркивается в сборниках, имеет огромное воспитательное значение. Но не только: целый ряд интересных материалов из различных областей техники, приведенных в них, показывает, что опыт прошлого весьма часто может быть использован и для решения современных технических проблем. Вышедшие в свет сборники хотя и на довольно ограниченном круге отраслей, но вполне удовлетворительно справились со своей задачей.

Огромный практический интерес представляет изучение техники современного капитализма. Одно время у нас было распространено мнение, будто за годы кризиса совершенно отсутствовали какие-либо технические сдвиги в капиталистической промышленности. Конечно, в период кризиса имели место резкое замедление в применении новых технических методов, разрушение производственного аппарата и т. д. Однако наряду с этим на отдельных участках капиталистической промышленности наблюдались и известные технические сдвиги, игнорирование или недооценка которых была бы чревата для нас последствиями. К сожалению, в сборнике этот вопрос получил недостаточное, поверхностное освещение. Единственная статья из этого цикла тов. С. Штерлинга недостаточно освещает этот вопрос. Приведенная им сырая сводка материалов об электросварочной технике в США не меняет сути дела, так как содержит только подход к теме, а не ее разрешение.

Следует пожелать, чтобы в очередных сборниках углубленному изучению технических сдвигов капиталистической промышленности за последние годы было уделено больше места и внимания. Для этой цели следует всемерно использовать материалы зарубежных командировок наших хозяйственников и инженеров.

Наконец, следует отметить, что изучение марксистской истории техники должно уделить большее внимание освещению громадного опыта технического развития СССР.

Несмотря на краткость сроков мы уже имеем свою собственную насыщенную богатейшим содержанием историю технического развития, изучение которой чрезвычайно актуально как с практической, так и с теоретической стороны. К сожалению, в рецензируемом выпуске дана на эту тему только одна статья инженера И. Мительман — «Материалы к истории теплотехники и теплоэнергетики в СССР за первую пятилетку».

Надо пожелать, чтобы в следующих выпусках сборников этот пробел был восполнен.

Появление сборников свидетельствует о том, что мы вступили сейчас в период оживления исследовательской работы по истории техники, весьма много обещающей в ближайшем будущем.

Пять лет со дня постановления ноябрьского Пленума ЦК ВКП(б) 1929 г. о марксистской истории техники не прошли даром и для преподавания.

Марксистская история техники преподается уже во многих вузах, но опыт этого преподавания еще не достаточно учтен. Нет еще стабильного учебника и развернутых программ. Наш теоретический фронт в этом отношении явно отстает.

Разработка истории техники ведется черепашьями темпами, а преподавание ее в вузах совсем беспризорно. Повинны здесь прежде всего люди, брошенные в свое время на этот участок. Секция истории техники Комакадемии не сумела возглавить разработку курса, и разработка пошла самотеком по отдельным вузам. Институт истории техники Академии наук несмотря на наличие достаточных кадров до сих пор не ведет программной работы.

Выпустив в свет четыре тома «Архива истории науки и техники», редакция признает «невысокий методологический уровень многих работ» и утешает себя тем, что «без предварительного аккумуляирования материала невозможно никакое серьезное, научное обобщение». Это, конечно, — крайне слабое самооправдание.

Только в самое последнее время Комитету по высшей школе удалось немного улучшить преподавание истории техники во вузах: по СССР утверждено 10 точек, где историю техники разрабатывают специально подобранные кадры. Однако и в этой работе есть опасность распыления сил. Сейчас положение таково, что каждый вуз имеет самостоятельную программу и автономное существование. Даже вопросы предмета и метода новой науки не приобрели еще прав гражданства.

Наш вывод: надо собрать на конференцию при Комакадемии разбросанные кадры историков техники, надо создать учебники по истории техники, удовлетворяющие требованиям марксистской методологии. Без этого трудно мыслить себе воспитание и подготовку советского инженера.

Для создания учебников по истории техники у нас есть и отправные точки (сборники) и глубокий теоретический фундамент. Это труды Маркса, Энгельса, Ленина и Сталина. Они могут служить образцом того, как надо применять к вопросам техники метод диалектического материализма, как надо связывать технику с задачами борьбы пролетариата. Эти труды знакомят нас с подлинной диалектически противоречивой историей техники капитализма и дают блестящую характеристику того пути, по которому идет развитие техники в эпоху социализма.

Н. Волков

Проф. Г. К. Мейстер*

**Критический очерк основных понятий генетики. Сельхозгиз. 1934.
10 000 экз.**

Проф. Мейстер, крупный специалист-селекционер, известный своими плодотворными исследованиями в области отдаленной гибридизации (между видами и родами), в предисловии к своей книге отмечает, что ему «как биологу, а не философу в стремлении быть последовательным пришлось в процессе исследования углубить свои знания и в самой диалектике» (стр. 4). Автор поставил своей задачей — дать специальное исследование, посвященное логическому анализу основных понятий генетики. В процессе этого анализа проф. Мейстер пытается применить целый ряд категорий диалектической логики к сложным биологическим процессам, опираясь на свой богатый селекционный опыт и на «многoletнюю практику Саратовской селекционной станции».

Рецензируемая книга распадается на следующие главы: 1) «Понятие об изменчивости», 2) «Понятие о наследственности», 3) «Материальные основы наследственности», 4) «Материальная обусловленность изменчивости», 5) «Наследственность и модификация», 6) «Три формы изменчивости» и 7) «Историческая обусловленность формы организма».

Первую главу автор начинает с конкретного показа многообразия живой природы, обусловленного изменчивостью организмов. При этом он вскрывает зависимость различных признаков от индивидуального развития организма, от его пластичности и от условий внешней среды.

Прежде чем изложить свое определение изменчивости и свою классификацию изменчивости, проф. Мейстер критикует воззрения Филипченко, Плате и Ва-

---

* Придавая большое значение обсуждению проблем, затронутых проф. Г. К. Мейстером в его книге, редакция, не ограничиваясь настоящей рецензией, обращается ко всем научным работникам, теоретикам и практикам с призывом принять на страницах журнала «Под знаменем марксизма» участие в обсуждении как общих проблем эволюции и селекции, так и более частных проблем — наследственности и изменчивости. — Ред.

вилова по этим вопросам. При этом он правильно вскрывает статичность, «безучастную созерцательность» Филипченко, метафизичность его представлений об изменчивости как состояния и недопустимость сужения понятия изменчивости пределами вида.

Сложные процессы эволюции живой природы находят свое выражение в целом ряде понятий, отражающих те или иные стороны этого процесса. Точное же разграничение этих понятий представляет большие затруднения в силу того, что отражаемые процессы взаимосвязаны и не резко разграничены. Необходимым моментом в изучении природы являются анализ и изолирование отдельных сторон процесса, не забывая при этом живого единства, не уничтожая этого единства. Отдельная отрасль знания становится истиной науки лишь с того момента, как от суммарного, в общем смутного представления об явлениях природы исследователи, ученые поднимаются до вскрытия их существенных связей, до логического осмысливания отдельных категорий и четкого их разграничения.

Разграничение понятий изменчивости и эволюции представляет особые затруднения. Но эволюция живой природы включает в себе как само собой подразумевающийся факт изменчивость отдельных организмов, составляющих данный вид. Эволюцию нельзя отождествлять с изменчивостью. История биологии дает нам яркий пример ошибочности такого подхода. Так, Ламарк, сводивший эволюцию видов к изменчивости организма и отождествивший биологические и физиологические закономерности, оказался не в состоянии вскрыть закономерности эволюционного процесса. В противоположную крайность впадает современная буржуазная экспериментальная биология и особенно генетика в результате своего метафизического отрыва изменчивости от эволюции.

Впротивовес тем, кто суживает понятие изменчивости, проф. Мейстер пишет: «А изменчивостью, конечно, современная наука интересуется как процессом и как процессом, свойственным живой материи. Последнюю вне процессов изменчивости мы не знаем» (стр. 16—17). Далее, на странице 22, автор отмечает, что нельзя отождествлять изменчивость и эволюцию, что изменчивость — лишь один из факторов эволюции. Но эти оговорки не снимают общей тенденции автора чрезмерно расширять понятия изменчивости, толковать ее как эволюцию или развитие. Дифференциальная изменчивость, устанавливаемая автором, по существу есть не что иное, как процесс видообразования. На этом вопросе мы остановимся еще в дальнейшем в связи с оценкой классификации изменчивости, которую автор приводит в 4, 5 и 6-й главах.

В первой же главе автор на протяжении трех страниц (32—35) разбирает весьма существенный вопрос об определении вида. По вопросу об определении и сущности этой систематической категории имеется огромная литература, накопленная за столетия, со времен Рея, впервые в XVII в. введшего понятие «вид» в систематику, и Линнея, положившего его в основу своей искусственной системы растительного и животного миров. Систематики, мыслящие метафизически, пытались при определении вида найти абсолютные морфологические и физиологические критерии для разграничения видов и разновидностей. Эволюционное учение Дарвина обнаружило всю бесплодность таких поисков. Но Дарвин не смог подняться до последовательного материалистического понимания вида¹⁾.

После Дарвина буржуазная биология накопила большой фактический материал в связи с изучением отдельных закономерностей, реальных совокупностей организмов, составляющих виды. Цитология, генетика, физиология, фито- и зоогеография и другие биологические дисциплины дали целый ряд методов для определения единства и различия видов и разновидностей. Однако буржуазная биология не смогла теоретически правильно разрешить проблему вида. Только диалектический метод кладет конец субъективному пониманию вида и дает правильное

¹⁾ Дарвин «Происхождение видов», стр. 104. Изд. 1926 г.

его понимание как отражение наиболее существенных отношений и связей, объективно имеющих в живой природе.

Свое определение вида проф. Мейстер основывает на критическом преодолении определений акад. Вавилова, приводимого им в брошюре «Линнеевский вид как система». Критикуя целый ряд метафизических моментов определения Вавилова, автор подчеркивает, что вид — «историческая категория», «этап в эволюции». Несомненным достоинством определения вида проф. Мейстером являются выявление историчности вида и вскрытие взаимосвязи вида и среды («вид изменяется сам, изменяя в то же время и среду»).

Вторая глава — «Понятие о наследственности» — весьма ценна своей критикой целого ряда метафизических воззрений на наследственность. Автор на конкретном материале показывает, что представление о наследственности как сходстве потомков с родителями односторонне, метафизично и по существу неправильно. Потомки не только похожи на родителей, но и отличаются от них; наряду с передачей и воспроизведением сходства имеет место и воспроизведение различий и изменчивости. При анализе причин, обусловивших взгляды на наследственность как на нечто консервативное и неизменяемое, автор привлекает данные лингвистики. Слова «наследственность» и «наследование» рассматриваются им как отражения правовых отношений классового общества. Автор на стр. 60—61 весьма удачно показывает антидиалектичность менделистского понимания наследственности, вытекающего из представления организма «как совокупности самих по себе неизменяющихся признаков». Совершенно правильно также критика воззрений Каммерера на наследственность как рост.

Каковы же воззрения проф. Мейстера на наследственность? Как он определяет это понятие? Автор подошел к наследственности «с точки зрения процессов воспроизведения» (стр. 64).

Аналогично понятию изменчивости автор значительно расширяет понятие наследственности. Окончательное определение наследственности у автора таково: «Наследственность есть неотрывный от живых существ процесс воспроизведения ими в непосредственных потомках, в основном, как той органической специфичности, которая свойственна им на данном этапе их исторического развития, так и тех в ней структурных изменений, которые имели место в самом процессе воспроизведения» (стр. 67).

Кроме того автор разграничивает наследственность как «простое воспроизведение» от наследственности как воспроизведения сложного, т. е. «воспроизведения с происшедшими изменениями» (стр. 49), воспроизведения «на обогащенных основаниях». Простое воспроизведение имеет место «в тех случаях, когда процесс дифференциальной изменчивости выпадает из процесса воспроизведения в его целом» (стр. 65).

Наследственность, по Мейстеру, обуславливает и опосредствует изменчивость, поэтому «нельзя представить себе изменчивость вне наследственности» (стр. 62), а «процесс воспроизведения есть и процесс изменчивости» (стр. 65).

Только в одном месте автор пытается несколько ограничить понятие наследственности, отмечая, что она является «некой специфической стороной процесса воспроизведения» (стр. 54).

Положительным моментом воззрений проф. Мейстера следует признать указание на неразрывную связь и единство процессов изменчивости и наследственности как факторов эволюции живой природы. Действительно, с общепроцессуальной, эволюционной точки зрения изменчивость и наследственность как единство противоположностей являются основной пружиной саморазвития живой природы. Но с точки зрения генетики, исторически сложившейся частной биологической дисциплины, такое широкое толкование понятий изменчивости и наследственности не может не вызвать возражений. Своим пониманием наследственности и изменчивости как воспроизведения видов и как реализации материальных носителей наследственности в процессе индивидуального развития орга-

низма проф. Мейстер расширяет генетику до общей биологии, включая в нее целиком «механику развития», физиологию и другие биологические дисциплины.

В третьей главе — «Материальные основы наследственности» — автор конкретизирует процесс воспроизведения, освещая начальные стадии его, а именно процессы клеточного деления. Проф. Мейстер закон Вирхова «всякая клетка — из клетки» формулирует следующим образом: «Каждый процесс воспроизведения организма, в каких бы стадиях мы его ни разбирали, есть процесс клеточного воспроизведения» (стр. 71). При анализе процессов клеточного воспроизведения как воспроизведения ядра, хромосом и генов автор сравнительно подробно излагает работы Менделя, хромосомную теорию наследственности Моргана и другие работы. При этом автор правильно критикует агностицизм во взглядах на ген Иогансена и Баура и «абстрактность» и формализм определения фенотипа Иогансеном. Основываясь на практике своей селекционной работы, он предлагает под фенотипом «понимать конкретную форму выявления того или другого генотипа организма при данных конкретных жизненных условиях его существования» (стр. 77). Кроме того он подчеркивает практическое значение учета отдельных стадий развития организма и «совокупность фенотипов онтостадий развития» предлагает назвать «онтотипом» (стр. 78). Менее обосновано и, пожалуй, совершенно излишним является введение понятия «номотипа» как конкретизации понятия «нормы реагирования на отдельных стадиях развития» и как «совокупности фенотипов-модификаций на различных онтостадиях развития» (стр. 79). Совершенно неясно, что специфически нового вносит понятие «номотип» по сравнению с «онтотипом». Последнее понятие вполне исчерпывает познание организма «в его движении во множественности его форм» (стр. 80).

Правильно также критикуются автором символизм и идеалистичность бэтсовской теории «присутствия-отсутствия» и далеко не диалектико-материалистические «сугубо оригинальные» воззрения акад. Келлера на клетку как симбиоз живых существ и на гены как бактериофаги.

Несомненно, ошибочной является полная солидаризация проф. Мейстера с ярко выраженными механистическими воззрениями проф. Кольцова, которые последний развил в своей работе «Физико-химические основы биологии». Солидаризация с проф. Кольцовым привела к тому, что в своих взглядах на гены и на организм как биотип проф. Мейстер не преодолел механицизма и морфологизма школы Моргана.

Ген, или «биоген», по Мейстеру, есть «молекула живого вещества», «весьма устойчивая органическая молекула», «биологическая единица». Организм же как «биотип — это совокупность специфических для каждого организма его молекул, обуславливающих собой форму организма. С этой точки зрения можно говорить о биотипе особи, расы, экотипа, вида» (стр. 100).

Хромосомы же «в том лишь случае могут иметь ценность для эволюции, если отдельные молекулы расположатся в них в линейном порядке. Только в этом случае хромосома — нить — может дать новые источники изменчивости» (стр. 101).

Органическую специфичность своих молекул-генов автор видит лишь в структуре живой материи. Форма и структура целиком поглощают и растворяют в себе функцию. Автор игнорирует то, что гены являются неразрывными частями целостной живой клетки, которой присущи все признаки живого.

В четвертой главе — «Материальная обусловленность изменчивости» — автор, исходя из материальных источников изменчивости и из локализации ее в отдельных клетках и органах клетки, выделяет следующие три группы изменчивости: гаметическую, зиготную и соматическую. Гаметическую изменчивость он, в свою очередь, расчленяет на: 1) изменчивость гена, или геновариацию, или унифакториальную мутацию, 2) на изменчивость хромосом и 3) на изменчивость ядра и клетки в целом.

Зиготную изменчивость автор расчленяет на: 1) собственно комбинацион-

ную изменчивость и 2) карнотипическую изменчивость, а соматическую изменчивость на: 1) собственно сомации и 2) почковые мутации.

Классификация изменчивости, по выдвинутому автором признаку, вполне приемлема. Само собой разумеется, что между отдельными группами и подгруппами нельзя проводить резких граней. В конкретной действительности они переплетаются и обуславливают друг друга. Это в должной степени отмечает и автор. Из отдельных подгрупп считаем излишним выделение «изменчивости ядра и клетки», так как изменение в генах и хромосомах и есть одновременно и изменчивость ядра и клетки; ничего специфического для этого вида изменчивости автор не вскрывает. Так же недостаточно автором выявлены специфические особенности карнотипической изменчивости.

Кроме классификации «с точки зрения материальных источников изменчивости» автор предлагает еще классификацию «с точки зрения ее форм» и генезиса. Прежде чем изложить свою классификацию по «формам изменчивости», автор анализирует содержание понятия мутации и «гибрида». Критикуя термин «мутация», автор на стр. 121 пишет: «Термин этот недостаточно объективно выдержан, а потому при классификации изменчивости его следует избегать». Свое утверждение автор ничем не доказывает и в дальнейшем сам без оговорок употребляет термин «мутация» и вводит «мутационную изменчивость» в свою классификацию. Бесспорным являются общие суждения автора о взаимосвязи гибридизации и мутации, о трудностях их разграничения на практике.

В пятой главе — «Наследственность и модификация» — автор всесторонне разбирает вопрос о модификационной изменчивости. При этом он резко выступает против общепринятого в генетике взгляда, что модификация — «ненаследственная вариация». Впротивовес этим взглядам он подчеркивает, что «каждая модификация наследственна» (стр. 142). Такое утверждение автора, стоящего в основном на позиции современной генетики, может вызвать у некоторых читателей ряд недоумений. Оно может дать повод для обвинения автора в механоламаркизме. Однако же при более внимательном анализе взглядов автора на модификацию это обвинение отпадает.

Сущность взглядов проф. Мейстера на модификацию заключается в том, что «вне модификации, т. е. изменчивости форм организма, нет генотипа, а потому модификационная изменчивость является и мерой генотипа» (стр. 142). Он подчеркивает, что подобно тому как случайность, являющаяся формой проявления необходимости, не мыслима в отрыве от необходимости (случайность необходима), так и модификацию как форму проявления генотипа нельзя оторвать от генотипа. И, поскольку «генотип наследственен, следовательно, должно быть понятно, что каждая модификация так же наследственна» (стр. 145).

Рассуждения автора содержат явную пуганицу. Когда впротивовес механоламаркистам генетики отрицают наследственность модификаций, то имеют при этом в виду лишь то, что модификации не являются источником генетической изменчивости или, по терминологии автора, «дифференциальной изменчивости». Автор же при своей критике ламаркизма придерживается тех же взглядов. Он неоднократно подчеркивает, что модификационная изменчивость не служит источником дифференциальной изменчивости, не является источником образования наследственно новых форм, что модификация качественно отличается от мутации. Так что в итоге неясно, о чем, собственно говоря, спор и в чем расхождения автора по существу с теми, кто именно в таком смысле понимает «ненаследственность модификации».

В шестой главе — «Три формы изменчивости» — автор вновь повторяет то, что писал в предыдущих главах о дифференциальной и модификационной изменчивости. Более подробно он излагает свои взгляды на онтогенетическую изменчивость и вскрывает единство и связь между этими тремя формами изменчивости.

Неизвестно, зачем автору понадобились отдельные виды изменчивости схематизировать в виде формул. Изображение сложных биологических процессов в виде формул имеет в прошлом много precedентов (напомним формулы формо-

образования Дриша и др.). Такие формулы ничего не дают, кроме схематизации и опустошения биологического процесса.

В современной биологии стихийно и исторически создан метафизический разрыв между генетикой и «механикой развития». Подчеркивая значение онтогенетической изменчивости для селекции, автор пытается преодолеть этот разрыв.

Но пути и методы этого преодоления, применяемые автором, могут лишь привести к углублению этого разрыва. Проф. Мейстер совершенно игнорирует методы исследования «механики развития» и те достижения, которые она имеет по вскрытию существенных закономерностей индивидуального развития. Безапелляционным включением онтогенетической изменчивости как объекта исследования селекции и генетики автор фактически уничтожает «механику развития», или, по автору, «теорию наследственной реализации», как самостоятельную дисциплину.

Для иллюстрации отношения автора к проблемам индивидуального развития приведем следующее место.

«Еще до (это до—больше ста лет.—М. З.) преформистской теории Вейсмана Оскар Вольф (что за Оскар? Мы знаем Каспара Фридриха Вольфа.—М. З.) выдвигал свою теорию эпигенеза, по которой воспроизводительная клетка считалась лишенной какой-либо структуры, а зародыш образуется и развивается благодаря взаимодействию между собой отдельных частей клетки, тканей, органов и пр. Эта теория опровергается теорией Вейсмана, а тем более современными цитологическими генетическими данными» (стр. 156). Как это понимать? Солидаризируется ли автор с преформизмом Вейсмана? Ведь несколькими строками выше автор критикует преформизм!

Критически следует также отнестись к разграничению автором онтогенетической и модификационной изменчивости под углом зрения пространства и времени. Утверждение автора, что «онтогенетическая изменчивость» есть «процесс, идущий во времени», а «модификационную изменчивость мы можем рассматривать как процесс изменчивости формы в пространстве» (стр. 165), приводит к метафизическому разрыву единых форм проявления движущей материи.

Последнюю главу — «Историческая обусловленность формы организма» — автор посвящает анализу и критике ламаркизма, дарвинизма, номогенеза, автогенеза и других эволюционных учений.

С большим сожалением приходится отметить, что рецензируемая книга особенно выделяется крайней небрежностью редактирования, стилистическими дефектами, опечатками и тому подобными проявлениями некультурного отношения к читателю. За все это исключительную ответственность несут Сельхозгиз и редактор книги Ф. Ярошенко, техредактор Гевондян и корректор К. Зеелер. Давно уже пора покончить с такими позорными явлениями в нашем издательском деле. Не снимается ответственность с автора, который повинен в целом ряде нечетких, стилистически не обработанных формулировок.

Укажем лишь отдельные, наиболее яркие факты.

На стр. 32 в связи с оценкой Дарвина находим такое выражение: «Проблема качества и количества не была им преодолена». Что это должно означать, совершенно непонятно.

На стр. 131 автор определяет диалектику как «оформление нашим сознанием сущности материалистических (?) процессов, идущих в природе». Такое определение диалектики совершенно неверное, идеалистическое.

В рецензируемой книге исключительно много опечаток.

В заключение отметим, что в работе, посвященной анализу отдельных категорий биологии, автору следовало бы более осторожно употреблять или по крайней мере критически отнестись к таким понятиям и категориям, которые используются современными буржуазными учеными для метафизического и идеалистического извращения материальных жизненных процессов. Так, автор на стр. 27 употребляет понятие «мертвая материя» вместо «неорганическая». Весьма часто

вместо понятия организм или живое существо употребляет понятие «форма» или «морфа».

Некритически автор пользуется понятием «норма реагирования», игнорируя то, что это понятие широко используется виталистами для обоснования своих идеалистических воззрений (статья Вольтерека в сборнике «Das Lebensproblem»).

В заключение отметим, что совсем не понятно, почему автор ни словом не обмолвился о школе А. С. Серебровского и тех ошибках, которые были допущены меньшевистствующими идеалистами в области генетики.

Рецензируемая книга, несомненно, вызовет большой отклик у советских биологов, ибо автор затронул в ней целый ряд принципиальных, общих вопросов.

Последующее издание рецензируемой книги потребует тщательной редакции и доделки. Хорошо было бы несколько сократить ее за счет последних двух глав. Внешнее оформление книги удовлетворительно.

М. Злотов

Письмо в редакцию

Настоящим сообщаю, что критику, данную о моей книге «Диалектический и исторический материализм» в № 1 журнала «Под знаменем марксизма» за 1935 г. гг. Константиновым и Юдиным, считаю в основном правильной, особенно политической ошибки троцкистского типа, допущенной мною в определении революционного периода, последовавшего вслед за Февралем 1917 г.

Вл. Сарабьянов

В № 2 нашего журнала вкрались следующие пропуски и опечатки:

На стр. 201 в конце 6-го абзаца напечатано: Дидро как мыслитель-материалист формировался в борьбе с современными ему этот путь развития Дидро.

Следует читать: Дидро как мыслитель-материалист формировался в борьбе с современными ему идеалистическими течениями на основе их преодоления. Автор прослеживает этот путь развития Дидро.

На стр. 205, 2-й абзац сверху, напечатано: чем этого хочет представить тов. Луппол.

Следует читать: чем это хочет представить тов. Луппол.

ОТ КОММУНИСТИЧЕСКОЙ АКАДЕМИИ

Президиумом Коммунистической академии при ЦИК СССР утверждена Аттестационная комиссия по присуждению ученых степеней и званий в следующем составе:

Председатель — Савельев М. А., члены: тт. Адоратский В. В., Варга Е. С., Гайстер А. И., Горохов Ф. А., Дубына Т. М., Кольман Э., Квиринг Э. И., Лукин Н. М., Луппол И. К., Лурье Д. Г., Митин М. Б., Милютин В. П., Островитянов К. В., Пашуканис Е. Б., Станкевич Ф. П.

В президиум Аттестационной комиссии входят Савельев М. А. (председатель), члены: тт. Пашуканис Е. Б., Кольман Э., Островитянов К. В.; секретарь — Станкевич Ф. П.

По отдельным научным дисциплинам утверждены при институтах Комакадемии квалификационные комиссии в следующем составе:

При Институте экономики Комакадемии:

Председатель — Квиринг Э. И., члены: тт. Борилин Б. С., Крумин Г. И., Островитянов К. В., Рубинштейн М. И.

При Институте мирового хозяйства и мировой политики Комакадемии:

Председатель — Варга Е. С., члены: тт. Лапинский П. Л., Лозовский Г. А., Рогинский Г. Ф., Таль Б. М., Хмельницкая Е. Л.

При Аграрном институте Комакадемии:

Председатель — Милютин В. П., члены: тт. Гайстер А. И., Лурье Д. Г., Кубанин М. И.

При Институте истории Комакадемии:

Председатель — Лукин Н. М., члены: тт. Дубына Т. М., Зоркий М. С., Панкратова А. М., Фридлянд Г. С.

При Институте философии Комакадемии:

Председатель — Митин М. Б., члены: тт. Деборин А. М., Луппол И. К., Максимов А. А., Юдин П. Ф.

Подкомиссия по вопросам литературы и искусства:

Председатель — Луппол И. К., члены: тт. Беспалов И. М., Кирпотин В. К.

При Институте советского строительства и права Комакадемии:

Председатель — Пашуканис Е. Б., члены: тт. Ангаров А. И., Берман Я. Л., Вышинский А. Я., Крыленко Н. В.

Редакционная коллегия
журнала „ПЗМ“

В. В. Адоратский, М. Б. Митин, Э. Кольман, П. Ф. Юдин, А. А. Максимов, А. М. Деборин, А. К. Тимирязев.

Адрес редакции: Москва, 19, Волхонка, дом 14, комната 328. Здание Комакадемии.

Тел. 1-24-27.

РЕДКОЛЛЕГИЯ ЖУРНАЛА «ПЗМ»: В. В. Адоратский, М. Б. Митин, Э. Кольман, П. Ф. Юдин, А. А. Максимов, А. М. Деборин, А. К. Тимирязев.

Ответственный секретарь редакции А. А. Маегов.

В ЖУРНАЛЕ ПРИНИМАЮТ УЧАСТИЕ:

акад. Адоратский В., Атлас З., Баммель Г., акад. Бах А., Берестнев В., Блохинцев Д., Богданов В., Бобровников Н., Брандлендер В., Брушлинский В., Бубнов А., акад. Вавилов С. И., Вандек В., Вирская Н., акад. Вольфсон С., Волков Н., Вышинский П., Габриэлян Г., Гальперин Ф., Герман Л., Гессен Б., Горохов Ф., Гринберг Г., Гришин З., Дворкин Н., Деборин А., Домрачев В., Досев П., Дмитриев Г., Дычник М., Егиазаров А., Егоршин В., Енишерлов М., Золотарев А., Ильинский И., Иолк Е., акад. Иоффе А. Ф., Казарин А., Каммари М., Каплан И., Кедров Б., Кирпотин В., Кольман Э., Константинов Ф., Корнеев М., Коровин Е., Косяченко Г., Коштыяц К., Кривцов С., Кровицкий Г., Крупская Н. К., Кузнецов А., Кузьмин И., Левин М., Левит С., Леонтьев А., Липендин П., Лифшиц С., Луппол И., Лукач Г., Маегов А., Максимов А., Митин М., акад. Миткевич В., Мишин М., Муравьев Е., Мушперт Я., Надеждин Л., Никитин Н., Никольский В., Нирина Е., Новинский И., Новогрудский Д., Обичкин Г., Остерман Э., Паукова В., Перельман Ф., Петропавловский С., Пиков В., Пичугин С., Познер В., Презент И., Путинцев Ф., Ральцевич В., Розенталь И., Розанов Я., Рудаш В., акад. Савельев М., Сарабьянов В., Сараджаев А., Селектор М., Ситковский Е., Сливкер Б., Смирнов А., Смирнов М., Стецкий В., Таганский Е., Тамм И., Тимирязев А., Тимоско, В., Токин Б., Таболов К., Тулепов М., Федосеев П., Фигурнов П., Фогараши Н., Фурщик М., Черемных П., Чернышев Л., Чулок Т., Шейнман М., Шелкопляс Н., Широков И., акад. Шмидт О. Ю., Шмидт К., Штейн О., Щукарь М., Эпштейн С., Эстрин А., Юдин П., Яновская С., Янковский, Якобсон М., Ярославский Е., Яффе Г. и др.

АДРЕС РЕДАКЦИИ: Москва, 19, Волховка, 14, комната 328.

Тел. 1-24-27.

Цена 3 руб.

М4933

Издательство ЦК ВКП(б) „ПРАВДА“

ПОДПИШИТЕСЬ

НА ДВУХМЕСЯЧНЫЙ ФИЛОСОФСКИЙ И
ОБЩЕСТВЕННО-ЭКОНОМИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

ПОД ЗНАМЕНОМ МАРКСИЗМА

14-й год издания

Журнал выходит под редакцией Адоратского В. В., Митина М. Б., Кольмана Э., Юдина П. Ф., Максимова А. А., Деборина А. М., Тимирязева А. К.

Журнал «ПОД ЗНАМЕНОМ МАРКСИЗМА» — боевой орган марксизма-ленинизма — ведет решительную борьбу за генеральную линию партии, против всяких уклонов от нее, проводя последовательно во всей своей работе ленинский принцип партийности философии.

В области философии журнал «ПОД ЗНАМЕНОМ МАРКСИЗМА» ведет неуклонную борьбу на два фронта: с механистической ревизией марксизма, с меньшевистствующим идеализмом и со всякого рода вулгаризаторством и упрощенчеством в марксистской теории.

Важнейшей задачей «ПОД ЗНАМЕНОМ МАРКСИЗМА» являются действительное выполнение намеченной для него Лениным программы, разработка ленинского этапа развития диалектического материализма, освещение материалистической диалектики в работах т. Сталина, беспощадная критика всех антимарксистских и, следовательно, антиленинских установок в философии, общественных и естественных науках, как бы они ни маскировались.

Журнал «ПОД ЗНАМЕНОМ МАРКСИЗМА» разрабатывает теорию материалистической диалектики, вопросы исторического материализма в тесной связи с практикой социалистического строительства и мировой революцией.

Журнал «ПОД ЗНАМЕНОМ МАРКСИЗМА» объединяет для выполнения этих задач воинствующих материалистов-диалектиков, систематически выращивая большевистски выдержанные философские кадры.

«ПОД ЗНАМЕНОМ МАРКСИЗМА» имеет постоянные отделы: Ленин и ленинизм, материалистическая диалектика, исторический материализм, история материализма, история социализма, критика фашизма и социал-фашизма, отдел теоретической экономики, теории советского хозяйства, естествознания и техники, литературы и искусства, психологии; антирелигиозный отдел, дискуссионный отдел, отдел работы семинаров ИКП; критика и библиография; отдел переписки с читателями, сообщения и заметки.

«ПОД ЗНАМЕНОМ МАРКСИЗМА» рассчитан на активных работников партии, научных работников общественно-экономических и естественных дисциплин, преподавателей и слушателей комвузов, вузов, рабфаков, марксистских кружков, товарищей, занимающихся самообразованием, и т. п.

ПОДПИСНАЯ ЦЕНА НА 1935 ГОД:

на 1 год — 18 руб., на 6 мес. — 9 руб., на 2 мес. — 3 руб.

Цена отдельной книжки 3 руб.

Подписка принимается повсеместно «Союзпечатью», почтой, письмомосдами и организаторами подписки на предприятиях и в учреждениях. Розничная продажа журнала производится во всех киосках «Союзпечати».